

ЧЕСТЬ

ОТВАГА

Н. Коротеев

Когда взревел фонтан, все бросились от вышки. Рев был дик и всепоглощающий. Громоподобен. Он заставил Мухамеда остановиться. Мухамед замер.

Невольно обернулся. И увидел чудовищного джина, упершегося косматой головой в небо. Ноги Мухамеда подкосились. Он поднял локоть, чтобы заслониться от жара, бьющего в лицо. Тут же он не то, чтобы увидел, а скорее отметил про себя: двое бегут не от огня, а к огню... В огонь!

ГРИФОН

МУЖЕСТВО

♦ честь ♦ отвага ♦ мужество ♦

**НИКОЛАЙ
КОРОТЕЕВ**

ГРИФОН

Повесть

**МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1973**

Р2
К68

*Грифон — мифическое чудовище —
лев с крыльями орла.*

7—3—2
185—73

© Издательство «Молодая гвардия», 1973 г.

Ловко перехватывая поручни, Алты быстро взобрался на полати буровой вышки.

Полати — это площадка. Она находится посредине, меж основанием и верхушкой — кронбломом, на высоте двадцати пяти метров. Тот, кто работает на полатах, называется верховой. Это должен быть очень проворный человек. Во всяком случае, Алты был самым проворным не только в смене, но и в бригаде, а некоторые бутовики говорили, что такого верхового, как Алты, вряд ли найдешь даже на участке. А участок для разведчиков недр — почти то же, что участок фронта для военных. На своем участке бутовики первыми погружают бур в недра. Они либо подтверждают предположение ученых, либо твердо говорят: «Ошибочка». Но это бывает последнее время очень редко.

Выйдя на площадку, Алты пристегнул к ограде страховочный пояс, посмотрел вниз. На настиле буровой стоял у приборов мастер. Бурильщик дядька Остап что-то кричал своему помощнику и рабочему. Бригада готовилась к подъему колонны бурильных труб.

Из дизельного сарая, что стоял рядом с буровой, доносился на полати постук машин. Все шло нормально. У Алты оставалось время, чтобы окинуть взглядом весеннюю цветущую пустыню, которую он, впрочем, любил независимо от времен года.

Пустыня распласталась чашей от края до края. Замерли океанские волны барханов. Кое-где белели солончаковые пятна — шоры, рыжели плешины такыров — глинистых площадок. Пустыня цвела. На ней справляла свой короткий праздник весна. Это был, без сомнения, праздник. А какой же праздник бывает длинным? Далеко-далеко, если глядеть на юг, в сторону предгорий, можно различить притушенную далью яркую полосу — красные тюльпаны. Здесь же, в ложбинах меж барханов, кланялась весне песчаная акация — сюзен, серебристое деревце с гроздьями мелких фиолетовых соцветий. Выбросили вверх кисти красочные эремурусы. кое-где красовалась эфедра, а под ветерком склонялся упругий илак — песчаная ярко-зеленая весеня осока. Сколько мог Алты рассказать про травы, цветы и деревья пустыни. Пока, пожалуй, больше, чем о буровой, на которой работал.

Небо сияло голубизной. Не палевой, как летом, в жару, а подлинной лазурью. Мозаика куполов самаркандских мечетей лишь напоминает ее. Может быть, и не самаркандских, а более древних, что стоят среди песков в той стороне, куда он смотрит. Полуразрушившиеся купола древнего храма облицованы изнутри лазурной керамикой. Она не потеряла своего сияющего цвета и поныне. Люди забыли название этого храма. Оно затерялось даже в преданиях. Но труд строителей не смогли стереть ни годы, ни ветер, ни солнце. Вещь, сделанная человеком, долговечнее его самого и даже памяти о нем.

Да, удивительное лазурное небо распахнулось над

весенней пустыней. Такое глубокое, прозрачное. Лишь на горизонте, словно далекие снежноголовые горы, застыла гряда облаков.

Справа от Алты на далеком-далеком такыре, стоял редкий мираж. Море. Близился вечер, и местами сквозь воду миража просвечивала земля. В полдень — другое дело. Тогда море не отличишь от настоящего, и можно без труда разглядеть игру солнечных бликов на воде. Кустики сюзена — песчаной акации — казались плывущими на всех парусах кораблями, заросли саксаула выглядели далекими сказочными оазисами. И хотя Алты отлично знал — не море это, не вода, а мираж, смотреть в ту сторону все равно было очень приятно. Иногда Алты словно забывал, что перед ним мираж, и считал его морем. Алты исполнилось восемнадцать, и мираж не сердил его, как бурильщика дядьку Остапа. Причем, как считал Алты, дядька Остап даже любил сердиться. Есть такие люди, которые любят сердиться, потому что не злые, а добродушные. Только они не хотят, чтоб об этом знали.

Алты объяснял это явление дядьке Остапу с азартом недавнего школьника и поражал пожилого бурильщика обилием умных выражений. Слушая мудрености, дядька Остап морщил нос, будто хотел чихнуть, но раздумывал.

Слева от Алты на горизонте, на самой ниточке, угадывался поселок. Именно угадывался, размытый струящимся маревом. От него к буровой тянулась, извиваясь и петляя, желтая бечевка дороги с колеями, разбитыми в пыль.

С высоты полетей легко заметить на ней машины — подвижный столбик пыли. Если он на развилке не уходил вправо, значит, ехали к ним. А коли бежал «газик», Алты колотил ключом по стальному косяку вышки, подавал условный знак — едет геолог Гюльнара.

Все поднимали головы вверх, и первым мастер Алексей Михайлович, или просто Михалыч. Так его звали по отцу — старому буровику, начальнику конторы, человеку заслуженному и очень уважаемому.

Окончив институт, Алексей поступил работать в ту же контору бурения, где начинал парнишкой — буровым рабочим. А теперь стал мастером. Для начала. Михалыч был человеком молчаливым. Однако его молчание шло не от угрюмости. Только посмотрит, а тому, на кого он посмотрел, яснее ясного становится, что надо делать. И он делает. И так, словно это не приказ, не распоряжение мастера, а его собственная догадка, которая необходима для дела именно сейчас, сию минуту. Ведь так чаще всего бывает в жизни, что человеку стоит не подсказать, а только намекнуть, и он уже понял, как нужно поступить в том или ином случае. Конечно, если он знает дело. А тому, кто понятия не имеет, о чем идет речь, тому ни намеки, ни подсказки не помогут. Учиться ему надо. И вероятно, очень долго.

Работа поэтому в бригаде спорилась. Иные лишь третью скважину с января бурить начали, а парни Михалыча — пятую. А ведь молодой мастер еще и года не работал. Но уж, право, ловко все у них в бригаде получалось. Словно и долота у них другие, более прочные и хорошие, и раствор — люкс, и дизели трудятся, не нуждаясь вроде в отдыхе.

Ну и заработки в бригаде такие, что в остальных лишь головами качали да прищелкивали языком. Может, от восхищения, а может, от зависти. Про зависть дядька Остап говорил.

Вот он стоит. Сверху, с полатей, только соломенная шляпа с широкими полями видна. Брыль — так он ее называет. А из-под полей шляпы виден краешек брюшка. Пузат дядька Остап. Словно очень-очень сытый верблюд. Не в обиду такое сказано. Но не вслух. Дядь-

ка Остап рассердиться может. Он обидчив. И не всегда понимает шутки. Тогда его лицо наливается кровью. Тяжелой, фиолетовой. Ругается он длинно и запутанно, забываешь, с чего начал. Голос у дядьки Остапа не по толщине и не по росту пискляв.

Алты любил верблюдов, и сравнение с ними ничем не хуже, чем сравнение с львом или тигром, на которое дядька Остап вряд ли обиделся бы. Но Третьак этого, видимо, не хотел понимать. Во всяком случае, когда Михалыч назвал его «тигром проходки», дядя Остап расцвел, будто роза, и стал нежен, словно лилия долин, как писали древние поэты.

Когда мастер бывал на буровой, Алты раз пять в день лазал на полати. Михалыч и глазом не моргнет, Алты сам по времени чувствует — пора. И взбирается посмотреть, не выехала ли из поселка машина. «Газик» участкового геолога Гюльнаре. Из поселка до вышки добрых полтора часа езды. Увидит Алты пыльный столб на дороге, спустится, подойдет к мастеру и покажет большим пальцем через плечо в ту сторону.

Все в смене понимали Михалыча. Радовались за него. Только не дядька Остап. И почему в нем укоренилась какая-то недоверчивость к Гюльнаре? Молода, мол, чтоб буровиками командовать, да и баба, хоть в брюках строченых ходит. Но поскольку в отсутствие своей жены он о женщинах был невысокого мнения, то никто не слушал его ворчания. А ворчать дядька Остап любил.

Мастер по улыбке Алты догадывался, кто едет, подмигнет ребятам, проведет ладонью по щекам. Но это так, излишняя проверка. У Михалыча в бригаде не только он сам, но и остальные бреются каждый день. Уж таков порядок.

— На буровой — как на корабле! — сказал однажды мастер.

Правда, Алты знал точно, Михалыч на флоте не служил. Однако этому никто не придавал значения. О порядках на кораблях и Алты, и другие рабочие смены знали по книгам. Но это тоже неважно. Теперь в бригаде говорили: «У нас на буровой — как на корабле!» И понимали значение этих слов. А это самое главное.

Единственно, кто составлял исключение в бритве, это Алты. Борода у него еще просто не росла. Ну никак не росла... Сначала Алты все-таки брился. Намывал гладкие, с девичьим пушком щеки, водил по ним бритвой.

Но Михалыч сказал:

— Еще намучаешься. Не спеши.

Алты перестал спешить. Однако по субботам он все-таки брился.

Помощник бурильщика — тоже хороший человек. Мухамед. Роста небольшого, жилистый, кажется, одни кости, но он мог приподнять за край десятидюймовую бурильную трубу. Щеки впалые, лоб с залысинами, хотя Мухамеду всего двадцать шестой год. И была у Мухамеда, как он считал, слабость, с которой все мирились. Даже подшучивали над ней. Он писал стихи и зачитывался Омаром Хайямом и Мирзо Турсунзаде.

А месяц тому назад в республиканской газете были напечатаны стихи Мухамеда. На буровой сердечно поздравили его. Мухамед посмотрел на товарищей очень радостными и грустными глазами, — они у него были такие крупные, что могли выражать несколько чувств сразу, — посмотрел, улыбнулся так, будто про себя, и сказал:

— Я, ребята, еще лучше напишу.

— Дума за горами, а смерть за плечами, — тихо проговорил Саша, буррабочий. Его понизили в долж-

ности полгода назад, после того, как на буровой, где он был мастером, произошла авария — упал в скважину инструмент. Саша очень тяжело переживал свою оплошность.

Чувствительный к людям и их взаимоотношениям, Алты замечал: Саша понимал свое неловкое положение. Однако Алты в нем кое-чего не понимал. Почему, признавая свою доказанную вину, сам, будучи убежден в собственной виновности, Саша в душе, в глубине сердца, находил сотни отговорок, десятки причин, которые якобы в чем-то оправдывали его, облегчали его погрешность. Даже приговорка такая у него появилась: «Вот и у меня тогда тоже...» Но никто не посмеивался над этим. Держался Саша несколько особняком, говорил лишь о деле и редко глядел кому в глаза. Наверное, у него и раньше была такая привычка — рассматривать землю под ногами, будто монету уронил и найти не может...

Алты вглядывался в пустынный горизонт: может, появится на дороге столб пыли, вдруг приедет на буровую Гюльнара.

Ах, какая красивая девушка Гюльнара!

Гюльнара водит машину. Лихо. Алты хотел бы научиться ездить так, как она. Так не все шоферы умеют раскатывать по пустыне. Конечно, есть в колонне шоферы, которые ездят ой-ой-ой! За сутки не коснутся левой рукой баранки. Но и Гюльнара отлично водит машину. Это всем известно. А ведь она — молодая девушка, а не ас пустынных горизонтов с двадцатилетним стажем.

Ах, какая красивая девушка Гюльнара! Очень серьезная, по мнению Алты. Очень хотелось бы ему узнать, о чем разговаривают Михалыч и Гюльнара. Наверное, о чем-то необыкновенном.

Но кто тогда смотрел в их сторону? Кто захотел бы подслушать их разговоры? Кому бы пришлось в голову такое? Алты твердо уверен — никому.

Иногда, поговорив, мастер и геолог отправлялись прогуляться или уезжали в пустыню, а совсем редко ехали на охоту. Но и в этом случае они уезжали вдвоем.

А почему они должны были брать с собой еще кого-то? Если Алты познакомится с девушкой, такой же красивой, как Гюльнара, он тоже будет бывать везде, а особенно прогуливаться по цветущей весенней пустыне и охотиться на сайгаков, только вдвоем с ней. Конечно, Алты не умеет так стрелять, как Михалыч. Но ведь и водить машину, как Гюльнара, и стрелять, как Михалыч, можно научиться. Но вот встретить девушку, подобную Гюльнаре... В этом ему должно повезти!

Внизу громче заработали дизели. Алты тотчас уловил это изменение в привычном гуле. Глянул вниз — и отбросил мечты. Снизу двигалась к нему на таях захваченная замком труба. Начался подъем бурильной колонны.

Скважина была пробурена почти на три тысячи метров. Значит, чтобы сменить долото, предстояло вытащить на поверхность около ста «свечей» — свинченных по две бурильных труб. Получалось, что всю ночь, до утра они станут сначала вытаскивать из скважины бурильную колонну. Затем, сменив долото, будут опускать инструмент к забою. Иными словами — заново свинчивать эту почти трехкилометровую махину. А уж потом новая смена продолжит бурение дальше.

Да, еще Гюльнара говорила, что скоро специально-сти полатчика не будет. Может быть, она шутила? Она сказала:

— Там, где ты стоишь, Алты, будет находиться ав-

томат. Прибор станет захватывать отвинченную от колонны трубу и ставить ее куда надо.

Михалыч, слушая ее, посмеивался:

— О Гюльнара! Не очень скоро это будет — раз. И бурение всегда останется искусством — два.

Тут они обычно начинали спорить, забывая об Алты...

Загрустив, Алты отходил, дизелист Есен обнимал его за плечи.

— Года через три, когда буровой автомат войдет в строй, ты, Алты, будешь бурильщиком. Не горюй!

«Свеча», захваченная замком, поднялась на уровень полатей. Слышно стало, как заработал ротор, отвинчивая секцию от остальной колонны. Едва почувствовав, что «свеча» свободна, Алты отводит ее в сторону, на «подсвечник», за загородку. Следом за этим он отцепляет массивный элеватор-замок, и тот уходит вниз, за следующей «свечой».

Дело шло быстро. Тут все зависело от сработанности между рабочими смены. А бригада Михалыча тем и славится. Одна за другой поднимаются «свечи». Алты подхватывает трубы, отправляет на «подсвечник», отцепляет замок. Трубы рыжие, скользкие от покрывающего их глинистого раствора. Алты работает в рукавицах. Но и сквозь брезент он чувствует, что раствор добротен. А определить это может человек опытный. Алты очень хочется стать хорошим буровиком. Он приглядывается ко всему внимательно. Уметь же разбираться хоть немного в глинистом растворе на ощупь — большое дело.

«Раствор — это кровь скважины», — любил повторять Михалыч.

Очень здорово сказано мастером.

Глинистый раствор закачивают в скважину, чтобы создать противодавление на забой. Ведь скважина,

углубляясь, проходит различные пласты: водяные, газовые, нефтяные. Жидкость и газ в глубине находятся под громадным давлением — в несколько десятков атмосфер. Будь раствор, вес которого строго рассчитывают, недостаточно тяжелым, нефть или газ просто выплунут километровую пробку раствора. Тогда — авария, если с разбушевавшейся скважиной в конце концов сумеем справиться. Или катастрофа, если ее придется с великим трудом заглушить и залить цементом, чтобы не портить месторождение, не бросать на ветер добро: нефть или газ.

Но раствор не только предупреждает выброс. Он приводит в движение турбобур, вращающий долото. Бесперывно циркулируя в скважине, раствор выносит из забоя шлам — размельченную долотом породу. По шламу можно узнать, какие пласты проходят бурением. И еще раствор укрепляет стенки скважины. Осаждаясь на них, он образует достаточно плотную корочку.

— Что такое раствор? Это наука, — говорил мастер. — А готовить его — искусство. Пожалуй, не менее сложное, чем варить сталь.

Алты очень серьезно и вдумчиво изучал и эту науку, и это искусство. Недаром за полгода работы на буровой он из второго, подсобного, рабочего стал верховым. Если так пойдет, через год-полтора он будет бурильщиком, как дядька Остап.

Снова и снова перед Алты возникает поднятая «свеча». Прошло уже несколько часов с тех пор, как начался подъем. Отправив вниз замок, Алты снял рукавицы, вытер пот со лба. Очень споро они сегодня работают.

Близился короткий вечер. Солнце коснулось фиолетовой дымки, плывшей над горизонтом, и из золотого, погружаясь, становилось медно-красным.

В дальней котловине такыра давно пропал мираж. Теперь впадина наполнялась волокнами тумана.

От земли стала подниматься острая прохлада. От нее стыли руки. Ветерок едва тянул, но стал теперь пронизывающим.

«Не хватало, чтобы пошел урючный снег, — подумал Алты. — Коварна весна в пустыне».

На каждой секции вышки зажглись лампочки. Загорелся свет и над головой Алты.

Окружающее сразу погрузилось во тьму. Даже заходящее солнце стало тусклым, померкло. В стороне поселка в темени наступающей ночи замерцали далекие огоньки домов.

Поставив очередную «свечу», Алты посмотрел вниз и уже хотел махнуть рукой: «Майнай потихоньку!», но удивился какой-то странной суматохе.

Дядька Остап, бросив ручку тормоза, стоял с поднятыми руками, словно это были не руки, а крылья, и он вот-вот поднимется в воздух.

— Превентеры! — трубный голос мастера перекрыл шум дизелей. — Превентеры!

Алты не сообразил сразу, что происходит. Он, опершись локтями о перильца мостика, с удивлением и любопытством поглядел вниз.

Саша и второй буррабочий кубарем скатились по мосткам на землю и кинулись к штурвалам превентеров. Эти задвижки в случае надобности наглухо перекрывают устье скважины, закупоривают ее. Штурвалы превентеров торчат метрах в пятнадцати по обе стороны вышки. Но Алты в темноте не видел их.

Он понял, что на буровой случилось нечто необыкновенное, страшное, раз мастер кричал не своим голосом: «Превентеры!» Однако Алты на какое-то мгновение почувствовал, что не в состоянии двинуться с места, будто под взглядом змеи. Он смотрел на ярко

освещенный четырехугольник помоста с кругом ротора посредине.

— Превентеры! — снова взревел мастер.

И тогда и он сам, и дядька Остап, и Мухамед тоже метнулись с помоста. Исчезли в темноте.

На какую-то долю секунды наступила тишина, или Алты так показалось. Может быть, он был просто не в состоянии что-либо слышать. Его взгляд был прикован к тому, что он увидел в центре ротора, в отверстии, из которого торчала зажатая в замке открытая труба.

Рыжий глинистый раствор в ней будто кипел, булькал, словно густая каша...

И вдруг как бы взорвалось что-то в глубине скважины. Раствор сумасшедшим фонтаном извергся из устья скважины и полетел прямо в Алты. Удар пришелся по мостику. Алты отбросило в сторону.

Уже после грязевого извержения Алты прикрыл лицо согнутой в локте рукой. Кожа болела и саднила от удара, особенно пострадали глаза. В них бушевала дикая боль, скакали и прыгали огненные круги. Наверное, Алты пытался кричать, но рот залепило вязкой массой раствора.

Алты не вышвырнуло с полатей лишь потому, что он был прицеплен к стальным перилам мостика карабином страховочного пояса. Сам он теперь висел вниз головой, а по его ногам била газовая струя из скважины...

Не отнимая согнутого локтя от лица, защищаясь им, Алты подтянул ноги к животу, сжался в комок. Напор газовой струи бил где-то рядом. Свободной рукой Алты ощупал стальные ребра конструкции вышки, постарался разобраться, где он находится. Наконец ему удалось сориентироваться. Он висел боком, отброшенный почти к фермам самой вышки на всю длину цепи страховочного пояса.

Потом он нащупал две доски, чудом оставшиеся от помоста. Видно, кто-то из монтажников приладил их на совесть. Это были крайние доски. За ними — пустота и слабый, слабее, чем в центре вышки, напор бьющего из скважины газа. Тут же рядом Алты нащупал косой швеллер, крепящий секцию вышки. Это означало, что до угла, от которого тянулась вниз, к земле, растяжка, совсем недалеко.

Лишь теперь, окончательно разобравшись, где он находится, Алты сообразил, что ему необыкновенно повезло. Именно повезло. Если бы его отбросило вправо, он провалился бы в дыру. Ведь там доски были выбиты выбросом. И повис бы на страховочной цепи почти над центром помоста, в самом пекле бьющей струи.

Сдерживая дыхание, потому что воздуха вокруг просто не было, один газ, Алты, не отнимая локтя от лица, начал подтягиваться свободной рукой к углу вышки — единственному пути к спасению, к растяжке, косо уходившей к земле. Он очень спешил и в то же время старался действовать осторожно — неверное движение могло стоить ему жизни.

Но самое жуткое еще не произошло...

Оно могло и не произойти в те секунды, за которые Алты добрался бы до угла. Могло не случиться вообще никогда.

Однако стоило удариться друг о друга железякам, которых на буровой сколько угодно...

Искра...

И газовый фонтан будет огненным факелом.

Алты искал спасения быстро, как только мог. Он молниеносно оценивал обстановку и свои возможности. Противоречивые побуждения метались в голове удивительно быстро: «Быстрее!», «Не торопись!», «Скорее! Скорей!», «Не спеши!..» В то же время следовало не

поддаваться этим побуждениям, а выбрать действия точные и решительные.

Потом в голове возник сначала тонкий комариный звон, будто лопнула какая-то ниточка. И с каждым ударом сердца звук рос, усиливался, превращался в набат, заглушающий все и вся. Мысли начали путаться, перехлестываться, их приходилось разрывать, словно свалившийся клубок шерсти. Мышцы становились вялыми. На поверхность взбудораженного сознания всплыла покорность судьбе, почти спокойствие безысходности. Страшное безразличие.

«Газ... На-ды-шал-ся... га-а-азом... Все... не вы-браться».

Но все его существо взбунтовалось против этой покорности. Алты усилием воли, словно содрал с мыслей это отчаяние, погасил его, как тушат тужуркой едва вспыхнувшее пламя. Он сжал зубы. Затаил дыхание. Однако теперь уж не звон стоял в голове. Череп — будто наковальня, по которой бьет с оглушающей силой молот — толчки крови. Удар за ударом. Удар за ударом!

Казалось, следующего не вытерпеть.

В удушливом бреде, только инстинктивно, Алты нащупывал одно звено страховочной цепи за другим. Наконец пальцы добрались до карабина. Но в пальцах не доставало сил отжать его, отцепить от металлической скобы мостика.

А карабин нужно было освободить во что бы то ни стало. Его нужно отцепить, потом добраться до угла вышки, откуда тянется к земле растяжка, зацепиться за проволоку карабином и на цепи страховочного пояса съехать вниз. Просто прыгнуть с вышки нельзя. Можно угодить на помост, на трубы, лежащие около буровой, и в этом случае он мог бы вообще не

пытаться прыгать. Он разбился бы, упав с тридцатиметровой высоты.

Алты снова и снова пытался отцепить карабин. Безуспешно. Несмотря на безвыходность положения, он не допускал и мысли использовать для спуска по растяжке рукавицу. Алты боялся повредить руки о проволоку. Он очень боялся боли и страшился повредить руки.

На какое-то мгновение Алты потерял сознание, будто провалился куда-то. Время исчезло.

Его привел в себя сильный хлопок. Жуткий, сверкающий, обдавший его огненным жаром.

Попробовав вздохнуть, Алты поперхнулся огнем.

«Газ загорелся!»

Алты словно очнулся. Откуда взялись силы. Теперь он без труда отстегнул карабин страховочного пояса. Алты поднялся на ноги, чувствуя вокруг себя бушующее пламя. Скользнул ногой по стальному швеллеру, сделал шаг к углу вышки. Еще шаг, еще. Дышать стало совсем невозможно. Алты сильнее прижал к лицу согнутую в локте руку. Наконец пальцы его свободной руки натолкнулись на раскаленную угловую балку вышки. Пальцы скользнули вниз.

Вот и трос — растяжка, наклонно уходящая к земле.

Раствор, облепивший лицо, голову и грудь, служил теперь как бы панцирем. Но пламя спалило спецовку на спине. Алты чувствовал огонь кожей.

Наугад ударом Алты защелкнул карабин на тросе. И ринулся вниз, из пламени, ревающего вокруг.

Его дернуло, кинуло в сторону. Но он понял — зацепился правильно, и наискось заскользил вниз.

Он сообразил сжаться в комок, чтобы ослабить удар о землю.

И все-таки приземление ошеломило его. Однако он

тотчас вскочил, потому что чувствовал себя необыкновенно и непонятно сильным. И частичка пламени, грохочущего рядом, оставалась еще на нем. Горела спецовка. Алты бросился на песок и стал кататься, стараясь сбить огонь.

Кто-то подбежал к нему, накинул на него что-то, прижал к земле, плотно, так, что не шелохнуться.

Алты пробовал барахтаться.

— Тише, тише! — сказал тот, кто придавил Алты. — Погасили тебя.

Это был голос мастера. Затем темнота, беспмятство.

Потом он пришел в себя от боли.

— Тяжело... — простонал Алты. — Больно... Спину больно!

Будто раскаленная плита легла на кожу. Мастер откинул спецовку, которую набросил на Алты, и прохлада ночи стала раздирать обгоревшие мышцы. Боль заставила Алты открыть глаза. Он хотел закричать, потому что терпение иссякло. Но крик замер в горле. Увиденное точно парализовало Алты.

Столб ревушего, полыхающего пламени, казалось, доходил до неба. Он был так огромен, что коптящий где-то сверху хвост его лишь угадывался.

Но и это было не самым жутким. В огненном ревушем столбе стояла вышка. Стальная сорокаметровая громадина, утонувшая в огне, была раскаленной добела. По ней бегали сверкающие искры.

Потом в ее стальном каркасе что-то надломилось. Она дрогнула. Стала крениться. Плавно. Будто не стальная, а вылепленная из воска.

Алты приподнялся на локтях, застонал от возвращшейся боли.

Кто-то, мастер, наверное, подхватил его под мышки и поволок прочь от столба пламени, в котором плавил-

лась стальная вышка. Она могла упасть каждую секунду в любую сторону. И выбраться из-под нее было так же трудно, как вернуться с того света.

Алты стонал. Но ни боль, ни что другое не могло заставить его оторвать взгляд от бушующего в ночной тьме ревущего огненного смерча. И в нем, невероятно большом и ярком, таяла стальная буровая. Фермы прогибались, корежились, проседал один за другим пролет. Сбоку, как голова сожженного на костре, склонилась верхушка — кронблок. Ослепительный, сияющий...

Потом медленно рухнула вся громада, заискрилась фейерверком на песке.

В ночи упавшая вышка походила на светящийся остов какого-то чудовищного зверя.

Он сидел на жестком, неудобном больничном диване, откинув голову и прикрыв глаза. Станные, резкие запахи лекарств едва ощущались им. Покой и тишина вокруг казались выдуманными. Случившееся на буровой: взвившийся из ротора шелестящий взрыв — выброс грязи, а вслед гром ревающего бесцветного фонтана, который превратился тотчас в огненный столб, потрясли Мухамеда. Сознание отказывалось воспринять это как реальность.

Каркнула пересохшая дверь. Мухамед разлепил веки. В приемную вошел врач. Высокий, смуглый, с проступившей на щеках и подбородке сизой бородой. Агатовые глаза глядели испытующе. Рукава халата его были закатаны выше локтей, руки, сжатые в кулаки, глубоко опущены в карманы ослепительно-белого халата.

Мухамед заметил: не только он смотрел на врача. Ожидавшие в приемной не сводили с него глаз. Доктор вошел быстро, прошел приемную наискось, к другой двери, но, взявшись за ручку, остановился:

— Подождите, товарищи, подождите...

Доктор не мог ничего не сказать под скрестившимися на нем взглядами. Ведь там, куда он шел, находился Алты, стонущий, пахнувший горелой тряпкой и кожей. Мухамед представлял себе страдающего Алты и удивлялся его терпению и выносливости.

Что с ним будет?!

Поднялся дядька Остап, сидевший рядом с Мухамедом. Доктор остановил его движением руки, сухой, с длинными пальцами:

— Ждите!

Они сидят. Ждут. Ждут, что им скажут об Алты, ждут прихода мастера. Он на совещании в конторе. Михалыч придет и скажет, что они будут делать.

Противно и жутковато, когда потрясен не только разум, но и все существо твое. Неудержимая дрожь, словно судорогой, сводит мышцы груди, перехватывает дыхание. Хотя ты вроде и не думаешь о происшедшем. И нет сил унять эту противную ознобную дрожь.

В стеклах приемной дрожат рыжие отблески. Можно подойти к окну и увидеть то, о чем так хочется забыть, — невозможно! — но хоть на минуту заставить себя посчитать, будто этого не было.

Не первый год работает Мухамед на промыслах.

Бывало, случалось всякое.

На Челекене он видел, как поднявшиеся по трещинам грунтовые воды размывали основание вышки. Через трое суток буровая вышка ушла под землю, как корабль под воду, утонула в булькающем, пахнущем серой, кипящем озере.

Все-таки там было не так жутко.

Приходилось Мухамеду слышать от старых буровиков и о пылающих газовых фонтанах, сам видел три. Но слышанное не шло в сравнение с увиденным, с тем, что случилось у них. Может быть, потому, что это их

буровая... Или то, что произошло, может коснуться Гюльнары?

Гюльнара... Как она была бледна! Глаза у нее стали вдруг огромные, в пол-лица.

Мухамед видел ее мельком. Она тоже сейчас в конторе.

«Я думаю не об Алты, а о Гюльнаре», — одернул себя Мухамед.

Каким чудом удалось Алты выскочить из ревущего столба пламени? Невероятно! Значит, не такой уж он мальчишка, каким выглядел. Не струсил, не растерялся. Настоящий мужчина.

А может быть... Был Алты до сегодняшнего вечера мальчишкой, смотрел на мир и на людей такими широко открытыми глазами, что видел все и ничего не замечал. И был Алты — мужественный мужчина. Этого мы в нем не заметили за его детскостью и непосредственностью. Алты, который не сложил крылья души, когда у другого человека голова бы пошла кругом, когда другой заметался бы и наверняка погиб.

Заставить себя быть хладнокровным, мужественным в ревущем газовом пламени. И не только обрести хладнокровие, выдержку, но и проявить смекалку. Догадаться, сообразить — спуститься из огня по оттяжке на карабине страховочного пояса!

Если бы он просто кинулся вниз, то попал бы либо на крышу загоревшегося дизельного сарая, либо разбился об основание буровой. Да и не смог бы Алты отпрыгнуть так далеко, чтобы не угодить на стальные фермы трапецевидной вышки.

А ведь у него на раздумье оставалось несколько секунд... Каких секунд, долей секунды.

Трудно было ожидать подобного от беспечного Алты. Он казался несмышленишем. Его не принимали всерьез. И как можно было думать нечто другое, гля-

дя в его глаза, вобравшие весь мир и лишь отражавшие его.

Молодец, Алты!

Лишь бы ему выкарабкаться, выдержать, не сдаться теперь. Ведь у него ожог спины и отравление газом. Ожог страшный. Мухамед видел обгоревшую спину Алты. Видел и не мог не отвести взгляда.

А врач ходит и молчит.

Вот опять прошел...

Как должно быть тяжело Гюльнаре! Ведь в конце концов вся ответственность может пасть на нее.

Мухамед негромко пробормотал:

— Режим бурения во многом зависит от геологии месторождения.

Сказал и удивился, будто и мастер и все не знали этого. Может быть, Михалыч думал по-другому? Он любит Гюльнару и решил взять всю вину на себя? Что ж, если мастер так считает, то Мухамед не станет спорить и доказывать обратное. Возможно, он, Мухамед, поступил бы так же. Михалыч хороший человек. Разве Мухамед думал о нем когда-нибудь плохо? Нет. И не собирается. Никогда не подумает.

Девушка, которую любит Мухамед, любит другого. Не просто другого. Тот, другой, — хороший человек, и Мухамед тоже любит этого хорошего человека. Девушка, которая любит этого хорошего человека, совершила ошибку. Не нарочно, не по незнанию. Такую ошибку мог совершить любой другой участковый геолог. Мог... Но совершил ошибку не кто-то, а она. Ведь скважина, которую они бурили, — разведочная. Первая на возможной газоносной площади, геология которой неизвестна досконально. Режим бурения составлялся по аналогии с соседними площадями. Но ведь эта площадь могла быть и не совсем такой, как соседние. Такое очень может быть.

Правда, геолог должен был многое предусмотреть. Но нельзя же предусмотреть всего! Никто не может всего предусмотреть. И такое нельзя ставить в вину.

Погиб их труд, погибла буровая, на которую так рассчитывали. Брошены на ветер сотни тысяч рублей. И каждые сутки пожара впустую будут сгорать миллионы кубометров газа. А скоро ли смогут погасить фонтан? Бывало, что такие жуткие пожары полыхали месяцами. Дни для таких бедствий — время сгорающей спички.

И все-таки человек, который любит девушку и любим ею, берет всю вину на себя. Это трудно сделать. Надо будет признать, что он, мастер, совершил грубую, непоправимую ошибку...

Ой, ой, ой, ой! Михалычу нужно будет наговорить на себя такого!..

Незаметно для себя Мухамед стал думать о пожаре на буровой, как о гибели буровой, забегая вперед.

Погруженный в свои мысли, Мухамед зацокал языком и покачал головой.

Резко распахнулась входная дверь.

Мухамед встрепенулся. И увидел, что в приемную вошел мастер. Алексей Михайлович был в брезентовом плаще с капюшоном. В нем он выглядел коренастее, плотнее. Мастер постарался сказать очень спокойно:

— Бульдозеры есть. Нет водителей. Справимся?

Вопрос относился к Есену. Дизелист смены помог мастеру, Мухамеду, Саше и Алты научиться водить трактор. Теперь это неожиданно очень пригодилось.

Некрупный, с широким лицом, Есен чем-то напоминал Алты, хотя вроде бы и похожи они не были. Наверное, потому что оба отличались глубокой искренностью, прямоотой и твердостью. Дизелистом Есен был классным. Учился на флоте и пришел в контору разведочного бурения после демобилизации.

— Справимся, — ответил Есен.

— Помпы уже в пути, — продолжил Алексей Михайлович. — Нам надо растащить остатки буровой, дизелей.

«Помпы», — усмехнулся про себя Мухамед. — Мастер не хочет говорить «пожарные машины». Зачем прятаться, пытаться скрыть от самого себя то, что есть, существует. Ведь достаточно глянуть в окно — там пожар. Но надо все-таки говорить — «помпы», а не «пожарные машины». Будто мы сможем справиться с таким факелом сами. Конечно, нет. И «слава» о нас на всю республику пойдет. Уж это точно».

Тут в приемную вошла Гюльнара, одетая, как и мастер, в брезентовый плащ.

— Мы должны выехать через час. Нам нет смысла сидеть сложа руки, дожидаясь приезда фонтанщиков. Их инструктор, что приезжал, научил нас многому. Не даром же тренировались... — Алексей махнул рукой.

Мастер продолжал разговор так, словно Гюльнара и не появлялась в приемном покое, словно ее здесь не было или он ее не видел, не заметил. Это не понравилось Мухамеду, но он тут же подумал, что Михалыч поступает так нарочно.

Вошел врач и сказал, что для Алты нужна человеческая кожа покрыть обгоревшую поверхность спины. Это врач почему-то объяснял очень долго и подробно. Буровики все давно поняли, но слушали терпеливо и не перебивали.

— Кто согласен дать свою кожу? — спросил врач, еще глубже засунув кулаки в карманы халата так, что те оттопырились.

— А сколько? — поинтересовался дядька Остап.

— Десять квадратных сантиметров каждый.

— Это можно... — прикинув, ответил бурильщик.

— Я тоже, — сказала Гюльнара. — Пожалуйста, доктор... Я очень прошу!

Мгновенное замешательство врача она восприняла как отказ.

— Конечно, — ответил доктор.

— Благодарю вас!

Глаза Гюльнары показались Мухамеду такими огромными, что вместили бы все небо над пустыней; а лицо бледным, словно весеннее облако над песками, освещенное полуденным солнцем. Это была сияющая бледность.

— Знает кошка, чье мясо съела, — очень тихо пробурчал дядька Остап. Он сидел рядом с Мухамедом.

А Мухамеду захотелось улыбнуться. Ему стало жаль старого бурильщика дядьку Остапа. Не понял он мастера. Мастер спасает свою любимую. Ведь так идет испокон веков...

Может быть, если бы Мухамед познакомился с Гюльнаркой раньше, чем она узнала мастера, то она избрала его, Мухамеда.

Странной была эта любовь к Гюльнаре для самого Мухамеда. Не похожая ни на что ранее испытанное. Мухамед не ревновал, а радовался за Гюльнару, радовался за мастера. Мухамед не завидовал, но интересовался всем, что случалось в жизни обоих. Даже как-то по-своему участвовал в их делах, переживал их заботы. Конечно, он не подумал бы никогда о возможности посоветовать им что-либо, хотя бы его и спросили. Но он точно знал, как им поступить в том случае, какой попался на их пути.

Мухамед никогда не называл Субботина по имени — Алексей, или Михалыч, как остальные в бригаде, а «мастер».

Дядька Остап сказал: «Знает кошка, чье мясо съела». Разве хорошая поговорка годится к любому слу-

чаю? Разве прекрасная верблюжья уздечка годится коню? Может быть, народная мудрость тем и хороша, что для каждого случая находит свою поговорку, а они очень противоречивы. Выходит, и одинаковые на первый взгляд случаи различны...

Ой-ой-ой, как рассердился мастер на слова дядьки Остапа. Мастер так глянул на бурильщика, что тот хоть и толст, а съезжился, словно бурдюк, из которого выпустили воду.

Оказывается, все слышали, что сказал о Гюльнаре дядька Остап, кроме ее самой. Видно, другим тоже стало неловко за дядьку Остапа... Опустил глаза и Саша, и второй буррабочий Искандер, и Есен. Дизелист покраснел от смущения... Нет, не от смущения, от досады, что дядька Остап мог такое подумать о Гюльнаре.

Мухамед, конечно, пойдет вторым, сразу после мастера. Обязательно вторым, ведь так — по очереди. Он готов отдать свою кожу Алты, чтобы тот скорее выздоровел после тяжелого ожога. Наверное, очень больно, когда с тебя сдирают кожу...

А как же больно Алты!

Мухамед вспомнил обгоревшую спину Алты, опаленное лицо, волосы. Запах горелой шерсти, тлеющего брезента, кроваво-рыжую спину.

Тут Мухамед увидел, что у двери, ведущей в операционную, уже стоят мастер, Саша, дядька Остап, Искандер, Есен.

Мухамед подскочил будто ужаленный:

— Я второй! Я за мастером! — громко сказал он.

— Як на базаре... — процедил дядька Остап. Уже ли он начал сбиваться на «украинску мову», значит, очень сердит и спорить с ним бесполезно. И Остап спокойно отодвинул плечом мастера, стоявшего у двери. И мастер не стал спорить, и никто другой. Мастер очень уважал и ценил дядьку Остапа — бурильщика.

Саша и Искандер сдвинулись теснее. Если бы Мухамед и захотел протиснуться между ними, ничего бы не вышло.

Везде-то он опаздывает. На день, на час, на минуту...

Вот Есен знает, когда и куда стать. Надо — он первый кинулся поднимать прыгнувшего с вышки Алты. Тут, правда, трудно сказать, кто первый — он или мастер... Точнее, Мухамед увидел — уже бежали и тот и другой.

Мухамед отошел от двери операционной. Сел на неудобную больничную скамью. Теперь было все равно. Он пойдет последним. Обидно.

Он посмотрел на окна. На белых переплетах рам дрожали едва приметные рыжие отсветы пожара.

Тут пришла первая строчка. За ней вторая... Он будто читал давно известное:

В пустыне есть один закон.
И быть не может двух.
Как жизнь, здесь дорога вода,
Воды дорожке — друг.

И если есть воды глоток,
То не дели на двух.
Как жизнь, вода здесь дорога!
Дорожке жизни — друг.

Мухамед оторопел. Как же так? Он и не думал о стихах, а они получились. Сами собой. Будто семь ночей не спал и все думал, думал...

И Мухамед решил. Завтра утром отнесет стихи в редакцию многотиражки. Он очень попросит редактора, чтобы их напечатали. И сверху над стихами будет эпиграф. Нет, эпиграф — это другое. Надпись-посвящение: «Посвящаю другу — Алты Алтыеву». Потом он возьмет номер газеты и отнесет Алты. Он придет к

нему в палату. Белую, очень-очень светлую и увидит на белой подушке темное от ожогов, забинтованное лицо Алты. У Алты не будет сил даже улыбнуться ему навстречу.

Тогда он, Мухамед, сядет рядом с постелью на белую табуретку и скажет:

— Алты, друг, я написал стихи, которые посвятил тебе.

— Мухамед, друг, — ответит Алты, — я не могу их прочитать. Но мне очень хочется послушать твои стихи, которые ты посвятил мне.

Мухамед станет читать. А когда дойдет до последних строк, то встанет и произнесет их во весь голос:

Как жизнь, вода здесь дорога!
Дороже жизни — друг...

Выслушав стихи, Алты улыбнется. Широко и счастливо, как мог улыбаться только Алты. Алты забудет про боль, протянет свои забинтованные руки к нему, но Мухамед скажет, что Алты нельзя волноваться, нельзя шевелиться, а ему, Мухамеду, пора идти. Ведь доктор пустил его сюда на одну минуту.

— Спасибо, друг, — улыбнется Алты. — Мне стало легче.

— Ты улыбнулся, друг, — ответит Мухамед. — Это самая большая награда для меня.

— Я запомнил стихи наизусть, — скажет Алты. — Но газету ты мне оставь. Мне будет приятно видеть стихи, посвященные мне, напечатанными...

Мухамед представил себе счастливое лицо Алты: круглое и скуластое, с улыбкой, открывающей широкие белые зубы; смеющиеся глаза, вскинутые едва не на середину лба брови, торчащие на бритой голове короткие волосы, белую кожу, там, где обычно сидела тюбетейка... Он представил себе счастливое лицо Алты, —

а оно всегда было счастливо, — увидеть несчастного Алты еще никому не доводилось. А представив себе Алты обрадованного, Мухамед вспомнил историю, над которой они смеялись вместе с Алты.

Как-то в разговоре выяснилось, что деды Алты и Мухамеда были инвалидами. У Алты дед был кривой, а у Мухамеда — одноногий. Конечно, поводом для веселья послужило совсем не это прискорбное обстоятельство. Но мастер спросил, где деды жили. Оказалось, что они обитали по соседству и именно в этих местах, где теперь бурят скважину. А лет сто назад, когда деды были молоды, племена Алты и Мухамеда враждовали между собой из-за дележа пастбищ. Не раз племена сталкивались в кровавых схватках.

Мастер очень здорово рассказал, как в одном из таких столкновений дед Мухамеда выбил глаз деду Алты, а дед Алты стрелой пробил ногу деду Мухамеда. И произошло это именно в здешних местах, где они теперь работали. Неподалеку от вышки начинались пески, и в барханах наверняка было удобно устраивать засады. Тогда всем показалось удивительным и смешным, что их деды могли драться насмерть из-за куска пастбища...

— Мухамед!

Он окинул взглядом приемную. Мастер, Саша, дядька Остап, Искандер то бродили, прихрамывая, то стояли по углам. Вид у них был несколько смущенный.

В дверях операционной стояла медсестра:

— Вы идете?!

— Да! Да! — ринулся Мухамед.

В комнате, куда он вошел, удушающе пахло эфиром и еще какими-то лекарствами. Запах, казалось, испускают даже кафельные блестящие стены. Свет резал глаза. Он был ослепительнее, чем песок под полуденным солнцем. Мухамед зажмурился.

— Раздевайтесь, — сказала сестра.

Мухамед снял куртку.

— Совсем, — приказала сестра. — Наденьте чистое белье. Вот оно.

Мухамед переступил с ноги на ногу.

— Зачем меня в больницу?

— После операции вы снова наденете свое. Побыстрее, не задерживайте.

Мухамед снова переступил с ноги на ногу.

— Ладно, — сказала медсестра. — Я выйду.

Переодеваться под ослепительным светом было так же неловко, как и посредине площади.

— Готовы? — заглянула в комнату молоденькая сестра.

Мухамед прошел в операционную. Он думал, что увидит там Алты. Но у продолговатого, покрытого простыней стола был только доктор в белой шапочке, а лицо его до глаз закрывала марлевая маска. Длинные волосатые руки он держал на уровне груди. Доктор кивнул на стол:

— Ложитесь.

Задрав на спине рубашку, Мухамед улегся на стол.

— Поправьте рубашку, — сказал доктор.

— А как же?..

— Кожу берут с ягодицы.

— А-а...

Теперь Мухамед понял, почему в приемной ребята выглядели смущенными и ходили прихрамывая.

— Он выживет? — спросил Мухамед. — А то дерите больше, если надо. Лишь бы он выжил.

— Мы сделаем все, что в наших силах, — строго сказал врач.

Когда он вышел в приемную, она была пуста. Мухамед чуток обиделся — не могли подождать. Но тут увидел на столе записку: «Мы в автоколонне. Ждем.

Ал.». Хоть обида и не прошла совсем, но на душе стало спокойнее.

Он покинул больницу и двинулся навстречу очень холодному ветру, опустив голову. Что-то колющее било по лицу, совсем непохожее на песок. Мухамед поднял взгляд и увидел на фоне ярко-желтого горящего фонтана, издали похожего на пламя свечи, черные маленькие хлопья. Он решил, что это сажа, долетевшая и до поселка, и удивился. Подставив ладонь, Мухамед тут же почувствовал холодное прикосновение.

«Снег... — понял Мухамед. — Совсем ни к чему! Урючный снег. Так его называют. Очень плохо! К нам будет невозможно добраться. Развезет солончаки, по которым проходит дорога от далекого города. Совсем паршиво».

Мухамед дошел до автопарка, когда дикая весенняя метель разыгралась вовсю. Снежная коловороть затянула даже горящий факел фонтана. Во дворе меж тракторами и бульдозерами мелькали переносные лампы, слышались голоса. Шла заправка горючим.

— Мастер, я пришел, — сказал Мухамед, подойдя к Алексею Михайловичу.

— Как Алты?

— Доктор сказал: сделают все, что могут. Сказал, утром — в город.

— Не выйдет, — развезет шоры, такыры. Не пройдет машина, — ответил мастер, продолжая осмотр двигателя.

— Вертолетом...

— Если снег перестанет. Все идет по закону наибольшей подлости, — пробурчал себе под нос мастер и, обернувшись к Мухамеду, сказал: — На этом поедешь. Я осмотрел — все в порядке. Бухта троса — за сиденьем. — Потом он крикнул: — Заводи!

Мухамед влез в кабину. Мотор завелся быстро.

Тут дверца кабины распахнулась, и, огромный, неповоротливый в брезентовом плаще, на сиденье рядом с Мухамедом взгромоздился дядька Остап:

— Я твою робу, хлопчик, принес. Держи.

Поблагодарив, Мухамед тронул свой трактор вслед за бульдозером мастера.

— Троса взяли? — поинтересовался бурильщик.

— Взяли, — кивнул Мухамед.

«И чего дядька Остап подался с нами? Чего ему у буровой делать? Спал бы себе. Все уже «сделано»... Не их забота растаскивать буровое оборудование от фонтана. «Буровое оборудование»... Какое оборудование — покореженный в огне металлолом. Как еще Алты, прыгнувшего с полатей, заметили. Это мастер. И еще Есен. Или наоборот».

Когда взревел фонтан, все бросились от вышки. Рев был дик и всепоглощающ. Громоподобен. Звук ударил по ушам с такой силой, что собственный голос тонул в потрясенном мозгу. Потом в этом реве, который невозможно было представить более мощным, раздался шепслявый взрыв. И ревуший фонтан взвыл. Он ревел и стал выть. Новый неправдоподобный вой заставил Мухамеда остановиться.

Мухамед замер. Невольно обернулся. И увидел огненного чудовищного джина, упершегося косматой головой в небо. Ноги Мухамеда подкосились. Он поднял локоть, чтобы заслониться от жара, бьющего в лицо. Тут же он не то, чтобы увидел, а скорее отметил про себя: двое бегут не от огня, а к огню... В огонь!

Мухамед отпрянул. Но оторвать взгляда от них уже не мог.

Да, двое бежали к вышке, сорокаметровая громада которой исчезла в клубящемся огненном столбе.

«Куда вы?» — в отчаянии то ли закричал, то ли подумал Мухамед. А потом заметил: около вышки, у

закрепленной в песке растяжки троса что-то барахтается. Сначала он решил именно «что-то» и лишь затем сообразил — кто-то. И уж потом понял: «Алты!»

Двое теперь уже не бежали, а ползли к Алты, натянув на головы тужурки. Они ползли по ярко освещенному, как бы полуденным солнцем песку, потому что жар там, в пекле, был, верно, невыносим. Но они ползли.

Последние несколько метров Алексей и Есен преодолели в несколько скачков, потому что надо было снять с себя куртки. Подскочив к Алты, который, пытаясь сбить пламя, барахтался в песке, они набросили на Алты куртки, погасили горевшую одежду Алты, сами оставшись беззащитными. Потом, заслоняя руками лица, кинулись от буровой, таща под мышки безжизненно повисшего у них на руках, чудом выпрыгнувшего из пламени паренька.

Тогда, словно спасение Алты послужило сигналом, Мухамед опять бросился бежать. Дальше, как можно дальше от пламени, от жара, от рева, который слышишь всем телом, даже ступнями, потому что земля содрогается тоже.

Он остановился метрах в трехстах от горящего фонтана. Здесь находились дядька Остап, Саша и Искандер. Сюда же подтащили Алты. На его обнаженную спину — брезентовая куртка сгорела — было жутко смотреть. Лицо Алты покрывала маска из подсохшего глинистого раствора. Оно выглядело немым, будто каменным. Грудь его тоже покрывал глиняный панцирь. Это и спасло Алты от адского пламени.

Потом они ждали машины из поселка. Не могли же там не видеть происшедшего на буровой.

Мастер ругался на чем свет стоит: у него обгорели уши и было обожжено лицо. Есен терпел молча. Глядя, как в огне гибнет его хозяйство: дизели, мото-

ры, насосы. Пламя охватило дизельный сарай тут же. Спасти что-либо не было никакой возможности.

Сладко всхрипнув, дядька Остап отвлек Мухамеда от воспоминаний о совсем недавнем.

Перед лобовым стеклом трактора, который вел Мухамед, метался черный снег, а в раструбах света фар снежинки были ослепительно-белыми. Дальше виднелась волочащаяся по песку бетонная плита. Ее тащила пара тракторов на коротких тросах. Плита-панель от сборного дома.

Толкнув дядьку Остапа локтем в бок, Мухамед спросил:

— Зачем мы тащим плиту?

— Чего тебе?.. — буркнул спросонок бурильщик.

— Плиту зачем тащим?

— А-а... Так я предложил. Надвинем на устье скважины, захлопнем ее. Может, огонь задохнется. В ней без малого пять тонн. Когда я в буррабочие определялся, то видел, как тушили пожары.

— Здесь не выйдет. Не погасим.

— Попробовать надо. А может, ерунда все...

— Ну, если попробовать... — Мухамед кивнул.

Дядька Остап поудобнее запахнулся в брезентовый плащ, надвинул на брови капюшон, чтоб свет фар не мешал, и прикорнул, прислонившись к стенке кабины.

Ветер усилился. Снег пошел гуще. Теперь белые лепестки его не порхали в раструбах света впереди трактора, а неслись наискось, и полет их был так быстр, что снежинки казались полосками. На песчаных буграх с подветренной стороны прорисовались тощие сугробы, похожие на луну в последней четверти.

Колонна тракторов продвигалась медленно. Было за полночь, когда Мухамед различил в снежной круговерти сначала очень бледный, размытый пеленой столб горящего фонтана. Издали он представлялся игру-

шечным. Но по мере приближения к нему стал слышен низкий утробный рев. В нем растворился рокот мотора, а потом звук так усилился, что ладони Мухамеда, державшие рычаги, ощутили содроганье.

Тракторы и бульдозеры приползли к горящему фонтану намного позже пожарных машин и санитарной. Она стала неподалеку от двух пожарных. Теперь игрушечным казался не полыхающий фонтан, каким он выглядел издали, а машины около него, люди, решившие принять бой с дикой стихией, которая вырвалась из под их власти.

Снега здесь не было. Сеял мелкий дождь. А метрах в пятидесяти от фонтана песок парил. Столб ревушего огня, вздымавшийся на высоту двадцатипятиэтажного дома, вверху рвался, и лохмотья пламени, похожие на протуберанцы, улетали ввысь, мгновенно исчезая. На низких тучах шевелился, будто гримасничал, огромный ржавый ответ.

Пахло серой.

Рядом с рвущимся из-под земли пламенем валялась скорченная, завалившаяся вышка. Стальные фермы и переплеты ее походили на клубок свившихся и застывших змей. Тут же торчали рыжие обгоревшие трубы основания буровой. Меж ними и поодаль валялись погнутые в пекле фонтана «свечи», перегоревшие стальные тросы. Вся эта груда искореженного металла преграждала путь к бьющему из недр огню.

Снова Мухамед ощутил странное стеснение в груди. Мышцы будто сводило. Но он не мог оторвать взгляда от пламени, словно оно завораживало его.

Дядька Остап хлопнул Мухамеда по плечу. Мухамед мельком покосился на бурильщика. Тот подал знак — выходи. Мухамед затряс головой: не пойду! Дядька Остап еще настойчивее толкнул его в плечо. Мухамед подумал было, что, и не толкаясь, можно ска-

зять, зачем он понадобился, но тут же сообразил: за ревом он не услышал бы и крика. Потом, перегнувшись через рычаги, дядька Остап открыл дверцу, почти выпихнул Мухамеда из кабины. Мухамед едва не поскользнулся на траке и неловко соскочил на песок. Дядька Остап махнул рукой: иди, мол, за мной. Мухамед охотно послушался, потому что бурильщик пошел прочь от фонтана.

К недоумению Мухамеда, они направились к санитарной машине. Около нее стояла та самая молоденькая медсестра, которую Мухамед видел в операционной. И здесь разговаривать было невозможно, только если кричать на ухо. Чтоб понапрасну не тратить ни сил, ни слов, дядька Остап ткнул пальцем в уши и покрутил вокруг головы. Сестра кивнула, достала вату и бинт. Дядька Остап заткнул уши ватой и поверх положил по солидному клоку, кивнул сестре. Та ловко перевязала голову. Теперь дядька Остап стал походить на мастера и Есена, у которых были обожжены уши. Потом бурильщик подтолкнул к медсестре Мухамеда. Сестра дала ему ваты. Мухамед сделал то же, что и дядька Остап. Стало немного легче, рев и вой фонтана будто отдалился. Мухамед даже услышал звук своего голоса, отдавшийся в ушах, когда благодарил сестру за перевязку. Она улыбнулась Мухамеду.

Потом вместе с дядькой Остапом они подошли к группе рабочих и пожарных, стоявших неподалеку от фонтана, у вагончика-балка, где зимой обогревалась смена буровиков.

Мастер разговаривал с инженером конторы. Тут, наверное, можно было услышать крик. Но Мухамед не различал ничего, кроме звона в голове. Увидев дядьку Остапа, мастер показал пальцем в его сторону и обратился к Саше. Потом мастер поманил к себе Мухамеда. Разровняв на песке площадочку, он, тыкая то в

сторону груды металла у пламени, то в чертеж, показал Мухамеду, как ему надо вести трактор, чтобы оттащить от фонтана покореженный остов вышки.

Рядом с мастером стоял инженер конторы бурения и лишь кивал, когда Алексей Михайлович посматривал на него. Очевидно, они договорились обо всем по дороге. Алексей Михайлович сам попросился объяснить своим бригадным, что и как надо делать, оттаскивая буровое оборудование от фонтана. По знаку мастера Мухамед четко повторил на чертеже свои предполагаемые действия.

Оба — инженер и мастер одобрительно кивали.

Когда подошли пожарные, дядька Остап показал на брандспойты, а потом на свой брезентовый капюшон. Инженер успокоительно похлопал бурильщика по плечу, а дядька Остап поднял большой палец и заулыбался. Затем инженер с дядькой Остапом отправились к трактору, а проходя мимо пожарников, бурильщик взял у них асбестовый капюшон и еще раз знаками показал им, уже по собственной инициативе, как надо прикрывать его двумя струями из шлангов и как Мухамедов трактор, чтоб на нем не взорвался от перегрева бак с горючим. Пожарники выслушали дядьку Остапа с подобающим уважением.

Закончив разговор, дядька Остап примерил поверх ушанки белый асбестовый колпак с пелериной, прикрывавшей плечи, и спину, и грудь, обернулся к Мухамеду и поглядел на него сквозь продолговатое слюдяное оконце, точь-в-точь как на щитке электросварщика. В этом одеянии дядька Остап походил на какое-то фантастическое существо.

Затем, стянув колпак с пелериной, дядька Остап уселся в кабине. Мухамед устроился на месте водителя и почувствовал, что его ладони противно мокры, сердце свербилло, и он многое отдал бы, лишь бы теперь

быть в доброй сотне километров отсюда. Мухамед плюнул от злости на себя и тронул трактор. Он глядел только на покореженные в огне переплетения металлических конструкций, которые всего лишь несколько часов назад представляли собой стройное красивое творение рук человеческих. Потом сзади и с боков прочертили рыжий свет пожара две белые струи, ударили в песок впереди трактора.

Заработали брандспойты.

Вода поднималась клубами пара от раскаленного песка. Затем струи начали бить сбоку от трактора, и Мухамед остановил машину. Это было сигналом. Дальше вести машину стало опасно.

Широкое лицо дядьки Остапа, на котором тугие щеки что хватало мочи растаскивали нос-барабульку, было серьезным, таким серьезным, каким Мухамед еще не видел бурильщика. Он с торжественной церемонностью напялил на голову асбестовый капюшон, поднял руку, спрятанную в брезентовую рукавицу, и вышел из кабины. Длинный, едва не до пят, брезентовый плащ делал его похожим на колокол. Пройдя несколько шагов, он стал под каскад воды, низвергшейся на него из брандспойтов. Постоял основательно, поднял руки вверх. Тогда пожарники перенесли водяную завесу несколько вперед. Дядька Остап захватил свободный конец троса и направился к покореженному остову вышки.

Остап Тарасович широким спорым шагом пошел на сближение с ревушим огненным фонтаном. Пригнувшись, как солдат под обстрелом, он тащил за собой трос. Раскручиваясь, трос с каждым пройденным метром становился все тяжелее.

Водяная завеса, круто падающая перед ним сверху, хорошо защищала от жары. Пожарники знали свое дело. А Остап Тарасович любил, когда люди знали свое дело и делали его отлично. Дышалось еще легко, хотя идти полусогнувшись с его брюшком было тяжеловато.

«Но что такое тяжеловато? Если по вине какой-то девчонки-геолога на буровой произошла авария, а потом этот чертов пожар... Да, язва ей в печенку! Мы тут ни при чем. И надо кишки вымотать, а спасти буровую. Мастер тот молодец, вон как быстро организовал дело. Растащим оборудование, сдернем ротор — вон он торчит, словно пестик, воткнутый ручкой в землю. Очистим устье от хлама, натащим на фонтанчик плиту...»

Тут Остап Тарасович порадовался за себя: вовремя вспомнил он об этой собачьей плите!

«Да, натащим на фонтанчик плиту, как тушат начавшийся пожар — одеялом. И задохнется огонек. А там — поставят фонтанную арматуру и задушат его, милого. Расфырчался!

Может, и не задушим этой плитой... Может. Очень даже.

Что ж, фонтанщики приедут. Их дело, их хлеб. Привезут, разгонят на полную мощность реактивный двигатель, что списали в авиации за непригодностью к эксплуатации... Амортизация! А тут он еще послужит. Да. Разгонят на полную мощность этот двигатель и подведут под водяной завесой к фонтану. Перебьет струя отработанных газов струю, бьющую из-под земли, оторвется пламя, оставшись без корма. И конец пожару.

Но сначала все равно надо растащить оборудование, очистить подходы к фонтану.

Что ж до Михалыча, то он прав. Это когда он посмеивается над Гюльнаррой этой. Больно уж она верит во всякие машины. Мол, поставят автомат — датчики, передатчики. Сиди, буровик, покуривай, в картишки там шлепай, тэж стишки кропай, як Мухамедка: «Дывлюсь я на нэбо, тай думку гадаю...» А автомат тебе под зад, да и в небо, фонтаном. Земля — тебе не небо. Там летай себе хоть вдоль, хоть поперек... Тут, на земле, трэба, щоб рука человеческая до каждой песчинки дотрагивалась, до каждого шурупчика. Земля — твердь небесная, бешеная, коварная, огненная! С ней не зевай! Потому на автомат надейся, а сам не плошай. Он, автомат, газированной водой никак торговать не научится. Що до мэнэ, так я бы его пока одного на один с землей не поставил. Ни-и колы!»

Если бы Остапа Тарасовича спросить в эти минуты, о чем он думает, он искренне удивился: «Да ни о чем. Трос тягаю». Только не по искренней правде

так было бы сказано. Он действительно ни о чем не думал, но голова его не была свободна от мыслей. Они не мешали ему — другое дело. Это привычно шли рядышком размышления о том, что делаешь и зачем делаешь. Они вроде бы и незаметны и неощутимы, как товарищ, с которым шагаешь локоть к локтю в строю в дальнем утомительном походе. И не вспоминаешь о нем, но он тут.

В слюдяное окошечко капюшона Остап Тарасович четко различал перекрученные трубы и полосы, из которых монтировалась вышка. Теперь они вновь стали привычно черными, а не раскаленными добела, как в те минуты, когда громадина, размягченная в пламени, покосилась и, корежась, точно грешник на костре, завалилась набок. И по раскаленным, рубиновым стальным полосам забегали искры окалины.

«А уж что говорить об Алты? Чудо! И как Есен заметил, что Алты спрыгнул! Видно, от вышки-то пятился задом. Це человек! Ни на минуту подумать, видно, не мог, чтоб сгинул Алты-постреленок», — думал дядька Остап, подобравшись уже совсем близко к искореженной буровой.

Угловые опоры буровой на вид прочно держались в земле. Ведь, чтобы оттащить исковерканную вышку от горящего фонтана, надо будет вырвать из земли и угловые опоры. Осият ли тракторы? Тут хорошо было бы, если часть стальных укосин перегорела бы в пламени. Тогда буровую легко и по частям растащить.

«Ладно, побачим...» — решил Остап Тарасович.

Белые, искрящиеся рыжим отражением пламени струи воды ударили по остову вышки. Разбились, пыхнули паром.

«Горячая, чертяка... — подумал бурильщик. — Эк ее изломало... А какая буровая была! Красавица!»

Пока вода охлаждала фермы вышки, Остап Тара-

сович подтянул запас троса, чтоб свободнее работать. Металлическая полоса перед его взором зашевелилась. Остап Тарасович глянул в сторону. Неподалеку от него стоял еще человек в асбестовом капюшоне. В окошечке поблескивал отсвет огня. Человек делал круговые движения руками: «Давай, давай!» И чуть подалше тоже светлел асбестовый колпак.

Остап Тарасович отмахнулся.

— Кто быстро робэ, тот слепых родэ... — пробурчал он для себя. И закашлялся. Он слишком близко придвинулся к раскаленным ребрам вышки, обдаваемым водой, и под асбестовый капюшон поддало перегретым паром. — А чтоб тебя! Як в гарной парилке!

Закрутив трос несколько раз вокруг боковой опоры, он пропустил его для прочности и через стальной переплет укосины. Потом прижал свободный конец троса к тому, что тянулся к трактору, и прочно примотал их друг к другу мягкой проволокой, захваченной на этот случай.

«Теперь он не сорвется», — решил он. Хотел уж было возвращаться к трактору, но, подумав, сделал несколько шагов в сторону, посмотреть, как закрепил трос тот человек, который махал ему: «Давай, давай!» Как он и предполагал, петля троса была свободной: дерни второй трактор такую завязку раз-другой по-сильнее — развяжется.

«От бисов хлопец, уши такому надо надрать...» — подумал Остап Тарасович, тоже пропустил трос узлом и примотал свободный конец к основному мягкой проволокой.

Потом отправился к трактору Мухамеда.

Едва он отошел от вышки, пожарники перестали подавать воду, сэкономили, и Остап Тарасович потрусил, потому что дышать сразу стало очень трудно и в

голове застучало. Но Остап Тарасович не заругался: воду следовало беречь.

Тут впереди себя он увидел два стоящих рядом трактора. «Хорошо. Догадались, — отметил он про себя, покосился направо. А там теперь стояли две такие же мощные машины. — Теперь, пожалуй, наверняка сдернем вышку».

За лобовым стеклом кабины одного из тракторов Остап Тарасович увидел лицо Мухамеда и помахал ему. Тот расплылся в улыбке.

«Держись, держись, хлопче! А сначала заробел. Ничего! Я, пожалуй, держался похуже тебя, когда попал в такой переплет. Только у первого-то фонтанчика, что довелось видеть на своем веку, были и труба пониже, и дым пожиже...» — подумал старый буровик и подал сигнал, чтобы тянули.

Неожиданно тракторы вытащили из земли опоры легко, точно зуб из цинготных десен.

Не понравилось это Остапу Тарасовичу. Но тут он почувствовал легкое головокружение. Засвербило сердце. Щипало глаза, и они слезились.

«Надышался...» — решил он.

Тракторы волокли вышку в сторону. Странно было смотреть на их беззвучную в реве работу. То и дело машины останавливались и бессильно скребли траками песок. Требовались новые рывки, чтоб сдвинуть покалеченную громаду, упиравшуюся, как противотанковый еж, подумал Остап.

И он пошел к стоявшей вдалеке санитарной машине. Он снял ставший ненужным теперь асбестовый колпак. Однако не почувствовал свежести холодной ночи. Жар, исходивший от горящего фонтана, был очень велик. Только за линией пожарных, замерших с брандспойтами наготове, чуток потянуло свежестью. Показав пожарным большой палец, он двинулся дальше.

Около медсестры увивался парень из пожарных, с таким же, как и у Остапа Тарасовича, асбестовым колпаком. Он промывал глаза.

«Ишь быстрый», — недовольно подумал старый бу-
ровик, но решил пренебречь парнем. Он просто взял у него из рук склянку с раствором борной и клок ваты, занялся делом. Основательно промыв глаза, Остап Тарасович, не зная, услышит медсестра голос или нет, показал пальцем себе на рот и грудь. Медсестра кивнула, полезла в машину и достала сумку с кислородными баллонами и маской.

Опустившись на песок, Остап Тарасович прислонился спиной к колесу машины и взял из рук сестры маску. Она пахла резиной и тальком. Смеситель надул, словно футбольная камера. Несколько раз очень глубоко вздохнув, Остап Тарасович почувствовал, будто легкий майский ветерок зашумел в голове. И барахтающееся сердце успокоилось, будто свернулось калачиком, как налакавшийся молока кутенок.

Взгляд усталых глаз стал цепким и твердым, словно Остап Тарасович только что проснулся, хорошо отдохнув. Он увидел, что санитарная машина стоит на бугре и с него видно факел фонтана, который существовал сам по себе, независимый и чуть презрительный, оглашая окрестность могучим ревом. Тракторы, которые тащили исковерканное чудовище — буровую, бывшую буровую, выглядели букашками, смешными, но трогательными.

«Полетела и премия и прогрессивка псу под хвост! — подумалось Остапу Тарасовичу. — А ведь еще сегодня утром... Нет, теперь уж, пожалуй, вчера утром, все было так спокойно и так прекрасно. Впрочем, не совсем». Проснувшись и спустив ноги с кровати, Остап Тарасович вместо опорок, не оказавшихся на положенном месте, попал босой ступней в лужицу.

— Ах ты, бисова душа! — рассердился дядька Остап.

Взяв крутившегося под ногами щенка за шкуру двумя пальцами, толстыми, похожими на сардельки, дядька Остап, исполненный сознания необходимости, тыкал его носом в напущенную посреди комнаты лужицу и приговаривал:

— Знай, где гадить! Знай, где гадить!

Щенок упирался в пол всеми четырьмя лапами, крутил головой, жалостливо поскуливал и повизгивал. Но дядька Остап держал его крепко, терпеливо дожидая, пока щенок облизнет испачканную мордочку, и снова тыкал упирающегося кутенка в лужицу. Дядька Остап продолжал экзекуцию до тех пор, пока не затекли ноги, шлепнул щенка под зад и, удовлетворенный, поднялся, потер затекшие колени. Затем он сходил на кухню, принес половую тряпку, вытер лужицу на линолеуме, отнес тряпку, вернулся и осмотрел комнаты, все ли в порядке.

Окна, выходившие на улицу, были закрыты плотными ставнями. Свет проникал через кухонную дверь. Но в помещении все-таки было душновато. Духота, казалось, исходила от прогретых уже ярким солнцем стен, потолка, тонкими лучами скользила сквозь ставни. От этих узких косых полосок яркого света в комнате казалось еще темнее, а духоту усиливало обилие мебели. Добротная двуспальная кровать с никелированными шарами на спинках, дубовый шифоньер, пузатый буфет, за стеклом в верхней части его слабо мерцала посуда; массивные полукресла, широкие даже для комплекции дядьки Остапа, в льняных чехлах; круглый стол на массивных тумбах — все вещи солидно подремывали, подобно сытой скотине, сознающей свое достоинство от низжайшего уважения хозяев.

Каждые пять лет, если не чаще, дядька Остап ме-

нял место жительства, но, где бы он ни устраивался вновь, расположение вещей в комнатах не менялось. Оно оставалось столь же стандартным, сколь и стандартны дома, в которых поселялся сначала буррабочий, потом полатчик, помбурильщика и, наконец, бурильщик Остап Тарасович Третьак со своей женой Агриппиной Петровной. Дети их уже не жили с ними. Один окончил Плехановский институт в Москве, но работал завхозом в научно-исследовательском «ящике», второй учился в торговом институте в Киеве.

Окинув взглядом комнаты и оставшись довольным порядком, Остап Тарасович прошел на кухню, заглянул в банку с маринадом, покосился на открытый люк под пола, где возилась жена. Там, вдоль стен, на полках поблескивала стеклотара с соленьями. Затем дядька Остап вытащил корнишон, смачно хрустнул ломким огурцом. Зажмурился, потом вскинул брови и раскрыл, будто удивленные, глаза, как бы впервые увидевшие мир и разом оценившие его.

Капитальные настенные часы мелодично отбили положенное количество ударов.

Остап Тарасович сверил свои наручные, кировские, первого выпуска, которые подарил ему в сорок втором году старшина Василий Касьянович Прокопенко. Третьак вытащил его из разбитого блиндажа.

Не только наручные часы, но и каждая вещь в доме Третьаков имела свою историю. Например, шифоньер дядька Остап приобрел за ненадобностью у своего бывшего начальника разведки в Иркутской области, где долгое время нефть искали напрасно. Сначала начальник разведки пытался продать невесть как попавший к нему шифоньер за свою цену. Но по мере того, как срок отъезда приближался, стоимость шифоньера падала и упала до того предела, когда начальник оставил громоздкую мебель в квартире на произвол судь-

бы. Судьба в образе Остапа Тарасовича забрала шифоньер, как только самолет, увозивший начальника разведки, пошел на взлет.

Стол, стулья имели свою историю, весьма схожую с первой. Разница заключалась в том, что другой начальник другой разведки, приобретя дорогостоящую мебель для своей приемной, вынужден был расстаться с ней по ликвидации конторы. Стол, стулья просто списали, так как перевозить их из медвежьего угла обошлось бы в их стоимость. Но Третьак рассудил иначе. Он отправил мебель малой скоростью — трактором, который вытягивал из тайги дизели.

К тому времени, когда в Средней Азии развернулись крупные работы по бурению, семья Третьака оказалась полностью обеспеченной мебелью, устойчивой к перевозкам и выглядевшей, считаясь с возрастом хозяев, респектабельной и солидной.

Проверив часы, дядька Остап проследовал во двор.

Едва повеяло весной, как Третьаку «по пути» забросили четыре виноградных лозы. Дядька Остап построил навес, и теперь светлые прозрачные под солнцем стебли и усики бодро тянулись вверх. На грядках светилась зелень укропа и редиски.

В поселке семейство Третьака считали отзывчивым и добрым. Женщины, обращавшиеся к Агриппине Петровне, никогда не уходили от нее либо без скомканного, зажатого в ладони рубля — «до зарплаты», либо без скляночки с маслом или уксусом. И они отплачивали ей добром: не отказывали в просьбе привезти из райцентра какой-либо необходимый в хозяйстве продукт или вещь. Сама Агриппина Петровна ни разу не удалялась от дома более чем на километр, где пасся десяток третьяковских овец. Присматривала за ними пара здоровенных собак — родителей всех псов в округе. Однако требований на охрану имущества в поселке

было мало, и многочисленный приплод дядька Остап с грустью топил в помойном ведре, оставляя по особи от помета, то сучку, то кобеля.

И уж если дядьке Остапу надобилась лесина: дюймовка там, или брус, или, ну, смотря по надобности в хозяйстве, какая вещь, то, стоило ему обратиться к нужному человеку, и чудом, то ли на следующее утро, то ли через день, желаемое оказывалось за загородной третяковской усадьбы.

Оглядев двор, Третяк убедился в твердости и незыблемости заведенного порядка. И тут он ощутил аппетит. Он возвратился в хату, так он и его жена упорно называли дом. На кухне вытащил из банки еще пару корнишонов, намазал медом два куса белого хлеба. Томясь от приятности, съел, затем переоделся. Дома он ходил в белоснежной рубахе с вышивкой, закатав выше локтя рукава, и старых, с заплатами на коленях брюках, обтрепанных понизу. На ногах его были сандалии, из одной торчал большой палец.

По будням и на работу Третяк надевал служившую пятый срок спецодежду — брезентовые промасленные брюки, такую же куртку и ковбойку. Ковбойки же он любил не менее чистейших, с вышивкой рубах. И те и другие он менял часто, потому что, вернувшись с работы, тратил целое ведро воды на умыванье. Будничный костюм завершали кирзовые сапоги, надраенные таботом.

Из погреба выглянула сухонькая от старости Агриппина Петровна. Муж с жалостью посмотрел на нее. Он никак не мог привыкнуть к тому, что его Грипина за последние три года высохла под южным солнцем, как самая лядащая старуха узбечка. Это очень огорчало дядьку Остапа. И характер у жены стал скрипучий.

— Куда?

— Надо... — солидно протянул Остап Тарасович и

поспешил за дверь, чтоб не слышать бесконечных советов, пожеланий и указаний.

В любом костюме — будничном, праздничном ли — дядька Остап шествовал по улице поселка с достоинством и выправкой отставного генерала в парадном мундире и при всех регалиях.

Любил Третяк здороваться. И не как-нибудь, а с чувством. Он искреннейшим образом удивлялся и радовался встрече с человеком, которого видел пять минут назад из окон своего дома. Встретив его, дядька Остап разводил руками, потом всплескивал ими, тянул: «О-о-о!» — и шлепал пятерней о пятерню. С начальством он предпочитал раскланиваться, чуть приподнимая кепку над головой.

И тут его потрясли за плечо.

— Нельзя много, Остап Тарасович! — донеслось до Третяка.

Он открыл глаза и увидел молоденькую медсестру, склонившуюся к нему. Потом дядька Остап посмотрел в сторону горящего фонтана. Тракторы вышли уже из ярко освещенного пятна вокруг взбесившейся скважины. Минута, ну две прошло с тех пор, как он начал вдыхать кислород.

Третяк помотал головой: «Не отдам! Мало!»

— Много вредно! — снова, склонившись, прокричала сестра в его забинтованные и законопаченные уши.

— На! — оторвав от лица маску, гаркнул дядька Остап.

— Как вы себя чувствуете?

Третяк поднял большой палец.

— Вы герой, Остап Тарасыч!

Несколько ошалело посмотрев на медсестру, дядька Остап отмахнулся.

— Настоящий герой!

— Солдат! Не вышел в генералы, — и он развел руками. Потом поднялся с песка и сладко потянулся. Чувствовал он себя бодро и молодо. Бросил сестре: — Спасибо — и пошел обратно.

Пока тракторы оттаскивали вышку, надо было подумать, как удобнее и быстрее сорвать ротор. Приглядевшись к фонтану, Третьяк увидел, что теперь пламя било не только из отверстия ротора, но вырывалось и из-под него самого. Понятно было: от давления и тряски полетели к чертям плашки превентера, закрывавшие выход газам из затрубного пространства буровой колонны. В общем, паршивая штука. Теперь ротор надо так и так срывать. Пламя у основания фонтана стало широким, начало бить в стороны. Такой пожар погасить еще труднее! Точнее, фонтанов теперь два: один вырывается из отверстия в роторе, другой из-под него, как из-под шляпки гриба.

Подойдя к инженеру конторы, Третьяк кивнул в сторону фонтана. Инженер, выполнявший сейчас и обязанности руководителя тушения пожара, сплюнул. Затем показал пальцами два оборота, как бы затянул узел, и дернул.

Сейчас, когда ротор стал точно распылителем газа, им бы уже не удалось подойти к вышке и так легко зацепить ее тросами, чтобы оттащить.

«Лепестки» пламени, рассеиваемые ротором, достигали метров двадцати. Они пульсировали, то удлиняясь, то укорачиваясь, словно щупальца.

Отойдя от инженера, Остап Тарасович пошел к пожарникам. Оттуда, решил он, лучше будет разглядеть, выполнимо или нет предложение инженера. Но и от пожарных, которые находились теперь метрах в ста от фонтана, ему ничего толком увидеть не удалось. Тогда дядька Остап ткнул пальцем в сторону инженера, потом себя в грудь и знаками показал, что его

надо прикрыть водяными струями, — он на разведку пойдет.

Ему показалось, будто между стоявшими в стороне дизелями и фонтаном можно проскользнуть, протянуть за собой трос. Тогда захлестнуть трос под ротором и сдернуть его тракторами будет возможно.

Пожарники поняли объяснение Третьяка как приказ.

Дядька Остап напялил на голову асбестовый капюшон с окошечком и отправился к фонтану. После работы у завалившейся вышки эта разведка была просто прогулкой. Ведь он не собирался подходить к ревущему огненному чудищу ближе чем метров на сорок-пятьдесят. Дистанция не такая уж опасная. Да еще под прикрытием водяной струи.

«Ничего не случится, — подумал Остап Тарасович и усмехнулся. — Ну а обожжет, страховку получу. Стихийное бедствие!»

Направленная вверх и описавшая параболу струя воды обрушилась на дядьку Остапа. Он постоял под ней, будто под душем, чтобы как следует намочнуть, и отправился дальше. Действительно, «лепестки» пламени, отходившие к сгоревшему теперь дизельному сараю, были короче, чем с другой стороны ротора. Но пробраться между огненным венцом и дизелями оказалось невозможно. Там валялись покоробившиеся в огне бурильные трубы — «свечи». Они напоминали клубок спиралей «Бруно». Препротивное препятствие из спирально свернутой колючей проволоки. И надо же было так случиться, что изобретатель оказался тезкой великого человека. Эти бывшие трубы сначала надо было выволочь оттуда, а потом уж окончательно решать: попробовать сорвать ротор своими силами или, как решит пожарное начальство, — а оно прибудет к ним непременно, — вызывать из воинской части артиллерию, чтоб сбить ротор снарядами, прямой наводкой.

«Да, устроили фейерверк... — подумал Остап Тарасович и аж головой замотал. — Эх, глупость сморозил! Чем же они виноваты? Бурили как надо. Все точь-в-точь по инструкции. Ни-ни, ни в какую сторону. Геология виновата. Пусть геолог и отвечает. Поставили соплившую девчонку! Пусть она и отвечает. Думала, геологом быть что хвостом крутить? Нет. Тут бурение — сотнями тысяч каждая скважина пахнет. А ты отвечай, если ты геолог. А то приедет на «газике», глазки мастеру построит, вильнет хвостом. Хотя ты, геолог, и брючки носишь — все равно ба... баба», — упрямо договорил про себя бурильщик, почувствовав, что нога его въехала в песок, ставший вдруг податливым. И Остап Тарасович завалился набок.

От неожиданности и испуга он отполз чуток в сторону, оглянулся. На том месте, где нога его провалилась в землю, поднимался, будто неведомой силой, фонтанчик песка. Песчаный фонтанчик этот то опадал, то поднимался вновь.

У дядьки Остапа перехватило дух, и он стал на четвереньках пятиться, пятиться, точно перед ним не песок играл, а колебались усики мощной фашистской противопехотной мины. И он ощущал, что под капюшон набралось много газа: тут же застучало в висках.

Взвился фонтанчик, опал, снова взвился.

Словно подбросило Третьяка. Он вскочил и кинулся прочь, прочь...

И тут точно молния сверкнула позади. Вместе со страшным грохотом, оглушившим его, Остапа Тарасовича сбilo с ног, швырнуло куда-то. Он тяжело шлепнулся на песок.

«Н-нда-а...» — пронеслось отрешенно в сознании. И он продолжал лежать распластавшись. Не хватало сил пошевелиться: он был ошеломлен огнем и взрывом.

Водяные струи больше не прикрывали его. Он почувствовал, как печет затылок, и сообразил, что сорвало асбестовый капюшон и рот забит песком.

Теперь Остап Тарасович понял происшедшее и происходящее: «Грифон... Грифон!»

Сумасшедшее давление вырвавшегося газа, куски породы, выбрасываемые им, разбили где-то в глубине стенки скважины. Газ устремился в пласты, попер вверх, минуя устье фонтана. Он просачивался по трещинам и изломам, разрушал на пути пластовые перекрытия. Выходы газа появились около фонтанирующей и горячей скважины. В один из них и провалилась нога Третьяка. Но эти выходы могут появиться и в пяти, и ста пятидесяти метрах, и хоть в километрах от бывшей буровой. Все зависит от расположения пластов пород, их выклинивания на поверхность.

Газ, выбравшись на поверхность, растекался, скапливался ниже горячей струи фонтана. А когда его накопилось много, последовал взрыв. Новый взрыв мог произойти каждую секунду. Множились прорывы газа наружу, он скапливался быстрее.

И страх перед новым взрывом сковал Остапа Тарасовича.

Третьяку не надо было развертывать понятие «грифон». Для него в нем заключался не случай, не состояние, а процесс, как понятие «бой» для солдата. Шепча слово «грифон», старый буровик пока еще думал только о начале грифона: прорыве газа, взрывах. Сейчас для него это было самое страшное...

Когда из земли будто выскочила шаровая молния, трактор Мухамеда находился ближе других к фонтану. Мухамед успел инстинктивно уткнуться лицом в согнутый локоть. А в следующее мгновение раздался оглушительный взрыв. Рев фонтана в сравнении с ним

был утренней тишиной и ласковым щебетанием птиц. Взрывная волна вышибла все стекла в кабине.

Наконец Мухамед решился поднять голову и посмотреть, что же произошло. Он увидел по-прежнему вздыбленный в небо фонтан огня. И в его свете распластанную фигуру дядьки Остапа.

Мухамед растерялся и точно лишился сил. Он не мог себя заставить пальцем шевельнуть. Непонятный для него взрыв, выдавленные волной стекла кабины, так, будто их никогда и не было; распластанная фигура на желтом песке; оглушенность — все это произошло так мгновенно и представлялось таким нереальным, что сознание Мухамеда снова и снова отказывалось верить в случившееся. Как бы ожидая проверки и подтверждения видимого, Мухамед поглядел в сторону.

Три другие трактора, бывшие слева от него, находились метрах в сорока от распластанного на песке Третьяка. А от Мухамеда до дядьки Остапа — всего-то шагов двадцать. Это Мухамед понял мгновенно, тотчас догадался, что все решат: ему идти за бурильщиком. Но был какой-то промежуток времени, промежуток, в который Мухамед не решил еще для себя, что он-то и побежит к Третьяку. Именно в это время на ближайшем к нему тракторе, в кабине с выдавленными стеклами Мухамед увидел мастера. Тот напряженно смотрел на Мухамеда. Из других кабин тоже смотрели на Мухамеда. Во взглядах всех Мухамед почувствовал ожидание и приказ.

Тогда Мухамед с усилием заставил себя подняться. Он пригнулся, вылезая из кабины, ступил на траки, прыгнул на землю. Потом взгляд его метнулся в сторону лежавшего дядьки Остапа, и Мухамед, опять напрягая всю свою волю, стиснув зубы, заставил себя побежать. Но он чувствовал, что бежит очень медленно, ноги заплетаются. Их заставляет заплетаться тоска-

ливое чувство жути. Жуть, казалось, была живым существом, которое мешало ему двигаться, стискивало грудь так, что перехватывало дыхание.

Он споткнулся, пополз к дядьке Остапу на карачках, скуля и презирая себя за этот скулеж.

Добравшись до распластавшегося Третьяка, Мухамед схватил его за шиворот и поволок; поволок, упираясь насколько хватало сил, — а теперь их было много, — в зыбучий, плывший под подошвами песок.

Но тут дядька Остап вдруг вырвался, вскочил. И они оба разом рванулись и побежали к тракторам.

Увидев взрыв, Алексей вскочил, забыв, что находится в кабине трактора, сильно стукнулся головой о потолок. А в следующее мгновение взрывной волной выдавило стекло, и осколки ударили в грудь, посыпались на пол. Мастер понял: непроизвольное движение паверняка спасло его глаза и лицо от ранения стеклянной мелочью. Но все это выглядело чепухой рядом с тем, что Третьак оказался сбитым с ног, отброшенным, и лежал он недвижно.

Алексей рванулся было, но рука его намертво ухватилась за раму кабины. Он не смог больше сделать ни шагу. Мастер понимал происшедшее, заметил песчаный фонтанчик, у которого остановился несколько секунд назад дядька Остап, и еще другие, ярко освещенные пламенем предательские фонтанчики у устья скважины. Из них-то и выбился взорвавшийся газ.

«Ну, что же ты... Ну, что же ты!.. Беги, вытащи Третьака! Вот-вот... Вот-вот новый взрыв газа!» — твердил он себе, но не двигался с места. Тело его помнило испепеляющий жар ревающего пламени, когда они с Есе-ном вытаскивали Алты. И то бы-

ло слишком кошмарно, чтобы теперь решиться на большее.

Мастеру хотелось дать себе в морду за подобные мысли, но он все равно не мог себя заставить сделать ни шагу. «Мухамед ближе... Ближе! — дрожала в голове скользкая, ползучая мыслишка. — Он должен!» И когда Алексей увидел: Мухамед спрыгнул на песок и боком, хоронясь от жара, подпрыгивая, выписывая странные зигзаги, двинулся к Третьяку, мастер сел, стиснул кулаками голову: «Я бы ни за что не смог... Еще раз — не смог бы... А Есен, как Есен? Он просто по ту сторону от фонтана. И не видел, что с Третьяком... Трус!» — сказал он себе. Однако слово осталось словом и не побудило его к действию. Он продолжал сидеть в кабине и смотреть, как Мухамед поволок Третьяка за шиворот, а тут же следом дядька Остап вскочил вдруг, и они оба запрыгали к тракторам.

Позади них вздымался к небу гигантский, лохматый в вышине столб пламени, и двое идущих выглядели угловатыми силуэтами, отбрасывающими на песок впереди себя длинные вихляющиеся тени. Мухамед и Третьяк ускорили шаг, потом побежали. Только тогда Алексей смог заставить себя выпрыгнуть из кабины и сделать несколько шагов им навстречу. А грудь сжимал противный холодок, и ожидание нового взрыва спирало дыхание. Это ощущение мешало свободно двигаться, вдавливало голову в плечи.

Ослепительная вспышка, а следом за ней раздался взрыв. Это произошло, когда Алексей, встретив Третьяка и Мухамеда, помог бурильщику зайти на трактор. Пламя метнуло резкие тени, а от удара дрогнула земля.

Чуть передохнув, Остап Тарасович и Мухамед пошли к санитарной машине, а Алексей взобрался в кабину и стал тупо смотреть на полыхающий фонтан. Он впервые с начала аварии почувствовал, что он здесь,

собственно, лишний, ненужный, да и не пригодный ни к чему человек. Ощущение было настолько четким, ярким, что хотелось встать и уйти куда глаза глядят. Однако сердце еще надеялось на нечто.

Теперь нечего было и думать растащить остатки вышки или попробовать спасти из сарая, пусть и полуобгорелые, дизели и буровые насосы.

Мастер сел за рычаги и только по дрожи их понял, что двигатель работает. Алексей снова посмотрел на устье скважины. Около него уже не плясали песчаные фонтанчики. Там расползались темные парующие пятна. Это на песке проступила выбившаяся на поверхность вода.

«Все кончено... — сказал сам себе Алексей. — Уже ничего нельзя спасти...»

Темные пятна влаги, хоть испарение около столба огня было огромно, расползались быстро, прямо на глазах. Изменился и цвет пламени. Оно стало багряным, точно от гнева.

«Все кончено...» — повторил Алексей. Развернув трактор, он повел машину в сторону от ревущего фонтана. За ним отвернули от буровой и другие.

Глядя на все это, Остап Тарасович с глубокой и даже неожиданной для себя сердечной болью вдруг вспомнил, что вот так же, казалось, понуро и медленно, уползали с поля боя побитые танки. И совсем неожиданно обернулся и погрозил фонтану кулаком: — У, тварина!

Для него это слепое бешенство стихии действительно было как бы живым врагом, яростным и мощным, заставившим их отступить.

Алексею же представлялось, что это уже разгром и бегство. По крайней мере, сердцем своим он чувствовал именно так.

Он остановил трактор метрах в пятистах от огнен-

ного столба. Здесь же находились «газик» главного инженера, белая санитарная и красные пожарные машины. Пожарники, поблескивая касками, скатывали шланги.

Достав сигарету, Алексей закурил. Спичка в пальцах ходила ходуном, а сигарета в губах дрожала. Пожарник, стоявший неподалеку, двинулся было к нему, да, видно, раздумал. Глубоко затянувшись, Алексей опять пристально взгляделся в то, что происходило у устья скважины. Темное влажное пятно продолжало расплзаться, но сама вода еще не показалась.

«А ты не волнуйся, — зло подумал Алексей. — Скоро покажется. Очень скоро. И тогда ты увидишь то, о чем только в учебниках читал. Читал — и удивлялся. А тут — пожалуйста!»

И неожиданно он словно опять услышал голос Гюльнэры, крик ее в телефонной трубке: «Что ты натворил, Субботин!» Она так и кричала: «Что ты натворил, Субботин!»

Еще раз глубоко затянувшись, Алексей сплюнул, прыгнул на песок, бросил окуроч и затоптал его.

— «Натворил»... Тоже, умница! — буркнул Алексей и пошел к санитарной машине, где был дядька Остап. Снежинки, попадавшие на прихваченное жаром лицо Алексея, вызывали колющую боль. С подветренной стороны песчаных барханов и симметричных извивов свея снег задерживался. Окружающее походило на гравюру.

— «Натворил»... — распаляясь, продолжал бурчать Алексей. — Натворил... Словечко-то какое выискало. Сразу — в виноватые. Может быть, и были где-то виноватые буровики — здесь таких нет. «А чем ты докажешь, что «здесь таких нет»? — спросил сам себя Алексей. — Чем? Вот так...»

Кулаки сжались сами собой, но, пошевелив ими в

карманах, Субботин распустил пальцы, а потом усмехнулся, глянув через плечо на ревущий и воющий огонь. Подавив ненужный вздох, Алексей потрогал щедрую повязку, закрывавшую обожженные уши. Предутренняя прохлада добралась и до них. И по телу пробежала ознобная дрожь.

Дядька Остап сидел на песке, привалившись спиной к колесу санитарной машины. Его нос и рот закрывала черная резиновая полумаска кислородного аппарата. Сестра примостилась на корточках рядом и следила за тем, как раздувается и опадает похожая на футбольную камера смесителя. Мухамед стоял тут же, прислонившись спиной к кузову. Глаза его были закрыты. Может быть, ему просто надоело смотреть на дикое пламя.

У фонтана опять раздался взрыв, «хлопок», как называют его газовики.

Скосив глаза на звук, дядька Остап глубоко вздохнул, а потом перевел взгляд на подходившего Алексея.

— Как ты, Остап Тарасыч? — спросил его мастер, присаживаясь рядом на песок, как очень усталый и расстроенный человек.

Сдвинув с лица кислородную полумаску, Третьак махнул рукой в сторону фонтана:

— От, бисова кутерьма!

— Плохи наши дела...

— Грифон... Самый настоящий грифон. Куда хуже? Хуже не бывает. Только что всех не накрыло...

— Там... — Алексей кивнул в сторону фонтана, — там на стойке лебедки остался буровой журнал.

Третьак всем телом подался к Алексею:

— С ума сошел! — воскликнул он громко, а потом, вобрав голову в плечи, зашипел, как гусак: — Что ж будет-то теперь? Кто ж нам поверит? На слово! Молчи, молчи, Михалыч! Не дай бог, Сашка узнает... Из за-

висти ведь может вякнуть. Сболтнуть, а там и прицепятся... Ой-ей-ей!

Алексей усмехнулся:

— Вот уж действительно «ой-ей-ей»! Сгорел журнал. Сгорели приборы, диаграммы...

— Попали мы... Як кура в ошип. А твоя эта... Гюльнара что говорит?

— «Что вы натворили, товарищ Субботин!» Вот как она сказала...

— А чего ты от бабы хочешь? — взъерепенился вдруг дядька Остап. — Чего ты хочешь? Она же первая не поверила! «Натворили»! Ишь как ловко. А если не мы натворили, а они напортачили? Тогда как? А? Тогда что?

— Комиссия все равно будет, — вяло отозвался Алексей. Ему было обидно и больно, что первый камень сомнения в их рабочую честность кинула именно Гюльнара. Может, сгоряча, необдуманно. Но кинула. Первая. «Ну и черт с тобой! — разозлился Алексей. — Давай выбирай камушки побольше, потяжелее. Теперь тебе после «натворили» осталось одно утверждать: высоких темпов бурения мы добивались лишь потому, что нарушали технологию. Ведь доказательств обратного — бурового журнала хотя бы — у нас нет! А авария, да еще какая! — налицо. Ну а то, что брали раствор на лабораторный анализ... Так, пока к нам подъедут, мы всегда сумеем поднять его удельный вес до нормы. На бугре стоим, и далеко нам видно идущую на буровую машину.

«На бугре стоим... Стояли!» — покачал головою бурильщик.

Лицо Третьяка увяло: опустились уголки губ, словно отвис нос-барабулька, потускнели глаза.

— Сожрут тебя, Алексей, а мной закусят. Как это ты с журналом? Голову ж ты там, на лебедке, голову

свою оставил. Добро б же, руку, ж ногу, а то — голову! Понимаешь?

— Я за Алты беспокоился. Ведь как шибануло! Думаю, сбило парня с мостка, швырнуло на трубы — и амба.

— За что ж на нас, бедных, все навалилось?

— И отбежал-то я сначала только лишь посмотреть: удастся Алты выбраться? Выбрался. А тут и огонь...

— А что инженер-то говорит? ПТО тут не в стороне. Планово-технический отдел. Им всем и карты в руки. ПТО — самое главное.

— Я к инженеру с вопросами не лез. Да и что он может нам сказать?

— Спроси... Скажет... Мнение свое он должен иметь: Такое вот мнение. Это многое значит. Обязательно спроси, Михалыч.

— Подумает, в глухую защиту уходим. Хуже будет. Подождем, дядька Остап. Раньше хоть поторапливаться смысл был, а теперь спешить некуда. Понимаешь — не-ку-да, — дядька Остап.

— У дядьки Остапа это первая авария за двадцать лет беспорочной службы. Да и ладно бы, у меня. Ведь ты, мастер, на буровой был. Сам все смотрел. Не так разве? А? — Третяк зачем-то стал теребить мастера за рукав спецовки, словно разбудить старался.

— Давай вали! — Алексей поднялся с песка, отряхнул руки. — Я и один за всех драться буду.

Мухамед оттолкнулся от кузова машины и сделал шаг к Алексею. Он спросил мастера очень тихо, заглядывая ему в глаза:

— Ты хочешь доказать, что виновата Гюльнара? Точнее, инженеры, техотдел.

— Пока у меня нет доказательств, что мы, буровики, не оплошали. Понимаешь? Чем я смогу убедить комиссию — мы работали честно.

— А она нет? — Мухамед пытливо вглядывался в лицо Алексея.

— Я не геолог... Не планово-технический отдел. Никто из нас не может решать за них. Мы работали честно.

— Значит, она — нет! — настойчиво повторял Мухамед. — Ты допускаешь, что она могла ошибиться.

— Понимаю... Ты хочешь, чтобы я без лишних слов заранее признал себя хоть в чем-то виновным в выбросе на буровой? — Алексей встретился взглядом с Мухамедом и увидел в его глазах — «да»! Мастер усмехнулся. — А дядька Остап так же думает? А Есен? Саша? Я, наконец! Хотя речь идет прежде всего о всей смене, целиком. Если каждый из вас скажет и сумеет доказать, мастер совершил ошибку — я тут же соглашусь. Командовал я. Если вы видели промах и не сказали тогда, скажите сейчас.

Тихо, так что Алексей едва слышал его голос, Мухамед проговорил:

— Она женщина. Ты любишь ее. Разве не так?

Резко повернувшись к Мухамеду, Алексей тоже громко сказал:

— Но мы не виноваты...

Мухамед устремил взгляд в сторону пылающего фонтана. У устья скважины плескалась в размытом углублении вода. И еще несколько воронок уже образовалось чуть поодаль. Водяные пары, втянутые в огненный столб, играли на его боках бликами солнечной яркости.

— Она женщина...

— Я не могу предать всех... ради нее. И тебя тоже. Хотя ты хочешь этого, Мухамед. Ты забыл про Алты, Мухамед. Кто возьмет, может быть, жизнь его на свою совесть?

— А она может? Ты не понимаешь, мастер... Как ты не понимаешь, мастер!

— Понимаю. Все понимаю, — и Алексей пошел прочь, к «газику» главного инженера.

Машина стояла у вагончика-балка, на ней находилась рация. Алексей издала при свете гигантского факела видел, что инженер ПТО Непес Курбанов ведет радиоразговор, а когда он подошел, инженер уже сидел, свесив ноги из кабины, и курил. Здесь рев фонтана напоминал отдаленный непрерывный громовой раскат. Разговаривать можно было и не повышая голоса, но все равно люди кричали.

— Твой отец будет здесь утром, — сказал Непес. — Мне только что передали. Он хотел выехать на машине, но снег. По солончакам не проедешь — раскисли. Этот же вертолет заберет в городскую больницу Алты. Доктор говорил, он плох. И утром же спецрейсом прилетит Тигран Мушегович.

— Глухарь?! — Алексей удивился и чуточку испугался этого имени.

Действительно, плохи их дела, если обратились к Тиграну Мушеговичу. Глухарь — признаннейший авторитет среди тех, кто «давит» фонтаны и тушит нефтяные и газовые пожары. Авторитет его высок не только среди советских нефтяников и газовиков. И если уж обращаются к нему, то, значит, случай сложный и требует наибыстрейших и серьезнейших мер.

— Тигран Мушегович вылетит из Баку тоже с первым светом. Ему надо собрать своих людей, — продолжил Непес.

— Что ж так — сразу к нему? — несколько растерянно спросил Алексей.

В это время верхушка пламени, от которой отрывались, улетали ввысь и исчезали клочья огня, странно закачалась из стороны в сторону, словно собираясь

упасть. Алексей и Непес, не сговариваясь, кинулись бежать на ближайший бархан. Они легко вскарабкались по влажному песку на гребень. И остановились как вкопанные.

Набалдашник ротора, торчащий из-под земли, вихлялся. словно какой-то подземный титан взял его в лапу и забавлял сам себя, раскачивая девяностометровой высоты факел. Кратер кипящей и парящей воды вокруг устья скважины был уже довольно широк. И соседний с ним, тоже широкий, кратер разделяла лишь узкая земляная перемычка. И в нем klokотала вода под напором газа, пузырилась, пенилась и казалась белой как снег.

Тут земная хлябь словно разверзлась, поглотила перемычку. На лице земли открылась ярко освещенная бурлящая язва. В нее с легким всплеском сполз оказавшийся на краю огромный дизель. Он сполз, словно малый камушек в пропасть. За первым — второй, такой же, в рост человека. Это тихое соскальзывание в неизменном реве представлялось настолько диким, несообразным, что вызывало оторопь.

Торчащий черный набалдашник ротора продолжал вихляться из стороны в сторону, и столб пламени, подчиняясь его движениям, мотался высоко-высоко, чуть не под самыми тучами. И по днищам этих клубящихся туч мотался, словно живой, рыжий жуткий отсвет.

Но тут набалдашник ротора начал вроде бы еще и погружаться в взбаламученное кипящее озеро.

Сначала Алексей не поверил глазам, но потом убедился, что это не видение: ротор, пошатываясь и колебля пламя факела, под тучами начал медленно опускаться в недра. Он тонул в тверди, как тонут в море корабли, все быстрее и быстрее... Раскаленная много-тонная стальная махина ротора коснулась проступивших вод, окуталась паром, потом пеной. Негорящая

часть газовой струи фонтана поперхнулась на мгновение. Потом высота огненного столба опала. Пламя распустилось по бурлящей воде, превратилось в багряный циклопический пляшущий цветок.

Тогда Субботин опустил взгляд, чтоб не глядеть на эту жуть. Он заметил: снег перестал идти, и серпики налетов с подветренной стороны извилистого песчаного свея тают. Наступал серый рассвет. Но все отмеченное Алексеем было внешним, как бы не касавшимся его, отстраненным.

— Салахова, — проговорил Непес, — договорилась с гидрогеологами. Они вызвали четыре машины с буровыми станками. Из «поля». Экспедиции работают еще неподалеку. Они тоже скоро будут здесь. Может, к полудню дойдут до воды. Начнем наполнять водоемы. Нужно очень много воды.

Как-то по-детски звонко, виновато и наивно Алексей, не подняв взгляда от песка, бухнул:

— Наш буровой журнал сгорел.

По тому, как носки сапог инженера, стоящего рядом, резко повернулись в его сторону, Алексей понял, что Непес очень взволновался.

— Эт-т-того еще не хватало! Да ты...

Мастер покачал головой.

— Понимаю. Все понимаю, — теперь уже хрипло, сквозь зубы проговорил Алексей. И про себя отметил, что, услышав фамилию Гюльнары, он как-то не мог связать ее фамилию с ней самой, словно существовало два человека: Салахова-геолог и Гюльнара, обе сами по себе. И обе стали чужды ему.

Даже о самом себе он думал, как о человеке до того, как произошел выброс, а потом пожар и грифон, и как о человеке, живущем после того, когда он все это увидел, который не побоялся спасти Алты и не смог заставить себя поспешить на помощь Третьяку.

Субботин думал, что, наверное, поступил неправильно, пойдя в мастера. Зря он не остался в управлении или в конторе. Так поступил Непес. Но он на пять лет раньше окончил институт, и тогда еще многие мастера были из бурильщиков... Однако ему, Алексею, предлагали остаться в управлении...

«Ты думаешь так же, как в те минуты, когда не смог заставить себя бежать на выручку к дядьке Остапу... — сказал себе Алексей. — И неизвестно, что решит комиссия. Может, тебе придется на всю жизнь забыть, чему учился. Разве так не бывало? Или все начинать снова — с рабочего, как Саша?»

Не доводилось Алексею слышать, чтоб авторитетная комиссия не находила виновных. Иначе как бы можно было судить о работе авторитетных комиссий.

И снова мысли его вернулись ко времени до того момента, когда выброс, похожий на взрыв, разделил жизнь Алексея на две неравные половины.

Отец учил его жить, как выучил плавать.

Экспедиция базировалась тогда на Гурьев. Шестилетний Алексей боялся воды и довольствовался тем, что с берега наблюдал за купающимися одногодками да бросал в Урал камушки. Однажды отец спросил его, хочет ли он научиться плавать. Алексей с восторгом принял предложение. Отец посадил его в лодку. Они отошли довольно далеко от берега. Там Субботин-старший кинул сына в реку и крикнул: «Плыви!» И Алексей поплыл к лодке. Но отец держал ее на почтительном расстоянии. А Алексей плыл. Отец пристально следил за ним и подавал советы.

Вырос Алексей парнем, уверенным в себе и упрямым. И он во всем доверял отцу. Вполухутку-вполусерьез Михаил Субботин говаривал: «Вот сестра Ксения, хирург. Она утверждает, что хирурги ничего не знают, но все могут, а терапевты все знают и ничего

не могут. Так мы, буровики, — хирурги, а геологи — терапевты. Будь, Алешка, буровиком!»

Алексей стал им.

Его мать, женщина тихая и улыбчивая, была геологом. Она становилась говорливой лишь в одном случае, когда речь заходила о земле. Придя в школу, Алексей знал геологию лучше, чем таблицу умножения. Мать погибла в экспедиции, когда Алексей учился на пятом курсе института. Только потом-потом Алексей понял, что его мама была тоже упрямым и пожилым уже человеком, который не хотел сдаваться. Она утонула при переправе через порог. Плот опрокинулся, она оказалась в ледяной воде, и сердце не выдержало. Ее выловили километрах в четырех ниже по течению. Алексей не видел своей матери мертвой. Гроб, доставленный самолетом, так и опустили в землю, не открывая.

До сих пор в его душе жило тайное ощущение, что схоронили кого-то другого — не маму, — а она, она в экспедиции и вернется...

Еще когда Алексей учился в институте, им овладела мечта попасть после окончания в экспедицию, которая в Прикаспийской низменности ведет бурение сверхглубокой скважины. Возможно, на выборе сказалось и то, что геологи очень многого ждали от нее, а для буровиков она была лишь одним из экспериментов по опробованию механизмов, решала чисто технические проблемы. В частности, эта экспедиция очень нуждалась в автоматике. Многие из того, что потом волей-неволей перешло в проект бурового автомата, решалось там. Сначала очень робко и неуверенно, потом посмелее. Но до настоящего, очень серьезного экспериментирования не дошли и там. И Алексей знал и об этом. Алексея же в прикаспийской экспедиции привлекала именно эта двойственность в задаче — техника и разгадка ряда кардинальных вопросов строения Земли. Субботина

интересовало и трогало и то и другое, в его взглядах на жизнь будто слились практицизм отца и романтический склад матери. Впрочем, неправильно смотреть на характеры так односторонне. В своих ясных практических стремлениях Субботин-старший не чурался мечты, как и мечтательнице — его жене — не был чужд практицизм четко поставленной цели.

Однако отец отсоветовал ему начинать свою деловую жизнь с просьб, хотя прекрасные успехи в учебе давали Алексею право свободного выбора места работы. Но в перечне трестов и контор экспедиция сверхглубокого бурения не значилась. А когда он все-таки спросил, можно ли попасть туда, Алексею недвусмысленно дали понять, что для этого нужно обладать куда большим опытом и солидными знаниями. В сердце своем Алексей согласился с доводами. Все, чего он решил добиваться в труде, в работе на буровой, Субботин-младший считал ступеньками на пути к своей мечте: добиться участия в какой-либо новой экспедиции сверхглубокого бурения.

И вот все полетело вверх тормашками.

Если бы Алексей мог только предположить конкретного виновника происшедшего, то сделал бы все, чтобы найти неопровержимые доказательства его вины. Или добыл бы столь же непоколебимые факты, подтверждающие невинность того человека. Пусть даже этим человеком был бы Саша, который недавно сознательно пошел на обман. Из-за грошевой прогрессивки нарушил режим бурения и поплатился за это. Но Алексей не видел промаха ни в своих действиях: все делалось как обычно и как надо, ни оплошности со стороны геолога или инженера.

Хотя по исконной неписаной традиции виноватым всегда, почти всегда, оказывался мастер, подобно стрелочнику, который что-то недодумал, чего-то недосмот-

рел, в чем-то проглянул, что-то недослышал... Однако, когда идешь в гору, а потом оглянешься, неизменно видишь более удобный путь, лучше, чем выбранный тобой. Или если тебя побили в драке, то неизменно находятся советчики, которые — как дважды два четыре — умеют доказать, где именно ты ошибся и что следовало предпринять «во избежание». Правда, в таком случае советчики остаются в полной безопасности и в полной безответственности за уже происшедшее, случившееся, и неясным остается главное — каким образом они повели бы себя в драке, будучи на месте побежденного... Вот в чем вопрос.

Встреча с глубинами земли всегда бой, всегда схватка, подобно тому, как и любой полет человека. И в одном и другом случае борьбу со стихией ведет не один, а многие, коллектив, строивший летательный или буровой аппарат, рассчитывавший его, проверявший его, дававший прогноз метеоусловий или прогноз залегания и состояния пластов на глубине трех-пяти километров. Однако если у пилота есть возможность маневра, а при ошибке метеорологов он может уйти из неблагоприятной зоны, то буровик скован. Он идет глубже, глубже, не может обойти препятствия. Рука бурильщика, лежащая на ручке тормоза, должна быть такой же чуткой, как и пальцы нейрохирурга. Лишние один-два сантиметра припуска инструмента на забой скважины означают, что давление, испытываемое турбобуром, возрастает на десятки, а то и сотни тонн. Инструмент может сломаться, вся километровая колонна свернуться винтом — погибла скважина.

Не уследил за параметрами глинистого раствора — погибла скважина. Не заметил разгазованности глинистого раствора — погибла скважина. И слова-то какие: «не уследил», «не заметил»...

Инструкция по бурению — своего рода уголовный,

гражданский и процессуальный кодексы — свод законов. Буровой журнал — то же, что корабельный или бортовой. В нем не допускается ни подчисток, ни поправок. В нем фиксируется все, предусмотренное сводами инструкций, и сверх того, что мастер считает необходимым отметить: происшествия и меры борьбы. По журналу судят об опытности мастера, его знаниях и умении, анализ записей дает возможность определить степень виновности смены, бригады, самого мастера или других ответственных лиц.

Но никого из смены Алексей не мог ни в чем обвинить.

На буровой все шло, как принято было в этом районе, или регионе, как говорят геологи. Необычным оставалось всегда неизвестное — пластовое давление, если они все-таки вскрыли газоносный пласт. Судя по столбу пламени — восемьдесят-девять метров, что составляло приблизительно три миллиона кубометров газа в сутки, если не больше. Давление на буфере, на выходе из скважины, при пятнадцатидюймовом диаметре трубы приближалось к девяти атмосферам. Остановив бурение, прекратив закачку раствора, они начали подъем буровой колонны и будто гигантским шприцем стали сами подсасывать газ из пласта, разгазовывать раствор прежде всего в самой скважине, а не затрубном пространстве.

Этим, пожалуй, и можно объяснить выброс-взрыв, происшедший практически без каких-либо четких предупреждающих признаков.

Но ведь в такое комиссии придется только поверить. Подтвердить это сможет либо новая скважина, либо наклонная, с помощью которой только и можно будет наверняка задуть грифон, закачивая сначала воду, потом глинистый раствор и, наконец, цемент, замуровать ставшую вредной и бессмысленной дырку в земле, бес-

цельно выпускающую в воздух ежедневно три миллиона кубометров газа, если не больше...

Алексей поднял взгляд от песка. И тотчас со стороны грифона донесся удар нового взрыва. Потом, словно вследствие его, продолговатая зияющая язва в земле окуталась паром, забурлила, начала плеваться водой. Ключья взбаламученной грязи разлетались в разные стороны.

Столб пламени осел, раздался еще шире, стал цвета закатного солнца.

«Ротор окончательно потонул, — понял Алексей. — Негорящая часть струи захлестнута водой. Как быстро развивается грифон! Прошло несколько часов, а его диаметр — добрый десяток метров. Дальше разрушение и размыв кратера пойдут быстрее. Сумасшедший грифон!»

Хотелось обхватить голову руками и бежать, бежать отсюда без оглядки, не видеть бунта земли. В то же время Алексей понимал, что от всего увиденного не убежишь, этого не вытравишь из памяти до конца дней своих.

«Господи... Помилуй! Выброс... Ну, фонтан. Пожар — ладно! Но грифон?! Такой грифонище — это уж слишком!..» — то ли бормотал, то ли думал про себя Субботин-младший.

Он, конечно, не верил ни в бога, ни в черта, ни в их присных. Алексей и иконы-то видел только на экране в кино. Однако восклицание прозвучало в его сознании столь искренне и так удивительно глупо, что он рассмеялся. Захохотал, а потом виновато огляделся: не смотрит ли кто? Уж очень показался бы странным вид человека, точно радующегося своему злосчастью.

Взяв у дежурной ключ от номера, Михаил Никифорович услышал брошенный ему вдогонку вопрос:

— Товарищ Субботин! Сове- щание уже закончилось?

Он не ответил и широко за- шагал по коридору. Повернув ключ в замке, Субботин дернул дверь, но она не открылась. Он снова повернул ключ и потянул ручку на себя. Дверь будто сро- слась со стеной. Тогда, собрав все свое терпение и выдержку, Михаил Никифорович опять по- вернул ключ. Никакого толку, и Субботин что было силы грох- нул кулаком по двери. Она рас- пахнулась и бухнула в стену.

Михаил Никифорович окинул взглядом проем: дверь открыва- лась внутрь комнаты, а не в ко- ридор. Субботин ругнулся впло- голоса и захлопнул ее за собой так, что язычок замка кляцнул, будто орудийный затвор.

Не снимая плаща, начальник конторы бурения сграбастал те- лефонную трубку и тут же при- нялся требовательно стучать по рычагу аппарата. И колотил до тех пор, пока прерывающийся от его постука голос телефонистки не послышался в трубке:

— Т-ар-щ Субботин!

**АЛЕШКА,
АЛЕШКА...**

— Ну! — прорычал он.
— Вас не было. Я соединила поселок с трестом.
— Ладно. Поселок дайте.
— С больницей разговаривают.
— Что, с кем случилось?
— Я думаю, кто-то пострадал...
— «Я думаю», «кто-то»... Какого черта!
— Разговоров не подслушиваю.
— Я у себя в номере. Соедините тотчас, как договорятся с больницей, — и бросил трубку. Включил настольную лампу.

«Только этого не хватало!» — окончательно разнервничался Субботин. Скинув плащ, он швырнул его на постель. Шагнул к столу, споткнулся о стул, ударил его ногой так, что тяжеловесный предмет гостиничной мебелировки с треском бухнулся под скатерть. Михаил Никифорович почувствовал себя глупо. Он подошел к окну и, терпеливо открыв шпингалеты, распахнул его. В гостиничную духоту потек вечерний воздух. Пахло мокрой перегретой пылью и увлажненной зеленью. На противоположной стороне площади ползла поливочная машина, распустив седые усы воды. Один ус шипел, растекаясь по асфальту, другой был направлен вверх и шелестел в листве карагачей, обрамлявших площадь. Под окном тоже стоял карагач. На мелких еще листьях трепетал льдистый отблеск фонаря дневного света.

Услужливая память тотчас подсказала: комсомольский воскресник... Много лет назад они сажали тонкие, в палец, деревца по краям песчаного пустыря в будущем городе в пустыне. Палатки, два барака... Жаркие споры: примутся, не примутся посадки. Больше всего горячился Аннá Дурдыев, его друг с недавних тогда военных времен, а ныне начальник нефтяного и газового объединения... И как комсомолия решила из трехлит-

рового водного рациона выделять по два стакана на дополнительный полив!

Потом вспомнил сегодняшний, утренний разговор с Дурдыевым, который среди старых знакомых был известен по прозвищу Испанец. Четырнадцатилетним парнишкой Дурдыев сбежал из дома в Одессу. Он пробрался в трюм парохода, шедшего в Валенсию. Его изловили перед отплытием и выдворили на берег. К матери Дурдыев так и не вернулся, потом воевал, затем учился; но кличка, данная одесскими мальчишками, так и прилипла к нему на всю жизнь.

Встретившись на последнем совещании с Субботиным, Дурдыев, как всегда, крепко сжал ему руку, хлопнув по плечу:

— Здоров?

— А как же!

— Хороши дела в интернациональной бригаде твоего сына? — Дурдыев многонациональную бригаду Субботина-младшего в шутку называл интернациональной.

По старой привычке Михаил Никифорович поднимал сжатую пятерню к виску:

— Интернациональная бригада впереди!

Потом с трибуны совещания Субботин-старший, в меру скромно и достаточно веско, рассказал о работе бригады Субботина-младшего и других мастеров. Когда он вернулся на место за столом президиума, Дурдыев передал ему тщательно сложенную записку. Михаил Никифорович решил: обычный вопрос из зала. Несколько таких бумажек уже лежало перед ним. Он не спешил их прочесть: отвечать не скоро, а передохнуть надо, да и новый выступающий говорил об интересных вещах. Однако Дурдыев, сидевший неподалеку, постучал ногтем по столу и показал на записку. В благодушном настроении после хорошо принятого доклада Субботин не

заметил тогда взволнованности начальника объединения.

Развернув записку, Михаил Никифорович перестал слышать докладчика, забыл о полном зале. Он тут же ушел за кулисы и из Дворца культуры, где проходило совещание.

«На буровой Алексея Субботина — выброс! Открытый газовый фонтан! Пожар!»

Что теперь стоили его разглагольствования о методах скоростного бурения Алексея Субботина, о новшествах и положительном опыте? Курам на смех! Он, он, Субботин-старший, — посмешище! Болтун и дурак. А виновник — сын, его сын Алешка!

Заглянув по дороге на почту, Михаил Никифорович не захотел оттуда говорить с поселком: слишком много народа, слишком много знакомых. Голосом он не обижен — начнутся расспросы, вопросы, сожаления, сочувствия... Нет! Переулками, чтоб не встретить приятелей, которых было полгорода, Субботин пробрался в гостиницу.

«Пробрался»... — подумал Михаил Никифорович, схватил трубку и принялся снова барабанить по рычагу.

— Минуточку, минуточку, товарищ Субботин. Заканчивают разговор с больницей.

— После поговорят!

— Закончили, соединяю.

Разговор с инженером подтвердил самые худшие предположения. Новости были отвратительные, а самое трагическое — врач не исключает возможности гибели Алты от ожогов.

— Причина выброса — фонтана, пожара, грифона, — кричал в трубку Субботин.

— Причина? — переспросил инженер, очевидно собираясь с мыслями.

— Да-да!

— Геолог Салахова считает, что, как всегда, авария произошла по вине вахты. Тех, кто работал на буровой в эту смену.

— А где был сменный мастер?

— Он заболел. Субботин находился на буровой.

— Так...

— Все очень осложняется, Михаил Никифорович.

— Грифон осложняется? Чем?

— Нет, не грифон. Какие осложнения? Кратер и так растет чумовыми темпами. Трудно будет разобраться, виновных найти.

— Ну! Эт-то почему? — вспыхнул Субботин. — Мастер был на буровой — он и в ответе!

— Сгорел буровой журнал!

— Что?!

— Сгорел... буровой... журнал!

— Вы-то, вы-то, инженер, как считаете?

— Пока затрудняюсь ответить.

— Напишите рапорт к моему приезду. Я буду утром.

— Не смогу, товарищ Субботин.

— Э-то почему? Как эт-то так!

— Мне нужно во многом разобраться. Я не во всем согласен с Салаховой.

Михаил Никифорович скрипнул зубами:

— Похвалы от меня ждете?!

— Товарищ Субботин... Сейчас нам не имеет смысла говорить о виновных. Что вы думаете предпринять?

— А вы?

— Мы уже ничего не можем сделать. Обваловали кратер, чтобы не так быстро увеличивался.

Начальник конторы бурения задал десятка два вопросов о том, что еще сделано. Услышав четкие и ясные ответы, Михаил Никифорович немного успокоился. Все возможные меры были приняты.

— Будьте на месте — позвоню, — буркнул Субботин. Ему очень хотелось узнать, как там Алексей, но он посчитал это непростительной слабостью — «отцовским зудом». Коли страшно, что с Алешкой — инженер сказал бы, а так, значит, все в норме. Но сердцу не прикажешь, оно ныло, и, положив трубку, Михаил Никифорович уже жалел, что не расспросил о сыне.

Он постоял у окна, побарабанил пальцами по подоконнику. И неожиданно для себя вышел в коридор, постучал в соседний номер. Постоялец, знакомый Субботина, находился в номере.

— Послушай, Курбан Исрапилович, дай пачку папирос.

— На! И гони ты всех гостей к черту! Хочешь, я тебе помогу? Еще курят! Они хоть спросились?

— Какие гости, Курбан? — оторопело глядя в решительное квадратное лицо, удивился Субботин.

— А папиросы кому? Ты же не куришь. Подожди... Уже два года не куришь!

Взяв со стола папиросы, Субботин направился к двери.

— Михаил... Спички у тебя есть? — уже совсем негромко спросил Курбан.

— Нет... — так же тихо ответил Субботин.

— Возьми, — Курбан подошел, отдал спички, положил руку на плечо, чуть-чуть ласково толкнул. — Будь!

Михаил Никифорович вернулся в свой номер. Он сел в кресло у телефона, неторопливо закурил. Ненавязчивость искреннего участия, товарищеская ласка Курбана помогли Михаилу Никифоровичу внутренне собраться. После нескольких затяжек чуть поплыло в голове. Но это было приятно.

Он позвонил Испанцу, с которым судьба свела его еще в дни обороны Одессы. Разговор шел в официаль-

ных рамках. Доложив о происшедшем, Субботин попросил разрешения вызвать из Баку Тиграна Мушеговича — опытейшего укротителя огненных фонтанов и грифонов. Дурдыев дал «добро».

С Баку соединили довольно быстро, хотя Михаил Никифорович вдоволь находился по номеру, который казался клеткой, выкурил пяток папирос.

— Тиграна Мушеговича! — рявкнул он в трубку, услышав женский голос, но тут же сообразил, что сморозил глупость. С «Глухарем», оглохшим от рева фонтанов, приходилось разговаривать через «переводчика» — его жену. — Здравствуйте, Фатьма-ханум.

— Простите, я вас не узнала, — протянул в трубке певучий женский голос.

— Субботин Михаил Никифорович.

— А-а... — радостно пропела Фатьма-ханум.

«Ведь все равно не узнала, — подумал Субботин. — Где же тебе всех нас, бедствующих, упомянуть? Буди хозяина, если он дома. Только бы был дома!»

Понадобилось еще с десяток вежливых фраз, как того требовал этикет. С Фатьмой-ханум следовало быть даже в самых тяжелых случаях предельно корректным. Наконец и на вопросы о здоровье болонки и сиамского кота Фатьма-ханум ответила исчерпывающе.

— Тигран Мушегович вас слушает, — сказала Фатьма-ханум (впрочем, какая она Фатьма? Марья Петровна из Белева, — а тем более ханум! Но ее так звал Тигран Мушегович, влюбленный на всю жизнь, и все ее так называли). Она никогда ничего не спутает и сообщит тут же своему мужу. А уж он примет решение. Выслушав Михаила Никифоровича, Фатьма-ханум объявила:

— Тигран Мушегович просил, чтобы вы заказали на складе взрывчатку и детонаторы. — Она сказала, какую и сколько.

— Ладно, ждем Тиграша Мушеговича и его ребят. Взрывчатку закажу. Спасибо вам, Фатьма-ханум, — сказал Субботин и подумал: Глухарь, видимо, за последние годы начал применять что-то новое в тушении пожаров.

Лишь только положив трубку, Субботин вспомнил о воде. Ведь ее нет! Чертов город! Здесь, когда под носом водопровод, забываешь о ее нехватке в поселке. Не питьевой. Вот почему и забыл! Надо много воды: четыре-пять тысяч кубометров! Тысячу еще набрали бы. Но пять! И тут еще чертов «урючный снег», слякоть, которая сделала непреодолимыми солончаки. Они, словно вражьи полки, окружили новую газоносную площадь, которую разведывали.

И снова Субботин вызвал поселок.

Михаил Никифорович и от стола не успел отойти, как аппарат залился настойчивой трелью.

— Слушаю, товарищ Субботин, — послышался в трубке голос инженера.

Откашлявшись и прикурив от дымящегося окурка новую папиросу, начальник конторы сказал:

— К нам вылетает Тигран Мушегович. Но подвезти воду мы сможем дня через два-три. Солончаки раскисли. Как грифон?

— Кратер растет очень быстро. Он уже метров десять в диаметре.

— Уже десять метров! — удивился Субботин.

— Да. Если и дальше так пойдет, за сутки он размочет кратер метров до ста.

— Черт бы его побрал!

— С ним не поспоришь.

— Я о мастере, а не о грифоне. Хорошо обваловали кратер?

— Да, но мало помогает. Грунт рыхлый.

— Откуда сняли трактористов? — сердито спросил Михаил Никифорович.

— Не снимали. На бульдозерах работают Субботин, Мухамед, Есен и Саша.

— Ну-ну... Хотя тут пригодились. Я думал, они сидят в партере, ждут аплодисментов.

— Воду... Вы слышите? Воду, Михаил Никифорович, мы, наверное, достанем.

— Откуда? — спросил Михаил Никифорович и подумал, что в инженере он не ошибся. Инженер — хороший руководитель и организатор, и это было приятно сознавать.

— Салахова договорилась с начальником гидрологической партии, — докладывал Непес. — Он вызвал из «поля» три буровых станка на машинах. Судя по грифону, да и по их данным, в районе пожара грунтовые воды стоят высоко, обильны, хотя и минерализованы.

— Сильно минерализованы?

— Подстилающие — да. Но гидрологи считают, что можно взять пять-шесть тысяч кубометров приличной воды.

— Если они ошибутся, мы запорем насосы.

— Два буровых насоса ребята вытащили из огня, едва начался пожар. Они немного пообгорели, но на этот случай еще сгодятся.

— Когда начнут бурить на воду?

— Салахова ждет машины в поселке. Очевидно, утром начнем.

— Ладно, — удовлетворенно пробурчал Михаил Никифорович. — До встречи.

«Чего далась Непесу эта Салахова? — сердито думал Субботин... — Салахова... Салахова... «Ее мнение»... «Она договорилась». Может, подковырнуть меня хочет Непес? Мол, вот твой Алешка ухлестывал за

ней. Отдыхать вместе ездили. А вот у Салаховой особое мнение о ведении буровых работ вашим сыном. Несмотря ни на что... Фу ты, черт! Ну какая же тина в голову лезет!»

Субботин швырнул недокуренную папиросу в горку окурков, наполнявших пепельницу. Горка разъехалась, «бычки» просыпались на стол. Чертыхаясь, Михаил Никифорович начал собирать окурки, сдувать пепел, да неловко, и извозил всю скатерть. Сдернул ее и бросил в угол. Посмотрел на часы. Было уже далеко за полночь. Он поднял с постели Анну Дурдыева. Объяснив, в чем дело, Субботин потребовал, чтобы ему тотчас выдали со склада взрывчатку и детонаторы. Потом почти два часа ушло на звонки и разговоры с различным начальством помельче, вплоть до заведующего складом. Оказалось, что везти боеприпасы и детонаторы в одном вертолете нельзя и Субботину выдадут только детонаторы, а взрывчатку доставят следующим рейсом, когда отправят в клинику Алты.

Пока шли переговоры и уточнения, пока приходилось полусонным людям объяснять положение и доказывать необходимость немедленных действий, Михаила Никифоровича не оставляла одна мысль: в его настойчивости, требовательности, упрямстве, кроме нужного для начальника конторы рвения, есть и нечто глубоко личное — интимная, отцовская заинтересованность. Это ощущение вызывало в его душе неловкость и очень раздражало. Помимо воли чудился ему в неторопливых ответах и естественных размышлениях людей словно намек: о своем сыне так печешься.

От курева ломило виски, каменно ныло сердце и было мутно.

Потом Субботин гонял по ночному городу в машине, на рассвете спешно покидал в чемодан вещи и уехал на аэродром. Хмуроватые техники с переносными подсвет-

ками в руках побрякивали гаечными ключами и, негромко, будто таинственно, переговариваясь, готовили машину к полету. Позевывая, явились пилоты.

— Вы летите? — равнодушно спросил летчик у Субботина.

Михаил Никифорович стоял поодаль от вертолета и глядел в сторону пустыни, точно хотел рассмотреть творившееся в двухстах километрах отсюда. В мыслях он давно был там. И в мыслях с его приездом очень многое изменилось на буровой. Дела пошли слаженней и уверенней. Его опыт, его приказы, основанные на этом опыте, повели борьбу с грифоном в новом русле. Все пошло успешнее, быстрее. А время и обстоятельства, которые отделяли Субботина от непосредственного присутствия на месте аварии, стали его ненавистными врагами.

Играя от нетерпения желваками на скулах, Михаил Никифорович лишь кивнул пилоту.

Кинув в пассажирский отсек свой чемодан, Субботин сел в кресло у иллюминатора и бережно положил на колени небольшой ящик с детонаторами...

— Подкинули вы нам работенки, — сказал пилот, проходя в кабину.

Субботин промолчал. Он даже глазом не повел в сторону летчика, только еще больше набылчился.

Вертолет поднялся и пошел низко, под тучами. Вскоре они попали в полосу снежного заряда, и машину стало трясти. Снежную круговерть они миновали быстро. Михаил Никифорович не отрываясь глядел в иллюминатор, в ту сторону, где должен был появиться горящий фонтан. И он появился, маленький и бледный, словно пламя спички. Но увидел он его километров за пятьдесят. Субботин понял, что фонтан огромен, даже крикнул с досады, хотя знал из разговора с инженером — авария на буровой нешуточная.

С каждой минутой высота и объем огня, видимого в

иллюминатор, росли: он выглядел факелом, затем горящим домом... Потом Субботин различил и грязно-пенную язву в земле, которую размыл грифон.

Михаил Никифорович отвернулся от иллюминатора. Смотреть на такое было слишком тяжело.

Машина приземлилась около балка, неподалеку от «газика» инженера. Едва остановился винт, как Субботин выпрыгнул на песок и рядом с ним очутился Непес.

— Звонили из больницы. Просили не задерживать транспорт.

— Да-да, — ответил Михаил Никифорович. Он сказал летчику, чтоб его не ждали, и обратился к инженеру. — Ну идемте, покажите, что тут «передовые» наводрили.

Непес глянул на него искоса, пожал плечами, явно давая понять, что не понимает иронии начальства.

Из-за высокого бархана слышался сильный хлюпающий рев. Он на некоторое время потонул в шуме мотора вертолета, а когда машина, чуть накренясь, боком улетела к поселку, рев и плеск грифона в тишине наступающего утра сделался особенно внушительн.

Субботин опять ничего не спросил об Алексее, хотя понимал: окажись на месте его сына другой мастер, начальник конторы непременно расспросил инженера хотя бы о настроении и чисто внешнем отношении виновника катастрофы к происшедшему. Но Михаил Никифорович точно казнил себя за то, что вынужден хоть на первых порах заниматься расследованием причин грифона, ответственность за который, — он не сомневался в этом, — падет на его сына. И дело тут было не в недоверии к знаниям Алексея, а твердая убежденность, что, точно следуя всем инструкциям, до подобного преступного безобразия в работе докатиться трудно.

Они поднялись по пологому склону на бархан.

И Михаил Никифорович увидел грифон.

Прямо из рыжей земли вздымалась грязно-пенная, слабо пульсирующая глыба. Поднималась как башня на уровень пятиэтажного дома. А над ней плясало вприсядку и корчилося, разбрасывая ржавые лохмотья, пламя. Оно было шире и подпрыгивало выше, чем водяная башня, у вершины которой возникало.

Тут Субботин заметил на бархане и Алексея. Он стоял в нескольких шагах. Михаил Никифорович стал темнее грозовой тучи. Капюшон брезентового плаща Алексея был откинут, ушанка сдвинута на затылок, и виднелись загрязненные бинты, припухшее от ожога лицо, вывернутые губы и узкие щелочки вместо глаз.

«Страшноато выглядишь, «герой»! — ни тени жалости, ни сострадания не шевельнулось в душе Субботина-старшего. Скорее, наоборот, он еще больше обозлился на сына, обманувшего его надежды. — Интересно, что ты скажешь?» — и он подошел к Алексею, бросив на ходу:

— Идем в балок.

— Здравствуй, отец. Идем.

Но Субботин был уже в нескольких шагах, сделал вид, что не слышал обращения. Михаил Никифорович шел размашисто, но Алексей не ускорил шага. Когда отец распахнул дверь, сын находился метрах в двадцати от балка. И Субботин стал чуть сбоку, ожидая его, чтоб пропустить внутрь, будто в клетку.

В тесноватом помещении с двумя оконцами пахло соляжкой и табачным перегаром. Посредине стояла жестяная печурка, а на полу валялась кочерга из стального прута. Субботин-старший отшвырнул ее ударом сапога, и она ударилась о ножки печки так, что с трубы посыпалась окалина.

— Беспорядок кругом!

В разбитое стекло налетал песок и тонким слоем покрыл пол. На припудренном пылью столе лежал ватник,

а из-под него выглядывал носик чайника. Рядом стояла кружка и темнела лужица. Видимо, недавно чаевали.

— Что ты натворил? — уставившись в проем окна, сквозь зубы угрюмо спросил Михаил Никифорович.

Алексей подвинул к себе кружку, откинул с чайника ватник и налил еще парующей заварки.

Ярость перехватила горло Субботина. Он сжал кулаки, потом быстро нагнулся, схватил валявшуюся у печки кочергу:

— Под-лец!

Кочерга взвилась, врезалась загнутым концом в потолок, застряла в доске.

Алексей оторвал взгляд от кружки с чаем, посмотрел в глаза отцу.

Михаил Никифорович увидел дрогнувшие в прищуре веки, резко изменившееся жесткое выражение изуродованного ожогами сыновнего лица. Оно стало холодным, окаменело. Отец понял: лицо Алексея, точно в зеркале, отражает его чувства. Он мышцами ощутил это. Он знал себя, знал — в сыне вспыхнула сейчас его ярость и решительность.

— У, чтоб тебя... — Субботин дернул кочергу. Сухо хрупнула доска в потолке. А он вдруг, схватив кочергу за оба конца, одним нажимом скрутил стальной прут в баранку. И отшвырнул в сторону. Кочерга ударилась о стену, отскочила к ногам Алексея.

Тот нагнулся, поднял скрученный прут, взялся за концы, плавным уверенным движением разогнул кочергу. Потом пальцами выправил неровности на ней и аккуратно поставил кочережку в угол балка.

— Довел ты меня... — Михаил Никифорович сел на табуретку, устало потер лоб. Потянулся к кружке, несколько раз жадно глотнул.

На фоне отдаленного сильного рева фонтана слышно было, как ветер толкается об угол будки. Неожиданно

данно на стене вспыхнул алый прямоугольник с перекрестьем.

— Что такое! — быстро повернулся к окну Михаил Никифорович.

— Это солнце взошло, отец.

— Вижу...

— Ночью снег, а днем будет чертова жарница.

— Ты мне зубы не заговаривай, Алексей Михалыч. Скажи лучше, что натворил? Чем оправдываться будешь? Как защищаться?

— Оправдываться не в чем, отец. Защищаться — от кого?

— Если ЧП, то виновный должен быть!

— Безусловно.

— Уже неплохо, — усмехнулся Михаил Никифорович и ударил себя в грудь. — Я буду обвинять! Салахова. Инженер. И Сашка, наверное, кое-что скажет. Только знай, я его к тебе не парочно в бригаду сунул.

— И в мыслях не держал такого, — сказал Алексей, налив себе чаю, припал к кружке распухшими губами, потом договорил: — А про себя и остальных — спасибо за информацию. Только давай, отец, считать: мне ты этого не сообщал, я этого не слышал. Комиссия своевременно ознакомит меня с их докладными.

— Да уж, конечно, я тебе не скажу, что в них, — Субботин угрожающе пошевелился на скрипучем табурете и, распаляясь, закончил: — Одно точно! Ты работал на разведочной скважине.

— Что мы знаем о земле? — негромко и задумчиво произнес Алексей. И вдруг вспыхнул: — Ни черта толком не знаем! Бурим почти вслепую. «Может быть», — говорим, «наверное, так», а «вероятно, иначе». На сотню метров глубже, на сто процентов риска.

— Демагогия! — рявкнул Субботин и словно припе-

чтал слово ладонью к столу. — К «риску», как ты ляпнул, ты и близко не подходил.

— При чем тут я? Я о себе не говорю. Не обо мне речь.

— Может, вообще ничего не делать, пока землю, видите ли, не изучим, — саркастически произнес Михаил Никифорович. — Ловко! Бурить — рискованно, летать — рискованно, ходить — рискованно, а вдруг кирпич на голову упадет. Только что ползать, да и то — опять кирпич.

— Убийственная логика! — насмешливо кинул Алексей.

— Брось выступать — не на эстраде, — досадливо поморщился Субботин.

— Ты сравни, отец, что сделано для обеспечения полетов, с тем, что в этом смысле сделано в бурении? Конечно, земля твердая, все выдержит. Но не там, на глубинах, куда...

— Ты не дошел, — вставил Субботин-старший.

— Мы знали, каково пластовое давление в этой, конкретно этой структуре?

— А ты ее вскрыл? — ухмыльнулся Михаил Никифорович.

— Может быть.

— А точнее?

— Выходит — «может быть», «вероятно», «наверное»...

— Шлам — на анализ!

— Бак с раствором в грифоне.

— Последний керн где?

— В камералке. Мы пять газовых горизонтов прошли, а на этом вот... Так почему виноват я?

— Не ты, так Салахова, инженер. Хотя к инженеру у тебя никаких претензий? Надеюсь...

— Никаких. А Салахова — что она знает? То же,

что и мы с тобой. На сажень под землей она, может, и видит, а на три с половиной километра — сомневаюсь.

— На всем регионе бурили и бурим на этом режиме, — поднявшись, сказал Субботин. — А грифон — только у тебя. Сомневаться можно во всем, даже в собственном существовании. Ни признаваться в нарушении режима бурения, ни повиниться ты не хочешь. Даже перед отцом. От работы отстраняю. Все. Хватит!

Алексей смотрел не на отца, а на лужицу чая у края стола. Потом он начал постукивать по ней пальцем. Лужица, словно амеба, выпустила псевдоподию, тонкая веточка воды доползла до края стола и струйкой стекла на пол.

— С бульдозера меня ты не снимешь.

— Черт с тобой... — проворчал от двери Субботин и добавил едко: — Только поосторожнее. Не свались в кратер. Очень трудно спасать будет.

Михаил Никифорович был недоволен самим собой. Он думал, что встреча с сыном будет иной. Он надеялся на это с того момента, как узнал об аварии. Субботин-старший просто не понимал, на какие доводы в свою пользу мог опереться Алексей, представ перед комиссией, авторитетнейшими людьми, «съевшими зубы» на бурении. Уже первый вопрос: «Заметили ли вы, товарищ мастер, газопроявление в глинистом растворе перед выбросом?» — поставит самонадеянного мальчишку в тупик. Предвестников выброса не могло не быть. Алексей, конечно, скажет: «Да».

И тут последует другой вопрос: «Какие?», потом следующий: «Почему вы поздно отдали распоряжение закрыть превентеры?» Пусть Алексей отдал это распоряжение через десятую долю секунды после того, как заметил еще ничего не говорящие признаки пены в глинистом растворе! Пена на поверхности раствора может

быть по тысяче причин. Пойди догадайся. Но между первыми признаками ее и тем моментом, когда их заметили и отреагировали на них, могло пройти порядочно времени.

Будто мастер должен глаз не спускать с вытекающего из скважины глинистого раствора, не отрываясь смотреть на отверстие бурильной колонны во время подъема труб.

И тут мастер или бурильщик не может отговориться ничем.

Широкое, как бесконечность, понятие — должен, должен! — покрывает любые доводы. Рядом с абсолют «должен» никакая мотивировка не выглядит достаточной.

Так, во всяком случае, понимается поведение мастера смены теоретически. А практически у мастера столько дел и обязанностей, что он не в состоянии постоянно наблюдать за раствором, хотя тот и перед глазами. Однако никто не знает, что под его и метровой толщей. Сложное автоматическое оборудование, которое могло бы предупредить смену о надвигающейся опасности загодя, еще не изобретено. Некоторые специалисты считают такую необходимость излишней. Случаи выбросов, по их мнению, достаточно редки, а подобные автоматы на каждой скважине обойдутся слишком дорого, — все равно, что содержать пожарное депо при каждом доме. Буровой автомат, конечно, — решение проблемы. И вообще решение почти всех проблем в бурении — вплоть до внедрения автоматических систем управления... Но дорого! Ух, как дорого... Впрочем, наверняка не дороже ТУ-134. Буровая такой стоимости? Если оснастить так подъемный кран, то дом можно будет строить из земли, что вырывают под фундамент. А почему «нет», если в принципе «да».

«К черту философию! — крикнул про себя Субботин-

старший. — Не захотел признаться — пусть отвечает тройне. Пусть все начнет с бурильщика, если комиссия не найдет в его действиях заведомого, преступного нарушения режима бурения... Нет, до этого, конечно, не дошло. Надеюсь...» — постарался успокоить себя Михаил Никифорович. Тут ему на глаза попался Саша Ахметов. Он сидел с подветренной стороны бархана как в удобном кресле с высокой и пологой спинкой. Из-под ушанки виднелись бинты, которыми были обмотаны уши, чтоб защитить слух от рева фонтана. Брезентовая спецовка его была мокра и кое-где прожжена. Саша сидел, закрыв глаза, сложив на животе руки, и спал.

«Встреча ко времени», — усмехнулся Субботин.

Он присел на песок рядом с Ахметовым. Саша открыл один глаз, довольно равнодушно посмотрел на начальство, считая, что хорошего оно ему ничего не скажет. Единственно, может мрачно пошутить, мол, невезучий ты, Саша, вроде черной кошки — свою скважину, будучи мастером, запорол, перевели к рабочим в лучшую бригаду — доверие как-никак оказали, — и тут несчастье приключилось, и именно в твою вахту.

Саша вздохнул, открыл второй глаз и посмотрел на хмурого Субботина. Когда выброс произошел на буровой Саши, Михаил Никифорович был очень зол, а теперь — растерян. Это было заметно сразу и неожиданно чрезвычайно рассердило Сашу.

— Ахметов, — позвал Субботин, не глядя на Сашу и не видя, что тот проснулся.

— Лихо вам, а? — устраиваясь около бархана поудобнее, поинтересовался Саша.

— Какое это имеет значение...

— Сочувствую, — констатировал Саша и покосился на начальство с любопытством.

— Я по делу, — сведя густые брови к переносью,

по-прежнему не поворачиваясь к Саше, сказал Субботин.

— Ну спрашивайте...

— Спрашивать не стану. Не хочу!

— Это лучше. Даже приятно, — облегченно проговорил Саша. — А то я нехорошо о вас подумал, товарищ Субботин. Вдруг бы вы спросили: «А не приметил ли я чего-нибудь такого-этакого...»

— Отправляйся в поселок. Скажешь на монтажном дворе, чтобы смонтированную вышку тащили тягачами сюда. Снова займешь должность мастера. Возьмешь бригаду... Алексея и... Вам поручается бурение наклонной скважины, чтоб задавить грифон. Подойдете как можно ближе к забою аварийной, а там закачаем ее цементом и задавим.

Михаил Никифорович понимал, что говорит много и много ненужного, не входящего в компетенцию мастера. Слежение за проходкой наклонной скважины будет вести инженер конторы, заливку цементом проведут тампонажники, но он говорил, не желая молчать. Ведь главное-то было уже сказано. То, что Ахметову поручалось наблюдение за перевозкой буровой, означало, что Субботин-старший напрочь отстраняет Субботина-младшего от какой бы то ни было работы на буровой, даже в качестве рабочего, считает его кругом виноватым в аварии.

— На гвозди бросаете?

— Доверие оказываю.

— По принципу — за битого двух небитых дают...

— Берешься... или нет?

— Чепчик в воздух бросать не стану. Взяться возьмусь.

— А теперь... скажи мне...

— Приказа я не видел, товарищ Субботин, — прищурив глаз, сказал Ахметов. — Вдруг передумаете?

— Я тебе не взятку за показания в пользу Алексея даю.

— Грубоваты вы, Михаил Никифорович. Чего вы на сына взъелись? Ну вот я виноват был. Виноват — точно. Отнекивался — было. Не соломку стелил, время тянул. Но Алексей — ни при чем тут. Мы не влюблены друг в друга, вы знаете. Было бы где комару нос просунуть, я бы не стал молчать. Мухамед не смолчал бы. И дядька Остап тоже.

— Отвечать Алексей Субботин будет. Обязан отвечать. Я не про то... — пробормотал Михаил Никифорович, будучи уверен — Саша здесь прав. Но не признаваться же ему, что с такими вопросами не подойдешь к Есену, секретарю комсомольской организации бригады. И не в том дело, что не подойдешь с «такими вопросами», у него нельзя так спросить. Спрашивать Есена надо иначе.

— Про это, Михаил Никифорович, — вздохнул Саша. — Иначе не за что. За что? За геологию?

— Чтоб в другой раз не проморгал.

— Не надо приказа о моем назначении. Это я так...

— Я знаю, что делаю! Некого мне больше поставить! Не-ко-го! — Субботин поднялся. — Не хочу снимать мастеров с других буровых. И ведь было же что-то?

— Отвечать на ваш вопрос я не стану. Мастером пойду. И уж на этот раз не проморгаю, Михаил Никифорович. А то, что вы про Алексея так думаете, товарищ Субботин, это на вашей совести.

— Все на моей совести. На твою не положусь, — зло пробурчал, отходя, Михаил Никифорович, досадуя на себя. Все, что он ни делал, получалось из рук вон. Если бы не Алешка! Если бы во всем этом не был замешан Алешка. А может быть, он преувеличивает, будто люди прежде всего смотрят на него, начальника кон-

торы бурения М. Н. Субботина, как на отца старшего мастера Субботина А. М.? Но эта мысль лишь мелькнула и пропала. А отойдя от Саши на несколько шагов, Михаил Никифорович обернулся:

— Ахметов! Отправляйся в поселок. Своему секретарю я позвоню. Она даст приказ. И чтоб сегодня начали тащить сюда вышку.

— А на чем я поеду?

— Возьми санитарную машину. За полчаса обернешься.

— Прикажите сами.

— Ч-черт...

Субботин шагал широко, а Саша двигался позади, не спеша, закинув за плечо брезентовый плащ и тихонько насвистывая мелодию танца «Қаза-нова».

ГЮЛЬНАРА

Гюльнара устала слушать то, что говорил Караш. Тонколицый и стройный красавец, словно принц, сошедший с древней туркменской миниатюры, Караш был влюблен в пустыню и гидрогеологию. Впрочем, не по удаче, а по таланту Караш везде, где брался, находил воду, твердо веря в народную мудрость: песок есть — вода есть. Что до принца, то комсомолец Караш Иомудский действительно был принцем — прямым потомком ханов племени иомудов, обитавших в Прикаспии с незапамятных времен. Дед его после присоединения Туркмении к России воспитывался при дворе русских императоров — Александре III и последнем — Николае. Умер он уже при Советской власти, твердо уверовав в нее, в счастье своего народа. Отец Караша — Караш Иомудский, коммунист и прекрасный гидрогеолог, совместно с другими открыл на земле своих предков, земле, считавшейся безводной на памяти многих поколений, огромные запасы пресной воды — подземные линзы. Теперь из пустыни, зыбучих песков Джебела и Ясхана, питьевая и техническая вода поступает в города и поселки нефтяников.

Конечно, Караш не рассказывал Гюльнаре обо всем этом. Она знала историю Караша и без него. Просто Караш не уставал никогда говорить, что пустыни лишь по недоразумению считают безводными. Пустыни — скупые рыцари. У них плюшкинский характер. Караш посчитал себя счастливым, когда Гюльнара пришла и сказала, что на ее участке случился выброс и пожар и нужно много, очень много воды. Караш поцолкал языком, выразив таким образом необходимое количество сожаления по поводу аварии. И тут же созвал штаб своей гидрологической партии. Он нравился себе и в роли командира, и тем более благодетеля. И выглядел в ней весьма благородно, даже импозантно, впрочем, не в ущерб делу. Парни из экспедиции ему не завидовали, а твердо считали Караша лучшим парнем и начальником во всех отношениях среди всех прочих.

С приходом Гюльнары в общежитие гидрогеологов с Карашем случилось нечто необъяснимое для его друзей. Он не отпускал Гюльнару ни на шаг, заставлял ее вникать во все мелочи задуманного и осуществляемого плана: вызвать с «поля» четыре машины с буровыми установками и поставить их неподалеку от такыра, на закрепленных песках, километрах в трех от горящего фонтана. Гюльнара знала этот такыр, похожий на огромную серую площадь, выложенную брусчаткой.

Хотя стояла весна, но влаги уже оставалось мало. Глинистая почва подсохла, и корка растрескалась на почти равные квадраты и многоугольники. А там, где замерли волны закрепленных барханов, поросших ярким зеленым илаком и серебристой акацией, такыр нырял под пески, подстилал их, образуя гигантскую чашу. В ней, по утверждению Караша, и скопилась ушедшая под песок вода. Не один год — столетия просачивалась

она в подземную кладовую. Отслаивалась и уходила на дно тяжелая соленая вода, а сверху оставалась прекрасно отфильтрованная, чудесная, несравненная по вкусу вода. Караш, умевший говорить красиво, превосходил самого себя. Сначала, казалось, он стремился обворожить Гюльнару, «прекрасную и хрупкую, как тюльпан», улыбался, когда она «вскидывала пушистые ресницы, под которыми таилась звездная ночь», как сказал бы Мухамед.

Вскоре, однако, парни поняли другое. Караш по-дружески пытается отвлечь Гюльнару от очень мрачных размышлений. Ведь никто не мог поручиться, что в катастрофе, постигшей скважину, неповинен и участковый геолог — Гюльнара Салахова. А это очень тяжелое обвинение.

— Я уверен, мы обязательно найдем воду. Не надо думать, будто Каракумы — исключение, — Караш постукивал карандашом по карте. — Совсем нет! В Сахаре тоже есть подземные пресноводные линзы. Там тоже добывают воду.

— Конечно... Конечно... — кивала Гюльнара, и ей очень хотелось напомнить Карашу, что и она в институте проходила курс гидрогеологии, но не решалась, и, когда Караш на минутку замолчал, она поблагодарила его, попрощалась и попросила: — Когда пойдут машины, захватите меня, пожалуйста...

— Непременно, — тихо сказал Караш. — Обязательно!

Она закрыла за собой дверь, и в комнате, где толпилось у стола семеро парней, стало тихо-тихо. Не слышала она голосов и когда проходила мимо окон домика. И ей стало неловко, будто она подслушала это молчаливое сострадание. Парни из партии Караша — геологи, и им не нужно было объяснять, что ожидало Салахову в случае, если расследование причин аварии

и катастрофы заставит комиссию прийти к выводу, что виновна именно она.

На своей половине домика, ставни которого были закрыты от солнца, Гюльнара забралась в угол тахты, сжалась в комок, надеясь, что, если она займет как можно меньше места, то станет меньшим и ее горе. И в душе ее не гасла искра надежды: не она виновата в происшедшем.

А на это намекали, как ей казалось, недвусмысленно. Она слышала сказанное дядькой Остапом в приемной поселковой больницы. И потом, когда Алексей, не дожидаясь Мухамеда, ушел в автопарк, она невольно подалась за ним, но дядька Остап опередил ее. С проворством, неожиданным при его комплекции, он юркнул в дверь, а чтобы не оставить у нее никакой надежды нагнать мастера, обернулся в дверях, загордив собой выход, и принялся лопотать:

— Ах чего же я, старый пень, поперек вас забежал! Вы уж не сердитесь. Так уж неловко получилось! Ах ты, господи боже мой, совсем старый, от горя с ума спятил. Как это у меня получилось, ума не приложу! Вы уж не сердитесь.

Но в дверь впереди себя он Гюльнару не пропустил и еще с полминуты квохтал, а затем припустил вдогонку за мастером, смешно размахивая руками, чтоб не оступиться.

Если бы Алексей захотел поговорить с ней, тогда он задержался бы. Но он не стал задерживаться. Что делаешь. Она по телефону сказала то, что думала: «Что ты натворил, Субботин!» И горькие слова на коротеньком совещании: «Как все одно к одному — выброс, фонтан, пожар... И сгорел буровой журнал. Одно к одному...»

Сказать, она доверяла Алексею, — ничего не сказать. Она верила в него, верила — никогда ничего на

буровой Алексея не может случиться. И как не верить, если, и не закрывая глаз, видела перед собой его взгляд; ладони помнили теплоту его плеч, и вся она помнила его всего, и не старалась, и не хотела забыть.

«Но кто-то должен быть виноват!» — твердо знала она. И сознание этого бескомпромиссного вывода, усвоенного на школьной парте и институтской скамье, не давало ей ни отдыха, ни срока.

Гюльнара улыбнулась горько, вспомнив еще раз старательность, с которой дядька Остап охранял Алексея от нее, и боялся оставить их вдвоем, догадываясь, наверное, что и без слов, и без взглядов, просто идучи рядом, Алексей может ненароком то ли пожалеть, то ли спасти ее; не то пожертвовать собой ради нее, не то решиться налгать на себя. И на всех. Предать товарищей. От его единственного слова «виноват» падает тень на остальных — «не обративших вовремя внимания», «просмотревших», «не принявших мер» и что еще пишется в таких случаях в официальных документах.

Может быть, в своих опасениях дядька Остап прав...

«Но меня-то, меня-то тоже, может быть, нужно спасти!» — чуть не крикнула Гюльнара.

В окно осторожно постучали.

Она вздрогнула, будто ее застали в чужом доме, мелькнула мысль: «Неужели Алексей?!»

Огляделась. Наискось, в углу комнаты, горел торшер. Посредине — стол, покрытый скатертью, на нем голубая ваза с ветками сирени. Отцветшие кисти пожавели, а листья стали крупнее и зеленей.

«Неужели Алеша?! Он считает себя настолько виноватым, что готовится к самому худшему... Он пришел, чтобы рассказать мне все, как было...»

Задребезжало от стука стекло. Дробно, во всей раме, вразнобой, противно.

Вскочив с тахты, Гюльнара подбежала к двери. Уперлась в нее руками, но не открыла. Прижалась виском к острому косяку.

«Что бы ни случилось, я с тобой, Алешенька!» — и Гюльнара распахнула дверь.

У крыльца стоял Караш. Уже рассветало.

— Едем, Гюльнара.

— А... где машины?

— Они идут из пустыни. Прямо на ориентир, — Караш кивнул в сторону горящего фонтана. — Снег почти перестал. Пламя далеко видно.

Гюльнара промолчала.

— Я тут другое узнал, — продолжал Караш. — К вам прилетает Глухарь. На скважине — грифон. Уже вода появилась. Значит, все в порядке. С водой.

— Грифон... — с тихим ужасом произнесла Гюльнара.

Она выскользнула из дома, тихо прикрыла дверь и двинулась, глядя перед собой, к машине, словно Караш ее конвоировал. Ей совсем не хотелось видеть грифон.

Они сели в открытый «газик» и быстро поехали по улице поселка. Машина шла легко, не буксуя на песчаных переметах. Песок был влажен от растаявшего снега, и колеса не поднимали пыль.

— Как некстати все случившееся, — сказала Гюльнара. — Тебя и твоих ребят оторвали от дела. Да и вообще...

Она почувствовала, что Караш покосился в ее сторону, но ответил не сразу:

— Не слышал, чтоб ЧП случалось когда-либо кстати.

— Не придирайся к словам, Караш.

— Алты очень плох.

— Надо заехать в больницу.

— Я уже был там. Заскочил по дороге к тебе.

— Это пять минут, — попросила Гюльнара.

Караш кивнул.

Откинувшись на спинку сиденья, Гюльнара глубоко вздохнула и огляделась. На небе над поселком распахнулась в высоких облаках темно-голубая промоина. А окрест горизонт заслоняли серые тучи. За ними скрывалось недавно взошедшее солнце.

«И надо же такому случиться, — тоскливо подумала Гюльнара и посмотрела на свои руки, бессильно лежавшие на коленях. — Надо же такому случиться... — и словно кто подтолкнул ее мысли. — Если бы это была обычная бригада, не бригада Субботина, возможно, дело об аварии не приобрело бы такого... ажиотажа. Ну, не шумели бы по этому поводу так... А тут Субботин — тот самый Субботин, и она еще... Ведь все в поселке знали об их отношениях с Алексеем. И еще в бригаде этот Саша Ахметов, с его репутацией аварийщика».

— Приехали, — сказал Караш, мягко тормозя около поселковой больницы.

— Я сейчас.

Караш не ответил и пошел следом за ней. В приемной сестра с заспанными глазами не вдруг сообразила, что им нужно, а потом быстро убежала внутрь. Устроившись в углу дивана, Караш высоко заложил ногу за ногу и, держась рукой за щиколотку, то ли бубнил, то ли напевал что-то себе под нос. Сестра не возвращалась долго. Потом вошла неторопливо, умытая, причесанная, в аккуратно повязанной косынке.

— Больной спит, — сказала сестра, обращаясь к Гюльнаре.

— Это хорошо?

— Его накачали морфием, — проговорила сестра. — Поневоле уснешь.

— Он будет жить?

Медсестра посмотрела Гюльнаре прямо в глаза:

— Если организм справится с интоксикацией, если выдержит сердце, если заживление пойдет без особых осложнений...

— Сколько еще «если»? — Гюльнара сунула руки в карманы джинсов.

— Сколько возникнет... — бросила сестра и, усевшись за стол, раскрыла какой-то журнал и что-то стала писать.

— Можно поговорить с врачом? — спросила Гюльнара.

— Нет.

— Почему?

— Он спит.

— Послушайте! — взорвалась Гюльнара.

— Если бы он понадобился больному, его бы разбудили, — не поднимая головы, спокойно сказала сестра.

Резко повернувшись, Гюльнара вышла из приемного покоя. Она дрожала от возбуждения.

— Какая дрянь... — прошептала Гюльнара, когда Караш усаживался рядом.

— Почему? — пожал плечами Караш.

Она резко повернулась к нему.

— Почему?!

— Угу, — кивнул Караш и тронул машину.

— Бездушные, грубые люди! Спать на дежурстве!

— Бездушные к нам.

— Конечно.

— А мы не бездушны, не грубы?! А? — Тонкая улыбка тронула губы Караша.

— Чем?

— Лезем, пристаем к ним в ночь, за полночь, спозаранку...

— Мы волнуемся, переживаем, а они...

— Они работают, лечат.

— Спят. Просто спят на дежурстве.

— Я предпочел бы, чтобы мой врач подошел ко мне со сна, чем с дурной головой от бессонницы. И спят наверняка не все. Те, кому не нужно спать, не спят. Да и мы не беспрерывно волнуемся за близких и знакомых. И ты, Гюльнара, рассердилась на сестру и врача не из-за Алты.

— Ну знаешь...

— Ведь ты не звонила в больницу ночью...

— Это несправедливо! — воскликнула Гюльнара, но в голосе своем, в том, как она произнесла это «несправедливо», Гюльнара не ощутила уверенности. Восклицание прозвучало скорее просьбой о пощаде за ее слишком требовательное отношение к другим и поблажки себе.

— Давай бросим, Салахова, этот разговор, — сказал Караш.

— Уже «Салахова»...

— Да, «Салахова». Когда я говорю «Гюльнара», у меня не хватает духу выложить все, что я думаю о геологе Салаховой.

— Так было всегда или только теперь? — не сдержалась, чтобы не кольнуть, Гюльнара.

— Раньше я не задумывался об этом, — просто, словно не уловив подоплеку вопроса, ответил Караш.

— Почему?

— Не было причин.

С неба послышался глухой, но по мере нарастания становившийся все звонче стрекот. В стороне пролетел вертолет и приземлился около больницы.

— Наконец-то... — проговорил Караш.

— Ты никогда не видел грифонов?

— Нет, Гюльнара, не видел.

— Я тоже. — Ей захотелось признаться, что она очень боится, но она заставила себя замолчать. Однако не утерпела: — Очень я боюсь...

— Когда ты так говоришь, Гюльнара, тебя можно называть по имени.

— А когда нельзя?

— Когда ты говоришь и думаешь, забаррикадившись инструкциями, предписаниями. Они не страховой полис на все несчастные случаи.

— Инструкции написаны для того, чтобы их выполняли.

— Совершенно верно, Салахова. Но каждая инструкция выработана уже после случая. На случай повторения случая. Однако нельзя даже предположить, что все возможные случайности перечислены и предусмотрены инструкциями.

— Но кто-то же должен отвечать за аварию! Разве не так?

— Так, — улыбнулся Караш. — Так-то так, но все же однако же...

— Всякая авария происходит потому, что совершено грубое нарушение правил, — обернувшись к Иомудскому и стуча кулачком по коленке, настаивала Гюльнара.

— Ты, Салахова, со своей стороны, можешь утверждать, что нарушения не было.

— Твердо, товарищ Иомудский.

— Завидная уверенность... Ты даже можешь утверждать, что знаешь, каково давление в данном пласте на глубине четырех тысяч метров.

— Ничего не случается вдруг, — вспыхнула Гюльнара. — Всегда есть предвестники опасности.

— Когда люди знают: наблюдаемые явления — предвестники. Хотя... хотя попробуй определи, что чему предшествует... гром молнии или молния грому.

— Ну, знаешь, Караш! — рассмеялась Гюльнара.

— Очевидное и истинное — вещи разные. Ты слышишь треск разрываемой материи. Треск — следует, сопутствует или предшествует разрыву? И что ощущают змеи, собаки, кошки, птицы, наконец, когда в земной коре возникают напряжения, предшествующие разрыву, смещению пластов в коре — землетрясениям.

Произнеся это, Караш замолчал. Некоторое время они ехали не разговаривая. Неожиданно Гюльнара с горечью спросила:

— Судя по тону, мне остается спросить: женщина — участковый геолог — следует, сопутствует или предшествует аварии на буровой?

От неожиданности Караш снял ноги с педали сцепления и акселератора и резко повернулся к Салаховой.

Машина остановилась. Мотор заглох.

— В старину говорили: язык из-под яшмака больно жжет... — проговорил наконец Караш и хотел было завести мотор, оставив без ответа нелепый выпад Гюльнары. Но тут он заметил впереди санитарную машину, мчавшуюся им навстречу. — Опять что-то случилось на буровой. Идет «скорая помощь».

Гюльнара поднялась и вцепилась рукой в верх смотрового стекла.

— Ничего там не случилось, — неожиданно сказала она. — Прилетел Субботин-старший. Ему что-то понадобилось в поселке, вот он и погнал «скорую».

— Оттуда недавно ушел вертолет.

— Значит, решение послать кого-то зачем-то в поселок пришло на пять минут позже. После того как улетел вертолет. Как будто ты не знаешь Михаила Никифоровича. У него «хочу» и «могу» — синонимы. Завидный характерец.

— Однако ты не очень жалуешь Субботина-старшего.

— Ничего ты не понимаешь, Караш. Ни-че-го. Как есть... Мне до чертиков тошно. Выть хочется. И я сейчас всего и кругом боюсь. Боюсь за Алексея, за себя... — и Гюльнара махнула рукой. — А!

— Почему ты думаешь, что на буровой ничего уже не может случиться?

— Нет буровой. И машина ползет еле-еле.

Караш пригляделся и не мог не согласиться с Гюльнаррой. Поравнявшись с ними, «скорая» остановилась, и из кабины вышел шофер.

— Что у вас стряслось?

Из санитарной машины вылез Саша. Он, прищурившись, оглядел Гюльнару, Караша, потом сказал:

— Ваши ребята, Караш, уже подъехали. И ждут.

— Очень большой грифон? — неожиданно для себя спросила Гюльнара. Ей совсем не хотелось спрашивать об этом у Саши. Но, спросив, Гюльнара тут же выругала себя втихомолку.

А Саша глядел на нее, посмеиваясь. Он видел по глазам Гюльнара, как та боялась грифона. И еще он считал: Гюльнара боится грифона, потому что грифон поглотил буровую Алексея Субботина. Поэтому в ответ на вопрос Гюльнара, большой ли грифон, Саша сказал:

— Вы, Гюльнара Курбановна, видели петродворецкие фонтаны? Тогда и фонтан «Самсон» видели. — Саша улыбнулся шире, потому что Салахова лишь кивала на каждый его вопрос и смотрела на него, словно Ахметов вещал откровение. — Так вот грифон бьет в десять раз выше фонтана «Самсон», и струя его в десять раз шире чаши фонтана. А сверху над столбом воды пляшет пламя, которое выше Петровского дворца. Вот и все.

— Зачем ты так? — с укоризной сказал Караш.

— Чтобы Гюльнара Курбановна не испугалась гри-

фона, когда его увидит, — сказал Саша и пошел к машине. Открыв дверцу, он добавил: — Лучше всего начать смотреть на грифон издали. Вон с того бархана. Оттуда он кажется игрушечным.

Ахметов хлопнул дверцей, и машины разъехались. Голубая прогалина на небе распускалась все шире и шире, становилось теплее, начало парить, и воздух над барханами задрожал, заструился, а отдаленные верхушки зеркально засияли; песок сделался сухим. Из облаков, тянувшихся по горизонту, выкатилось солнце и стало печь, а глазам было уже больно смотреть на искристый желто-красный песок.

Взбираясь на склон, колеса «газика» судорожно дергались в осыпи.

И вся эта перемена произошла в несколько минут, пока Караш и Гюльнара добирались до высокого бархана, на который им кивнул Саша. Они остановились на вершине не потому, что так предложил Ахметов. Просто колеса забуксовали в сыпучем песке. С бархана Гюльнара увидела грифон: темный овал кратера, из которого поднимался белесый столб воды, увенчанный пламенем, рыжим, гудящим. Действительно, издали грифон казался игрушечным. Сколько ни пыталась Гюльнара убедить себя, что перед ней страшное зрелище, она не могла.

В этом Ахметов оказался прав.

И еще Гюльнара вспомнила Ленинград. Зимняя мягкая погожая ночь, когда только что прошел крупный снег, но небо чисто и воздух необычно чист, без волокна тумана. Вот в такую ночь на одном из бесчисленных мостов Гюльнара и увидела скульптуру грифона: крылатого льва. Твердо упершиеся передние лапы сидящего льва чуть откинули его корпус назад, на спине и крыльях — снежная попона, а над мордой с оскаленной пастью — круглый молочный фонарь.

Загляденье!

Даже, когда они подъехали совсем близко и Гюльнара вышла из машины и почувствовала, как под ногами трепещет земля, а водяной столб, подпирающий пламя, ревет, плещется и сипит, и шелестят языки огня, и от них отрываются, и летят в голубое небо, и исчезают огромные лохмотья, и тогда Салахова не ощутила в сердце почти суеверного страха, жившего в ней до того мгновения, в которое она увидела предсказанное Сашей «игрушечное» зрелище.

Она удивилась этому неожиданному впечатлению. И усмешку Саши при встрече с ней она истолковала по-своему: он усмехался, потому что знал о просчете Алексея. Не мог не знать — он как буровой мастер был гораздо опытнее Субботина-младшего, хотя Ахметов нигде не учился и занял должность мастера в то время, когда ими становились по опыту, а не по образованию. В самой глубине души Салаховой совсем не хотелось думать, что Алексей все-таки виноват, но ничего другого ей не приходило в голову. Ведь все равно комиссия, назначенная из объединения, должна будет найти виновного.

Нет человека, беспощаднее того, кто считает себя правым во что бы то ни стало.

И, подойдя к начальнику конторы, Гюльнара спросила, как о чем-то обычном, predetermined:

— Алексей сказал, в чем его ошибка?

Субботин повернулся к ней всем корпусом, но она стояла к нему вполоборота и смотрела, чуть вздернув бровь, на грифон. Она долго ждала, пока он ответит. Михаил Никифорович разглядывал ее, словно впервые увидел, — тонкую, стройную, в зеленом пробковом шлеме, пестро-клетчатой ковбойке с расстегнутым воротом, будто выгоревших джинсах и грубых ботинках на толстой подошве — девочку-геолога...

— Пусть разбирается комиссия, — сказал Михаил Никифорович и солидно крикнул.

— Неужели он не понимает, что это хуже для всех? — в сердцах сказала Гюльнара. И тут же пожалела о сказанном.

— Для меня, для вас — да. А для них — еще неизвестно. Потом, они могут оказаться правы.

— Сомневаюсь, Михаил Никифорович, — Гюльнара покачала головой. — Все так же, как и на буровой Ахметова. Но у того хоть вахтенный журнал был цел.

— Почему вы так торопитесь, товарищ Салахова? — очень официально спросил Субботин. — Вы хотите унижить его, чтоб потом с большим правом пожалеть. Стоит ли?

— Нет. Я хочу избавить его от унижения. Комиссия...

— Комиссия... комиссия! Ты сама что думаешь?

— Была ошибка.

Субботин достал измятую пачку «Беломора», долго копался в ней, потом нашел-таки целую папиросу, закурил.

— Пожалуй, я не встречал еще человека, который принял бы аварию... свое несчастье, если хотите... так по-деловому. Смешно «по-деловому»... Ну без хныканья, без неосознанных, что ли, просьб о жалости к себе, к своему положению, в котором он оказался. Ответственность — другое дело...

— Выходит, мы не верим ему оба.

— За него все ребята и Саша тоже.

— И Саша?!

— Да.

— Странно... Мне показалось...

— «Показалось», — хмыкнул Михаил Никифорович. — Чужую беду рукой разведу, а к своей ума не приложу. Ладно я. С начальства тут спрос особый...

Но вы-то как же такое о нем подумали? А? Или все-таки что-то знаете? Так говорите! Обвиняйте! Не спрашивайте с сомнением...

— Просто иначе не бывает. Где-то он допустил ошибку. Проявил неосмотрительность, неосторожность. Надо поговорить с ним очень серьезно.

— Не надо! — приказал начальник конторы.

Но Гюльнара уже не слушала его. Она шла в сторону такыра, где бульдозеры выцарапывали в глине копани для воды. Там на одном из бульдозеров работал Алексей. Строптивости, с которой Гюльнара отправилась к Алексею, несмотря на запрет Субботина-старшего, едва хватило на треть пути.

Спустившись в межхребетье барханов, Гюльнара замедлила шаг, вздохнула и почувствовала, что никакого разговора, а тем более откровенного, у нее с Алексеем не получится. Однако она продолжала идти, но уже куда-то в сторону, опустив голову, заставляя себя делать каждый шаг.

«Какая глупость, что я иду... И зачем иду — глупость. И куда иду — глупость, — думала Гюльнара, и с каждым шагом на душе ее становилось тяжелее. — Все глупость... И грифон — глупость...»

* * *

Алексей увидел Гюльнару, когда «газик» начальника гидрологической партии остановился около Субботина-старшего. Тот сидел на барханчике, в полукилометре от такыра. Крохотная издали фигура его казалась затерянной и никчемной здесь.

«Если бы не прилет Глухаря, нечего бы тебе тут было делать, — подумал Алексей. — И жаль, что ты не веришь мне. И Гюльнара не верит. Вам трудно по-

верить в то, что произошло. И произошло не по моей вине, не по вине смены... Но это трудно, если вообще возможно, доказать...»

Потом Алексей развернул бульдозер и, опустив нож машины, начал подрезать новый пласт глины на та-кыре, постепенно углубляя ложе водоема. Конечно, копать водоем бульдозерами не самый лучший способ, но ждать экскаваторы нельзя, как нельзя было ждать приезда пожарных, чтоб растащить буровое оборудование от фонтана, хотя попытка и не удалась, совсем не удалась из-за грифона.

Но кто мог предположить, что будет грифон? Даже в наше время моряки не всегда вовремя узнают, что где-то в центральной части Тихого или Атлантического океана зародился мощный циклон — тайфун, торнадо, — и через два часа судно неожиданно окажется в его власти.

Так же никто не был вправе утверждать, что при подъеме бурильной колонны газ из горизонта, в который они вошли, превратит скважину в сатуратор с газованным глинистым раствором...

Бульдозер выехал из карьера, и Алексей увидел Гюльнару, разговаривавшую с начальником конторы. Михаил Никифорович, стоявший рядом с ней, выглядел огромным, неповоротливым. А «газик» Караша, пыля, мчался к буровым установкам, которые уже начали бурить на воду. Они чем-то напоминали обычные в городе передвижные установки по ремонту электросети. Только на тех позади находилась телескопическая подъемная мачта, а у этих буровое оборудование. Им предстояло пройти совсем немного, метров сорок, и начинать откачку. Может быть, через день-два они смогут наполнить копани семью тысячами кубометров воды. Так сказал Глухарь. А он дело знает.

Алексей заставлял себя размышлять, размышлять

о чем угодно, только не о саднящей боли распухшего от ожога лица. Когда вышло из-за туч солнце, стало совсем жарко и пот скапливался под повязкой, окутавшей голову, как шлем. Соленый пот разъедал воспаленную ожогом кожу, и зуд становился почти нестерпимым. И если бы в это время кто-либо сказал Алексею что-то поперек, не так, как он хотел и думал, или просто бы неслышно подошел и дружески хлопнул его по плечу, Алексей, наверно, избил бы того человека, так взнуданы были нервы.

С минуты на минуту саднящая боль усиливалась. Вертя головой и так и сяк, стараясь найти такое положение для нее, при котором раздражающий зуд оказался бы хоть чуточку терпимее, хоть на мгновение затих, Алексей глянул через плечо и увидел Гюльнару, идущую в сторону карьера. Он заставил себя подумать, что она подойдет и скажет ему какие-то необыкновенные слова, ласковые и прекрасные, и боль пусть не отпустит, но хотя бы отступит. Ведь он знал о ней то, о чем никто и не догадывался... Шторм в семь баллов. А она кинулась в море. На волны было жутковато смотреть.

Они стояли на молу, и Гюльнара крикнула ему:

— Иди на набережную.

Заплыла она далеко-далеко, а спасатели отказались выйти за ней на катере. Когда она вернулась, подплыла к берегу, то долго поджидала большую волну, которая не стала бы гнуть гребень на галечнике. И дождалась, спокойная, сосредоточенная в бушующем море. Потом она пронеслась темной точкой в яркой пене почти до самой каменной стены набережной, и тут Гюльнара тотчас стала на ноги, засмеялась... Ее уже поджидала милиция и хотела оштрафовать, но Гюльнара была такая веселая, красивая и смелая, что сердце лейтенанта милиции дрогнуло. А может быть, он

ушел потому, что, нарушая принцип поведения блюстителей порядка, похлопал ее по обнаженному плечу, смутился своей смелости и ушел, немало удивив столпившихся зевак.

В тот день она была очень счастлива, и он тоже был очень счастлив.

Как она умела говорить ему о своей любви! Если пересказать слова... Они ничего не значат. Совсем ничего не значат. Ну просто обычные слова, потому что смысл был не в словах, а в голосе, в том, как она умела их выговаривать. И еще в ее глазах, губах, в выражении лица, руках. Она словно слеpla, и пальцы ее, тонкие, нежные, трогали его щеки, лоб, глаза, волосы... Ее шепот, внятный и тихий, заглушал даже биение собственного сердца. Воспоминание о ней было так сильно, так живо, что заворожило боль. Но вдруг боль с маху шарахнула из-за угла: Гюльнара шла прочь.

Бульдозер выполз из карьера, взобрался на отвал, чтоб скинуть пласт земли. И Алексей увидел: метрах в пятидесяти Гюльнара поднимается по крутому боку бархана. Два-три шага ей остается, чтоб ступить на гребень. А на гребне поднимает голову, раздувая зашейные мешки, кобра.

— Стой! Сто-ой! — завопил Алексей.

Он выпрыгнул из кабины в тот момент, когда змея метнулась навстречу Гюльнаре. Он видел: Гюльнара вскинула руки и, запрокидываясь, упала навзничь, скрылась из глаз, свалившись за гребень бархана.

Змея соскользнула туда же.

Крича, размахивая руками, Алексей бросился к бархану.

Гюльнара лежала под гребнем. Без движения, без признаков жизни. Тут Алексей посмотрел в ту сторону, куда отползала змея, и увидел ее.

Она текла, черная, с разводами, поблескивающая на искристом желтом песке, текла, переливаясь, быстро и без напряжения. Змея не убегала, просто уходила. И еще не совсем опал ее зашейный раздутый мешок.

Тогда Алексей побежал наперерез змее. Сначала медленно, потом все быстрее, быстрее, точно на дорожке для прыжков в длину. До кобры оставалось уже метра четыре. Она скрылась, скользнув с крутого откоса бархана в ложбину. И когда Алексей подскочил к гребню, глянул вниз и там была гадина, убившая Гюльнару, он прыгнул.

Алексей сам толком не знал, на что рассчитывал: змей никогда не ловил и питал к ним слепое омерзение теплокровного существа. Он не рассчитывал даже на свою ловкость, только на удачу.

И Алексей не промахнулся. Он видел: шея змеи, сразу за треугольником черепа, оказалась меж большим и указательными пальцами его правой руки. Тотчас пальцы сжались в хватке, от которой сплющилась бы дюймовая водопроводная труба. Но холодное и, казалось, противоестественно сухое и в то же время ослизлое тело змеи, напряженное и тяжелое, сопротивлялось.

Почти полутораметровый гибкий хлыст змеиного туловища, словно плетью, стеганул Алексея по спине, потом вслепую нашарил его шею и обвился, захлестнул ее. На секунду свет померк перед взором Алексея. Тогда он до судорог в пальцах сжал загривок кобры. Маслянистый канат на его шее ослаб.

Потом из черепа змеи выскочили удивительно большие шарики глаз. Белые, с черными пропастями зрачков. А тело кобры еще жило. Оно вихлялось, билось о песок, по нему волнами пробегала конвульсивная дрожь. Оно вздымалось и опадало, и мелко трепетал кончик хвоста.

Некоторое время Алексей не мог заставить себя разжать окостеневшие пальцы. Поднявшись с песка, он почувствовал в руке необыкновенную тяжесть и, точно лишь сейчас разглядев задушенную змею, отбросил ее, но тут же почти инстинктивно размозил каблуком и вдавил в песок изуродованную голову кобры.

И он почувствовал, что колени его дрожали, подгибались. На ладони, в коже пальцев еще сохранилось ощущение холодного, маслянистого, упругого и трепещущего тела змеи. А в груди, там, где затаенно билось сердце, разлилась неприятная прохладная пустота.

Мыслей не было.

Он опустился в песок, оперся на руку. Но она не удержала тяжести тела, подогнулась. Алексей плечом ткнулся в крутой бок бархана. Было пусто и тяжело, душно и не доставало силы вздохнуть, как бывает в кошмарных снах.

И свет дня, и почти прозрачный, наполненный солнцем стебель эремуруса, и кисть его бело-розовых цветов — пестрое пятно на фоне рыжего песка, — воспринималось будто издалека, словно из темноты зрительного зала, отстраненно и немо.

Он почувствовал близкий бег по песку и рядом с ним, скатившись с бархана, плюхнулся Есен.

— Алеша...

Перед взором Субботина предстало широкоскулое, с тонкими чертами лицо Есена, распахнутые глаза со зрачками во всю радужку. Есен разводил руками, пожимал плечами, а слов не находил.

— Алеша! — повторил он снова.

Хотел Алексей что-то сказать, но в глотке пересохло, и язык будто распух.

— Тебе... ничего... — наконец спросил Есен.

Мастер помотал головой.

— Может, тебя в больницу? А?

Лицо Алексея стало напряженным, сошлись брови у переносья. Как бы воочию опять предстала перед ним лежащая без движения маленькая женщина, ее бледное, сразу осунувшееся лицо, совсем не похожее на лицо Гюльнары, какой он ее привык видеть.

— Опа...

— Ее повезли в больницу.

— Жива...

— Сестра сказала — надо.

Алексей попытался сглотнуть слюну, но ее не было, и он хрипло выдавил:

— Когда... увезли...

— Вот они уже где, — Есен махнул рукой в сторону поселка, дороги, которую нельзя было увидеть за барханами. — Я тебя едва нашел. Никто не понял, куда ты побежал. Я догадался: рядом со следом змеи твои следы.

— Если ее увезли в больницу, она жива... — то ли спросил, то ли попытался убедить себя Алексей.

— Сестра сказала «да».

— Жива, — повторил Алексей. — Жива.

Он хотел вытереть шею, чтоб сбросить с нее все еще существовавшее на коже ощущение жесткой хватки змеиного тела. Двинул было правой рукой, но его передернуло. Он поглядел на свою руку, точно на чужую; осмотрел ее, большую, короткопалую, сильную, чуть вздрагивающую, и увидел капли запекшейся крови, выжатой из-под ногтей.

— Как же ты кобру... — тихо спросил Есен.

— Рукой. Вот этой, — и Алексей показал Есену руку, словно она являлась только орудием, и все еще глядя на нее, будто на чужую.

— Она не нападала?

— Она съехала с крутого бархана. Я прыгнул сверху. Удачно. Просто удачно прыгнул. У кобры еще

не опал зашейный мешок. Ну, схватил удачно. Очень удачно схватил.

Есен поднялся и хотел взять змею за хвост.

— Не надо... — остановил его Алексей. — Идем отсюда. Идем. Пить хочется. Очень хочется пить. И есть.

— Да, да, — заторопился Есен. — Ты ведь не обедал. И чай есть. Я всем покажу задушенную тобой змею. Идем в балок, идем.

Алексей, сделавший несколько шагов, остановился. Ему не хотелось идти в балок, не хотелось, чтоб узнали: ради Гюльнары он задушил кобру. В первом порыве, в движении, пожалуй. Но потом он уже не ощущал четкой связи между своим желанием уничтожить, убить змею и тем, что пострадала именно Гюльнара.

— Есен, ты никому не показывай убитую змею.

— Почему?

— Давай договоримся: ты никому не покажешь, ладно, Есен?

— Не понимаю...

— Так надо.

— Ладно, мастер.

— И в балок мы не пойдем. У гидрогеологов попросим воды и хлеба.

— Конечно. Они будут рады...

Почему Есен так сказал — он не знал. Он и поймал себя именно на той мысли, что не смог бы объяснить, почему гидрогеологи были бы рады дать им воды и хлеба. Но, будучи не в состоянии напрямую растолковать сказанное, Есен глубоко и совершенно убедительно для себя знал: такому человеку, как мастер, должны быть рады везде.

Для него Алексей не был старшим товарищем. Разница в два с половиной года не так уж сильно ощущается после двадцати. Старшинство по образованно-

сти, по опыту тоже в таком возрасте почти не принимается в расчет. Но умение себя вести и держать дает первенство подавляющее.

Это первенство состоит в убеждении, что человек, которого ты считаешь для себя примером, именно примером, а не образцом, — образец-то может быть совсем в другой стороне, — этот примерный человек, например, никогда не поступит несправедливо.

Есен, недавно вернувшийся с действительной службы в армии, приобрел там и не хотел терять глубокого уважения к слову, сказанному командиром ли, товарищем. В армии он до глубины души осознал цену искренности в отношениях. И, думая об Алексее, про себя Есен Тульгенов повторял высшую похвалу командира танкового батальона о хорошем бойце: «С ним бы я пошел в разведку».

Кряхтя, держась за скобу на двери вертолета, Тигран Мушегович тяжеломерно прыгнул на песок. Вид у него был довольный, потому что, познакомившись с пылающим грифоном сверху, он понял: Субботин ударил в набат не зря и ему, Тиграну Мушеговичу, может быть, придется сразиться с преопасным и коварным противником.

СХВАТКА

Для себя и, не особенно распространяясь об этом, Севунц подразделял фонтаны открытые, а также горящие, грифоны горящие и негорящие, на различные «характеры». В молодости он задался было мечтой найти общую методику и основные приемы борьбы с фонтанами, пожарами, грифонами на газовых и нефтяных скважинах. Но, потушив и задавив сотни две ли, три ли этих «бешеных», «сумасшедших», «осатаневших» джиннов, Тигран Мушегович увидел, что каждый из них действительно обладал «характером». Однако неповторимым, уникальным, если, конечно, это был стоящий фонтан, о котором следовало говорить как о противнике с уважением. Тогда же Севунц «разгадал», он был убежден в этом, — почему метеорологи называют тайфуны и тор-

надо женскими именами. Тайфуны тоже обладали непредвиденными капризами.

Здесь при сравнении Тигран Мушегович обнаружил и резкое различие между морскими и земными явлениями. Сила атмосферных бурь отныне и присно в целом была неизменна. А фонтаны, те росли и матерели с каждой сотней метров глубины. Те, что еще год назад представлялись крупными, лет через пять выглядели «семечками» рядом с новыми, поистине сказочными джиннами с высотой струи до девяноста-ста метров.

Пришлось заняться не общими методами борьбы, а принципами предупреждения. Но статистика — вещь каверзная. Возрастали перспективные площади, увеличивалось число скважин, уменьшался даже процент аварийности, а количество «фонтанов» возрастало. И, думая об этом, тяжелолато прыгнув на песок, Севунц увидел Субботина, своего давнишнего знакомого, которого он долгонько не видывал.

«И сохрани от таких-то встреч», — подумал Тигран Мушегович.

Михаил Никифорович стоял неподалеку от вертолета, придерживая фуражку от вихря, поднятого винтом. Он был один. И это понравилось Тиграну Мушеговичу. Он не любил, когда его встречали целой ватагой, и ворчал, повторяя всегда одну и ту же, как он считал, остроту: «Я — не арабский доктор из оперы Чайковского «Иоланта».

Вид у Субботина был несколько обескураженный, когда он увидел, что вслед за Глухарем из вертолета вышли всего четверо парней в таких же, как и Севунц, брезентовых куртках.

«Всего четыре фонтанщика? И где же оборудование? — тревожно подумал он. — Неужели случай такой сложный, что даже у Глухаря заранее опустились

руки? Быть не может! Или оборудование решили отправить машинами, когда подсохнут шоры и такыры?»

Тигран Мушегович шел навстречу Субботину в сопровождении своих «ассистентов» в блестящих пожарных касках, а свою он нес в руке за ремешок, и ветер играл его короткими седыми волосами. Фонтанщик и начальник конторы разведочного бурения сошлись и пожали друг другу руки, как дипломатические представители держав, находящихся в прохладных отношениях. Улыбка каждого была не в меру широка. Конечно, Субботин радовался, что Тигран Мушегович оказался на месте, дома, а не где-нибудь в Сибири, или Белоруссии, или хоть на Нефтяных Камнях; подобную радость испытывает человек, когда к тяжело больному удастся пригласить светило. Однако приятность встречи для Субботина омрачалась тем, что пожар на буровой — не болезнь, а ЧП, и ЧП это случилось на буровой его подчиненного.

«Знаю, знаю, Субботин, — говорила улыбка Тиграна Мушеговича. — Но сколько ты ни растягивай губы, на душе у тебя кошки скребут. Интересно, кто же это у тебя из мастеров «отличился»? Ему я не завидую, зная твой, Михаил Никифорович, препротивный характер...»

С церемонностью Тигран Мушегович представил своих помощников, особо выделив среди них Фармана Айвазлы:

— Товарищ из Взрывпрома.

— Очень приятно, — ответил Субботин, не совсем понимая, зачем Глухарю понадобился «товарищ из Взрывпрома».

Фарман, самый молодой из парней, большеглазый, с грустно опущенными концами бровей, вздернутых у переносья, выглядел меланхоликом. Он изящно махнул рукой и сказал неожиданно хриплым басом:

— Разгружаем взрывчатку, ребята.

— Пойдемте, Тигран Мушегович, — сказал Субботин, наклонившись к нагрудному карману куртки Глухаря, где находился слуховой аппарат, шнурок от которого тянулся к уху.

— Надо подождать Фармана.

Чтобы заполнить молчание и унять свое беспокойство, Михаил Никифорович спросил:

— Оборудование и остальные фонтанчики приедут на машинах?

— Зачем?

— Я тогда ничего не понимаю.

— Все идет, как обычно. Осмотрим грифон, создадим штаб тушения пожара. Он, считай, уже есть. Вы, я да представитель Взрывпрома...

— Меня не надо...

Тигран Мушегович повернулся к Субботину и вскинул брови:

— Простите, Михаил Никифорович... Не понимаю.

— Я не смогу быть беспристрастным.

— Что ж... Могу сказать одно, Михаил Никифорович, сам я никогда не бываю беспристрастным. Слишком люблю свое дело. Или вы все решили наперед?

Субботин сделал вид, что не расслышал фразы. И это было не мудрено: рев грифона долетал и сюда, а «хлопки» взрывов газа в кратере били почти без перерывов. Однако фраза Севунца ударила по самому уязвимому месту в душе Михаила Никифоровича. Без малого тридцать лет отдал Субботин работе на буровых, коли считать с перерывом на войну. И всегда был твердо, непоколебимо уверен: что б ни случилось на буровой, — отвечает мастер, сменный ли, старший. На то они и поставлены, чтоб знать, чуют скважину: ладонью, лежащей на ручке тормоза, по циферблатам приборов, опытом. А опыт — это, несмотря на всякие

приборы, ладонь, глазомер. И сколько лет опыт не подводил Михаила Никифоровича. Это ли не доказательство его правоты. Опыт — все. Коли нет опыта, то его не заменят ни приборы, ни самое пристальное внимание. Может быть, даже для молодого инженера Субботина хорошо то, что с ним случилось. Плохо для всех и для него тоже, но для будущего инженера Субботина авария — «незаменимый» опыт. И предубеждение, что автоматизация не может решить раз и навсегда все проблемы. В запальчивости Михаил Никифорович говаривал, что, автоматизируя буровую до последнего винтика, невозможно убрать с нее человека. Можно создать целиком автоматическую ракету, но буровую — нет. Бурение — искусство, как игра на рояле, если хотите, или на скрипке. Бурильщик, мастер должны чувствовать инструмент — турбобур, землю, породу. Субботин бил своих противников их же формулировками. Со своим сыном Михаил Никифорович спорил особенно ожесточенно.

— Ты говоришь: скважина, как выражаются кибернетики, «черный ящик». Что это значит, а? — шурился Субботин-старший.

— Только одно: скважина, конгломерат постоянно меняющихся систем, — терпеливо отвечал Алексей.

— Значит, никому не известно, что происходит на глубине четырех-пяти километров в данный, строго определенный момент?

— Если постоянно следить за глинистым промывочным раствором, то можно. Ведь глинистый промывочный раствор — «кровь буровой». По ней — по шламу, который она выносит из забоя, по загазованности ее при проходке горизонта можно судить и о породе, и о давлении в пласте.

— Выходит, кто-то должен следить? — вскидывал брови Субботин-старший.

— Должен.

— Кто или что?

— Не вижу принципиальной разницы, — пожимал плечами мастер. — Другое дело, если встретится случай, не предусмотренный опытом или, что одно и то же, программой. И здесь привилегия не на стороне человека.

— Почему?

— «Память» машины может хранить больше конкретной информации. А я, например, знаю меньше, чем вы.

— Вот и начинается сказка про белого бычка! — взмахивал руками Субботин-старший. — Программа машины зависит от знаний человека. От его опыта.

— Только так. Чтоб доказать свое, вы пользуетесь запрещенным приемом: требуете, чтоб я, как Мюнхгаузен, поднял себя за косу. Это невозможно, как и эффект Кона.

— Прием незапрещенный. Для доказательства можно доводить взгляды противника до абсурда.

— Я и не подумаю спорить, если мы найдем истину посередине. Опыт в форме инструкции, памятки, книги менее надежен, менее эффективен, чем заложенный в программу машины. Человеческая память не только ограничена, но еще и субъективна в выборе.

— Человек — тоже «черный ящик», — весьма неопределенно отвечал Субботин-старший.

— Что ж, есть жизненные ситуации, когда минус на минус не дает плюса. Я твердо знаю, Михаил Никифорович, что вы наверняка первым решитесь испробовать буровой автомат. Если же спорите, то по любви к профессии. И в одном вы правы — каждый следующий метр глубины человеку придется брать вместе с машиной. Для каждого метра глубины нет аналога.

Годков пятнадцать-двадцать назад и Тигран Муше-

гович был целиком согласен с Субботиным-старшим: бурильщик, мастер, и только они, отвечают за скважину. Тогда бурение на три-четыре тысячи метров считалось сверхглубоким. Встречи с пластовыми давлениями в пятьсот атмосфер были редкими даже на газовых скважинах. Но с увеличением глубины бурения понадобилась более точная информация о забое, о породах, которые проходит долото, пластовых давлениях на тех глубинах. Ведь необходимо было создавать противодействие на забой, значит, следовало увеличивать удельный вес глинистого промывочного раствора. Это, в свою очередь, выдвигало ряд новых сложных проблем и прежде всего требовало больших мощностей, энерговооруженности. Бурить на сверхтяжелых растворах сверхглубокие скважины дорого и долго. И еще — глинистый раствор выносит на поверхность шлам из забоя через час, а то и позже.

— Вот уж тут никакой прибор пока ничего показать не может, — тыкал пальцем в стол Тигран Мушегович. — А там может происходить черт те что. И проявится скважина и фуганет. Давить проявления, фонтан-то, может, трудно будет. Особо в случае пожара.

— Так бывает раз на тысячу случаев. Стечение обстоятельств, — разводил руками Михаил Никифорович. — Вот тут ладонь мастера, его многолетний опыт подскажут ему, какие примерно пласты он проходит: известняк ли, песчаник или что подтверже. Тут опыт, рука, ну, может быть, немного и прибор, показывающий давление инструмента на забой.

Разговор этот вспомнил не Субботин-старший, а Севунц. И он долго шел молча, уже после того, как к ним присоединился взрывник Фарман Айвазлы, и они направились к грифону. Благо, молчать Тиграну Мушеговичу было сподручно, да и нараставший шум, «хлопки» взрывов мешали.

Осмотр грифона расстроил Тиграна Мушеговича.

Песчаный грунт, слагавший стенки кратера, быстро разрушался. Кратер, как язва в земле, рос на глазах. Волны, высотой чуть не в рост человека, тупо бились в хлипкие берега, и то там, то здесь в кратер рушились оползни. Диаметр его уже достигал едва не сотни метров.

Это было очень плохо. И значило одно: обваловывать кратер бессмысленно. Валом берега не укрепить. Поставить вокруг грифона стволы группы «А» и попытаться струями воды оторвать пламя от водяного столба — весьма проблематично. Да и пока наберется столько воды в карьерах-копаях, пройдет много времени. Да и напор в струях при полете на сорок-пятьдесят метров окажется недостаточным. Доставить сюда более мощные стволы... Опять время. Тогда диаметр кратера станет таким, что и мощные стволы с полетом струи в шестьдесят-семьдесят метров окажутся слабы.

Но больше всего Тиграна Мушеговича огорчала невозможность поднять и дотянуть до грифона заряд взрывчатки. За двадцать минут, которые нужны, чтоб поднять ящик с аммонитом на тросе к верхушке водяного столба, перегорит в пламени стальной трос.

А делалось это так. Из труб сваривались две опорные мачты высотой на метр-два ниже водяного столба грифона. Кратер обваловывался, и за валом располагались лафетные и ручные стволы. Каскад воды обрушивался на верх грифона. Тогда под завесой воды, над грифоном натягивался трактором толстый стальной трос, перекинутый через опоры. К нему на ролике привешивался ящик со взрывчаткой. Второй трактор по сигналу руководителя тушения пожара тянул ящик, движущийся на ролике к грифону. И все это время трос и ящик со взрывчаткой находился под завесой воды.

Втянув ящик в столб грифона, трактор останавливался, взрывник крутил ручку адской машинки, и **взрыв** отрывал пламя от грифона. Не больше, чем на секунду. Мощная взрывная волна сбивала огонь с газовых **струй**, выбивавшихся в кратер.

Пожар мгновенно задышался без пищи и гас. Это все равно, как если бы кто попытался на кухне вновь заставить вспыхнуть резко выключенную до упора газовую горелку, хоть через десятую долю секунды.

Ни пламя горелки, ни пламя над газовым фонтаном или грифоном не вспыхнет, если оно лишено живого огня, хотя бы искры, на несколько мгновений. А взрыв создает сильно разреженное пространство, что равносильно выключению газовой горелки на десятки доли секунды.

Но вариант с подачей взрывчатки по тросу на ролике отпадал. Диаметр кратера был так велик, что лафетные створы не могли охладить, спасти от огня завесой воды, трос и ящик со взрывчаткой.

Мрачно смотрел на пылающий грифон Тигран Мушегович.

Потом как-то сразу резко повернулся к Субботину-старшему.

— Пойдемте пить чай.

— Пить чай? — переспросил, наклонившись к слуховому аппарату, Михаил Никифорович.

— У вас же пьют зеленый чай, — невозмутимо сказал Тигран Мушегович. И еще в его голосе была такая настырность, именно настырность, что оставалось лишь подумать, будто чай ему давно обещан и хозяева невежливы, забыв об этом.

Тон и требование Тиграна Мушеговича изумили Субботина.

— Посмотрим, вроде есть чай в вагончике... Или в поселок?

— Нет, здесь. А чай можно и черный, — смилостивился Севунц, хотя был очень смущен и раздосадован собственной беспомощностью. Уж, казалось, как все продумано, как ясно, четко. Приехал, глянул — и только командуй. Аи нет. Не получается так. Не выходит. Правда, есть вещи, которые пригодятся в любом случае, даже в том, о котором сию минуту и понятия не имеешь. Например, ящики для взрывчатки. Добротные ящики метр на метр и на метр... Или больше? И еще мешок из медицинской клеенки. Аммонит гигроскопичен.

Так вот. Но, чтоб начать делать ящик, надо определить дебит грифона. Иными словами — газового фонтана в начале фонтанирования. Изменения, если они были, и какие именно... Узнав это, можно рассчитать, сколько взрывчатки потребуется. А тогда уже заказывать ящик и мешок.

Методично, до противности самому себе, размышляя о мелочах, Тигран Мушегович постепенно успокаивался, хотя по-прежнему не видел выхода из создавшегося положения. Если решение не пришло к нему тотчас, то нужно начинать с мелочей, приготовлений, с обсуждения в штабе мер по созданию укрытий, если они потребуются, с опроса мастера, да мало ли с чего начать, но начать, если решение не пришло сразу, потому что, когда оно придет, — а оно придет, черт возьми, — тогда мелочи будут только вызывать досаду. Да... Начать следует со знакомства с мастером.

Они подошли к вагончику. На ступеньке кемарил Остап Третьак. На обмотанной бинтами голове едва примостилась ушанка. Дядька Остап сидел, опершись спиной о дверной косяк, и сладко посапывал, склонив голову к плечу. Но дремал он по-солдатски чутко и тут же поднялся, едва к нему подошли, промакнул рукавом уголки губ.

— Здравствуйте, Остап Тарасович, — сказал Севунц.

— Да, не было бы счастья, да несчастье помогло, — покачал головой Третьак. — Вот не думал на старости лет принимать вас на своей буровой.

— А мастер где?

— Да копань пашет.

— Пашет... — усмехнулся Михаил Никифорович.

— Ну, колуcae, — махнул рукой дядька Остап. — Экскаватор сюда не затащишь.

— Так, может, ты расскажешь.

— Ни-ни... Сам мастер на буровой находился — пусть и докладывает. Все как положено. А я подтвердить что — могу.

Переступив с ноги на ногу, Субботин-старший сказал:

— Я знаю то, что вам нужно, Тигран Мушегович.

— Хорошо. Но за мастером все ж пошлите. Ты, Фарман, спрашивай.

Не дожидаясь просьбы, Третьак отправился за Алексеем. Айвазлы интересовали диаметр скважины, примерная высота столба газа, а потом и огня фонтана. Насколько изменилась высота факела после того, как открылся грифон. По этим данным можно было высчитать дебит фонтана, а исходя из этого — и количество взрывчатки, нужное для ликвидации пожара. Занявшись уравнениями и извлечением корней, Фарман еще до того, как вскипел чайник, сообщил, что потребуется девятьсот пятьдесят килограммов аммонита.

— Что ж не ровно тонну? — покосился на парнишку Субботин-старший.

— Можно восемьсот восемьдесят килограммов аммонита и двадцать тротила, — ответил Фарман, не почувствовав желчи в замечании начальника конторы бурения. — Заряд будет компактнее.

— Это хорошо, — согласился Севунц. — А каков был удельный вес раствора, на каком бурили?

Субботин-старший ответил.

Про себя Тигран Мушегович давно сосчитал, сколько нужно взрывчатки, но он все равно бы обратился к Айвазлы, потому что это было его делом, да проверить себя никогда не мешает, а теперь Севунц так же быстро прикинул, достаточным ли было противодействие на забой при таком удельном весе раствора, и подумал, что при такой глубине в принципе достаточно.

— Тигран Мушегович, — обратился Фарман к руководителю тушения пожара, — Тигран Мушегович, надо лететь за взрывчаткой. У нас едва половина наберется. Кто ж знал, что кратер так быстро растет...

— Да, да, — согласился Севунц. — И чайник вскипел. Кстати, Михаил Никифорович, у вас ведь есть хороший столяр?

— Конечно.

— И сварщики хорошие?

— Что нужно, Тигран Мушегович?

— Надо сделать ящик из хорошего сухого теса. Вот чертежик. Размеры тут указаны. И мачты-опоры сварить из труб, на полозьях — тоже из труб. И этот чертежик есть.

— Я передам инженеру.

— Инженер мне нужен. Ведь вы отказались войти в штаб тушения, — Севунц посмотрел на приближавшихся к вагончику Алексея Субботина и Остапа Тарасовича. Михаил Никифорович проследил за взглядом своего старого знакомого:

— Хорошо, Тигран Мушегович. К вечеру мачты сюда притащат.

— Да! Ящиков нужно два. И еще тросы. Лебедочные, метров по сто пятьдесят длиной.

— Я понял, — и Субботин-старший пошел к «газику» инженера.

Подходя к вагончику, Алексей проводил взглядом уходившего начальника, хотел было окликнуть его, попросить зайти в больницу к Гюльнаре, но не стал. Караш Иомудский, связавшийся по рации с больницей, только сказал ему, что доктор настаивает на том, чтоб отправить Салахову в город, и передал микрофон и наушники Алексею. Гиви Чкония был опытным врачом, он не стал бы напрасно пороть горячку. Весть о том, что Гюльнара жива, а потом — веселый голос Гиви: «Кобра только ударила. Только ударила. Не выпустила яда. Так бывает. Слышишь, Алеша, бывает!» И вдруг после такой радости — в город, в клинику...

— Алексей Субботин, почему не в больнице? — вместо приветствия спросил Тигран Мушегович.

— Пустяки. Доктор видел, — Алексей даже попытался улыбнуться.

— Ну, что ж... Может быть, и пустяки, — Севунц пододвинул налитый стакан чая Фарману и спустился из вагончика. Он тронул Алексея за плечо, приглашая пройти с собой. И некоторое время они шли молча. Проходя мимо высоко выброшенного соцветия эремуруса, Тигран Мушегович сорвал головку цветка и, поднеся к мясистому горбатуому носу, нежно вдохнул тонкий аромат.

— Все было нормально, Тигран Мушегович. Все шло как часы. Настало время менять долото. Остановили бурение. Стали поднимать бурильную колонну.

— И тут земля взбесилась...

— Да, взбесилась! А потом фонтан, что-то обо что-то, видно, стукнулось. Искра — и...

— Геологи виноваты...

— Везде на этом регионе удельный вес глинистого раствора тот же. При чем же здесь геология?

— Никаких проявлений?

— Никаких, Тигран Мушегович. Прямо взрыв. И такой чудовой дебит — не меньше двух с половиной миллионов кубометров в сутки, если не все три.

— Мы считаем — три, — но тут Севунц повернулся и пошел обратно к вагончику, покосился на грифон невдалеке. — Да мало ли, что мы считаем...

— Конечно. И журнал сгорел.

— Плохо. А смена как... ребята ведь все видели, все знают.

— Не говорил я с ними.

— Наверное, это правильно. Пусть каждый скажет, что считает нужным.

От вагончика к ним шел Айвазлы:

— Тигран Мушегович, так я — в город, за взрывчаткой.

— В город?! — встрепнулся Алексей. И он стал рассказывать о том, что случилось с геологом Гюльнаррой Салаховой и как срочно ее нужно отправить в клинику.

Иногда Севунца удивляло, как люди, которые отлично слышат и очки им не требуются, видят порой совсем плохо. Вернее, мало замечают и понимают в увиденном. Он же, погруженный в омут глухоты, словно обрел двойное зрение. Научившись читать по губам говорящего, воспринимать слова лишенными интонации, Тигран Мушегович одновременно овладел и другим важным для глухого качеством — расшифровывать мимику, открывать на лице человека подтекст его речи, который был подчас скрыт за деланной интонацией, порой за своеобразным актерством. Но сколько бы ни пытался человек спрятать свои истинные чувства и побуждения, внимательному физиономисту, — а глухие в силу своего недостатка становятся ими поневоле, —

скрытое ли, скрываемое ли открывается яснее, нежели и слышащему и видящему.

Тигран Мушегович видел, что стоило Алексею смолчать и не попроситься в город, проводить Гюльнару. И опыт, горький и противный, как лекарство, шептал Тиграну Мушеговичу: Алексею по сотне причин не следует ехать с Гюльнаррой, хотя бы потому, что по той же сотне доводов он в дальнейшем может, жалея ее, принять ненужную вину на себя, хотя ей-то уж ничего не грозит, но, вспомнив свою Фатьму-ханум, Тигран Мушегович сказал:

— Фарман, возьми Алексея. Он поможет тебе при погрузке.

А когда они улетели, Тигран Мушегович долго, кругами прохаживался вокруг грифона.

— Как кот вокруг горячей сковородки, — сказал про него дядька Остап, опять усевшийся на приступочке вагончика.

— Нехорошо так о нем, — сказал Есен, притулившийся рядом. — Он думает.

— Кот тоже думает, — упрямо сказал дядька Остап. — Я совсем ничего не хотел сказать плохого. Меня хоть на цепи води вокруг грифона — все равно ничего путного не придумаю.

* * *

Вертолет приземлился на площади поселка, на которую выходили фасады конторы бурения, поселкового Совета, школы и больницы. Еще до того, как улеглась пыль от винта, заслонившая все, и механик открыл дверцу, Алексей увидел, что из приемного покоя вышли санитары с носилками, а следом доктор Гиви.

Субботин-младший понял: выходить из вертолета

не имеет смысла, и терпеливо ждал, когда уляжется желтая завеса пыли и к машине подойдут санитары с носилками, а главное — доктор Гиви. Ведь Караш совсем недавно передал Алексею, что Гиви сказал: за жизнь Гюльнары не следует опасаться. Тогда зачем понадобилось отправлять Гюльнару в город, в клинику? Именно это и хотел спросить Алексей у Гиви.

И спросил.

Вода рукой перед лицом, словно пыль была кисеей или паутиной и ее можно было отвести, Гиви ответил:

— В поселке амбулатория, а не больница.

— Но ведь ты... хороший врач, Гиви.

— Алексей... ты хороший инженер-буровик...

— Это разные вещи, Гиви.

— Не думаю... — и он пробубнил что-то по-грузински.

— Не понял, Гиви.

— «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны», сказал поэт.

— Кто?

— Шота Руставели. Вы привыкли считать, что здесь больница, а в поселке — всего амбулатория.

— Гиви, я полечу в город и все узнаю там, — наступал Алексей.

— Лети хоть к дьяволу! — взорвался Гиви.

— Я тебя по-человечески...

— Змея не выпустила яда. Только ударила.

— Ты уверен в этом?

— Так бывает.

— Не слышал.

— Читай научно-популярный журнал «Наука и жизнь».

— Гиви, не сердись.

— Пойди к черту! У нее шоковое состояние. Я лечу тоже и вернусь с вами.

Они вошли в вертолет, и механик закрыл дверь пассажирской кабины.

Потом они взлетели. Кабину болтало, а потом потянуло и поволокло, и вибрация стала сильнее.

Алексей не сводил взгляда с лица Гюльнары, будто она, находясь в бессознательном состоянии, могла реагировать на треск мотора, вибрацию. Через несколько минут вертолет пошел ровнее, и двигатель стал работать спокойней. Субботин успокоился.

И тут впервые за год знакомства он подивился миниатюрности Гюльнары. То, что она невысока, по-мальчишечьи подтянута, — это было понятно. Но совсем не так, как сейчас. На носилках была девочка. Обострившиеся черты, бледные губы полуоткрытого рта, черные лучи ресниц, оттенявшие глубину глазниц, делали ее лицо отрешенной маской, под которой надо было угадывать привычный для Алексея облик Гюльнары. Припудренная пылью прядка темных волос прилепилась к влажному лбу, хрупкие плечи, обтянутые выгоревшим больничным одеялом, — все так не совпадало с представлением о любимой, что Алексей с недоумением посмотрел на свои руки — широкие сильные руки, обнимавшие эти плечи. Алексей точно увидел любимую впервые. Она всегда представлялась ему сильнее, не такой беззащитной, беспомощной, не такой крохотной женщиной, какой была на самом деле. И еще ему подумалось теперь, будто он раньше, не замечая того, мало заботился о ней, мало любил ее и берег.

Он почувствовал — у него будто зуд в пальцах, так ему захотелось поправить одеяло, прикрывшее Гюльнару, хотя поправлять его было совсем не нужно. Алексей сцепил пальцы, чтоб сдержать судорожные никчемные движения. И он удивился этому ощущению в своей душе, не мог до конца осмыслить его, настоль-

ко оно было неожиданно, ново, необычайно и нежно, трепетно.

Вертолет снова заболтало. Алексей вцепился в носилки, точно мог оградить Гюльнару от толчков. А когда машина приземлилась и механик открыл широкую дверцу, Субботин один поднял носилки с Гюльнарой, вынес ее и донес до санитарной машины, поданной к вертолету. Тут к Алексею подошел Фарман и сказал, что с получением и погрузкой взрывчатки он управится сам; это займет часа четыре, и Алексею только надо не опоздать к вылету.

В больнице врач не стал разговаривать с Субботиным. Глянув на его распухшее лицо, щелочки глаз, врач отправил Алексея к окулисту: следовало проверить, не пострадала ли роговица глаз при взрыве; потом последовали промывания, примочки. Субботин едва отвертелся от госпитализации, пообещав врачу столько и такого, что уже оба не верили друг другу. Врач согласился с Алексеем только потому, что действительно не видел особо серьезных травм и верил: Гиви сумеет обеспечить амбулаторный уход.

Когда закончилось столь неожиданное для Алексея хождение по узким специалистам, он вернулся в кабинет врача, но по взгляду понял, что Гюльнара еще не пришла в себя.

— А Алты? Алты Карлиев. Он ведь тоже у вас.

— Вам лучше его не видеть.

— Я должен рассказать товарищам, что с ним.

— Алты в сумеречном состоянии. Сильная интоксикация. Отравление.

— Чем?

— При ожоге белки тканей человека свертываются, а потом продукты распада всасываются в кровь. Большая площадь ожога.

— Он выживет?

— Если выдержит сердце...

— Если...

— Чудо, что он спасся. Очень хорошо, что вы помогли ему.

— Но ведь наша кожа — это чужеродный белок.

— В таком случае более важно прикрыть ожоговую поверхность от дальнейшего инфицирования.

— Может быть, он узнает меня?

— Я не советую... — настойчиво проговорил врач.

— Он узнает меня...

Алексей вышел из бокса, где лежал Алты, и у него закружилась голова. Тот, кого он видел, не мог быть Алты. Истерзанное страданиями существо, бредящее, с запекшейся пеной у рта, слепое и глухое ко всему вокруг, хотя глаза были открыты, и оно слышало, потому что взгляд обращался к говорящему... Но взгляд бессмысленный, пустой, скользящий.

И это был Алты?.. Алты... восторженный, неумный, влюбленный в целый свет, вечно мурлыкавший песни обо всем: о небе, о песке, о людях, побеждающих пустыню, трубах, уходящих в землю, чтоб достать для городов и заводов голубое топливо.

Это был Алты. Он лежал на кровати под полукруглым каркасом, покрытым простынями. На подушке — одна голова, лицо, профиль, потому что Алты лежал на животе, обожженной спиной вверх.

Алексей сел на скамью в коридоре против бокса, в котором лежал Алты, и потер шею, перехваченную спазмом. Но прикосновение к опаленной коже шершавых пальцев отзывалось болью. И Субботин с ужасом подумал — как же мучается и страдает Алты...

Увидев Алексея, врач нахмурился. Он понял, что напрасно поддался на уговоры, зря разрешил мастеру свидание.

Салахову удалось вывести из шока.

Классические симптомы, вплоть до ретроградной амнезии, свидетельствовали: у нее сотрясение мозга. Состояние, при котором ухудшения могло и не наступить, и все же достаточно тревожное. Гюльнара начисто забыла о змее. Она не могла понять, почему она здесь.

— Это хорошо... — сказал врач Алексею. — Не напоминайте ей о змее. Впрочем, я буду с вами.

На белой подушке лицо Гюльнары с перевязанным лбом выглядело очень смуглым.

— Алеша... — Гюльнара хотела подняться, но сил не хватало. Она снова откинулась навзничь.

— Не поднимайтесь, — строго сказал врач.

— Лежи, лежи... — протянув вперед руки, успокаивая Гюльнару, проговорил Алексей.

— Я шла, шла... Я хотела тебе сказать... Ты сразу скажи...

— О чем, Гюльнара?

— Почему так получилось...

— Что? — Алексей опустил руки и ухватился пальцами за спинку койки. — Что случилось?

— Ну, выброс.

Алексей почувствовал — у него вспотели ладони. Они были противно мокры, и под ложечкой ощутилась тяжесть, будто его ударили кулаком в солнечное сплетение.

Врач схватил его за рукав и потащил вон из бокса. Потом врач толкал Алексея в грудь, и тот отступал, точно у него не хватало сил сопротивляться.

Субботин продолжал идти уже по коридору, пятясь, подталкиваемый в грудь врачом. Потом, повернувшись лицом по ходу, Алексей как бы долго размышлял, молча сел в кабинете на стул и терпеливо выпил какое-то горькое лекарство. Увидев перед собой Гиви, Субботин почему-то спросил у него:

— Что случилось? А, Гиви?

— О чем ты? — удивился Гиви.

Но Алексей не слушал его:

— Нет. В том-то и дело... Все шло в норме... Это я так! — махнул рукой Алексей. — Нам пора, Гиви.

Гиви поговорил с коллегой, и санитарная машина домчала их на аэродром. Там, в крохотной комнатке ожидания, большую часть которой занимал фикус, Фарман играл в нарды с диспетчером.

— Уже погрузились? — вежливо спросил Гиви, чтоб не интересоваться, задержали ли они своим опозданием рейс.

— Налегке полетим, — ответил «правая рука» Глухаря.

— Как? — вступил в разговор Алексей.

Фарман поднял глаза:

— Поступил новый приказ: взрывчатку не брать — возвращаться.

Субботин мгновенно рассвирепел:

— Что они, с ума посходили?!

— Туда подалось начальство из столицы республики. Решили не тушить грифон. Кратер увеличился до ста пятидесяти метров.

— Подожди, подожди... — Алексей схватил Фармана за плечо.

— Не понимаешь, что ли? — удивился Фарман. — Решили разгрузить пласт.

— А-а... — протянул Субботин. — Будут разгружать пласт... Тогда, конечно... Понятно.

Но ничего не было «понятно». Алексей сел и оперся локтями о колени. Разгружать пласт — забуривать несколько новых скважин, ставить новые буровые. Они должны пройти более двух тысяч метров, только тогда они дойдут до газового пласта, из которого началось загазовывание глинистого раствора, выброс, а потом грифон.

Новые выходы из пласта снизят давление в нем.

Решение... Чтоб быстрее освободить ведро от воды, сделать в ведре не одну, а десять дырок... Что толку пронизировать? Другого-то выхода нет. Нет! Если бы не грифон, ликвидация аварии выглядела гораздо проще. Следовало освободить устье скважины от оборудования и подвести к выходящей струе газа реактивный двигатель. Истекающая струя оторвала бы пламя. Тогда на устье скважины устанавливается фонтанная арматура — «елочка»...

Она, конечно, простота эта, легкость — кажущиеся. Такова разница в сложности номера жонглера, работающего, предположим, с пятью предметами, и жонглером, умеющим «держат» в воздухе десять, разница между сложением и возведением в степень...

Главное тут даже не в сложности. Разгружать пласт — решение более простое, чем тушить пожар, закачивать фонтан... «Более простое решение»... Точнее — отсутствие решения... С аварийной скважиной ничего не делать, — только ждать. Ждать, когда забои вновь пробуренных скважин войдут в пласт, начнут отбирать газ, и пластовое давление месторождения снизится.

Ну а если месторождение огромно?

Тогда будут бурить наклонную скважину, выйдут близко к забою аварийной и закачают в ствол скважины цементный, очень тяжелый раствор. Он зацементирует «рану» в пласте, затянет все выходы газа по трещинам...

А сколько газа пропадет?

Дебит скважины — более двух миллионов кубометров в сутки. Такого количества хватит крупному химическому заводу.

Обернувшись к Гиви, Алексей положил руку на его плечо, потом на плечо Фармана:

— Гюльнара и Субботин с ума посходили. Никаких нарушений на буровой не было. Это все ребята подтвердят! Они же...

Тут вошел пилот и сказал, что они отправляются.

Субботин прошел в кабину и сел на железную лавку. Его распирало желание всем и каждому говорить, что ни в выбросе, ни в дальнейших последствиях аварии он и смена не виноваты. Разве можно обвинить их в том, что пострадал Алты?

Алексею припомнился больничный бокс, кровать, полукруглый каркас над обгоревшим телом Алты, его до неузнаваемости измененное страданиями лицо и взгляд — пустой, скользящий.

Лишь в эти мгновения он всей полнотой души ощутил, что ответственность за страдания Алты, виновность в выбросе, фонтане, пожаре и грифоне может пасть на него. И ему, собственно, нечем, именно нечем оправдаться.

* * *

Саше Ахметову было совсем не обязательно присутствовать при транспортировке собранной вышки к месту бурения. В бригаде трактористов, которым предстояло тащить буровую к грифону, имелся тралмейстер, человек достаточно опытный в своем деле. Михаил Никифорович, отдав приказание Ахметову проследить за доставкой буровой, почувствовал, что в этом случае тешит свою душу, словно мстит своему любимцу.

Однако со стороны Михаила Никифоровича в отношении к Алексею просвечивала и покровительственная нотка человека более старшего годами и уже только на этом основании имевшего права на суждения более резкие, поступки — более крутые. Причем Михаил Никифорович в глубине души искренне считал: ока-

жись он не прав, Алексей должен, обязан даже заранее и понять и простить его за несправедливости, которые он нанесет ему. Подобные расчеты весьма часты со стороны родителей и основываются на, так сказать, обычном праве, охотно признаваемом папами и мамами. Дети тоже не прочь использовать его, особенно становясь взрослыми. Это дает им неограниченные возможности эксплуатации родительских чувств, а также средств.

Отъезд Алексея в город не только озадачил, но и разозлил Михаила Никифоровича. То, что Алексей так просто, так равнодушно даже, принял свое отстранение от должности, представилось для начальника конторы еще одним доказательством вины мастера. Не мог, по мнению Михаила Никифоровича, человек, не чувствующий за собой вины, не бороться против столь жестокой несправедливости, его, субботинского, произвола. В конце-то концов, кто ж добровольно под топор сунет голову?

О странном поведении Субботина-младшего думал и Саша Ахметов по дороге к поселку. Но мысли его текли по другому руслу. Сашу удивляло, что Алексей не поговорил по душам ни с кем из бригады, представив для себя решать: виновен мастер в аварии или нет? Вопрос этот далеко не прост, и даже тень сомнения в правильности действий Алексея, высказанная на расследовании, может погубить его.

Припоминая совсем недавнюю аварию на «своей» буровой, Ахметов с неприязнью к себе вспоминал, как он не выпрашивал мнения рабочих, а попросту пытался вдолбить им мысль, что происшедшее несколько не затрагивает его, что авария — результат глупых и случайных совпадений, что в конце концов, идучи на какие-то сделки со своей рабочей честью, он думал прежде всего о них, об их заработках. Наконец, он стал

утверждать, что, догадываясь наверняка о нарушениях в режиме бурения, они молчали.

И теперь, вызвав яркое воспоминание этой сцены, и противной и унижительной, Ахметов почувствовал: он покраснел до слез от стыда. А когда вслед за стыдом голым крысиным хвостом метнулась мысль, будто Алексей теперь в его руках и он волен поступить, как сочтет пужным, презрительные взгляды товарищей предстали перед ним буквально воочию.

«С такими мыслями нельзя брать на себя буровую, — подумал он. — Нельзя, надо отказаться... Отказаться? Ну уж дудки! Отказаться, когда сам Субботин назначил меня на должность мастера? Отказаться — значит не подняться вовек. Михаил Никифорович мне этого не простит. И думать нечего, чтобы простил».

То, что на полигоне сборки не оказалось мастера: он уехал в близлежащий кишлак то ли на свадьбу, то ли на день рождения, — лишь на секунду обескуражило Ахметова. Рассуждение о том, что ему дана возможность вновь подняться после пережитого позора, взвинтило нервы Саши до крайности. Все встававшее у него на пути к достижению цели рассматривалось как предельно враждебное, стоящее лично против него. Никакие обстоятельства, их неудачное стечение не принималось Сашей в расчет.

— Ну и что! — обратился Ахметов к замешавшему мастера монтажнику. — Что ж теперь — все остановись?

— Не положено без мастера, — пожал плечами пожилой монтажник и сдвинул защитную каску на затылок.

— А если он вернется завтра? — вскинулся Саша.

— Завтра он и вернется, — спокойно ответил монтажник.

Ахметов внимательно пригляделся к монтажнику:

— Так ведь ты же тащил нашу вышку туда, на площадку.

— Мастер руководил транспортировкой... Под его наблюдением вел.

— Но второй раз легче буровую протащить.

— Оно верно, только мастера нет.

— Михаил Никифорович приказал срочно транспортировать эту буровую. Понимаешь, срочно!

В следующую секунду Саши захотелось захлопнуть рукой свой рот: ведь четкого, ясного приказа доставить к грифону вышку во что бы то ни стало Субботин не давал. Он был и достаточно опытен, и крайне осторожен, особенно сейчас, когда любое новое происшествие затронет прежде всего его честь, поставит под сомнение его способности руководителя. Но Ахметова пошло. Он наступал на монтажника, требуя немедленной буксировки буровой.

К ним подошли другие монтажники и трактористы, прикрепленные к монтажному полигону. Рабочие, чуток насупившись, слушали горячие речи Саши. Они знали его, знали обо всем происшедшем с ним и грифоне на буровой Алексея.

Рассказ Саши о том, что буровая потонула в земной тверди, словно корабль в море, произвел гнетущее впечатление. Но одновременно это-то и укрепило их веру в то, что Субботин действительно отдал такой категорический приказ и ждать нельзя ни минуты. Впрочем, будь в это время на монтажном дворе сам мастер Дурдыев, он тоже принял бы решение, не раздумывая, тащить буровую к грифону. Ни у кого не оставалось и тени сомнения, что лишь скорейшее забуривание новой скважины, выход ее к забою и аварийной, закачка ствола и ответвлений грифона цементом могут противодействием задавить проявление газового пласта. С одной стороны, здесь, конечно, следовало учи-

тивать каждый час, но неоправданный риск с транспортировкой буровой, когда в пути могла произойти авария, грозил задержкой уже не на несколько часов, а на несколько суток, не говоря о вероятной потере вышки, стоимость которой не одна тысяча рублей.

Горящие фонтаны на нефтяных промыслах — это не что иное, как крохотные вулканы, которые вызывает сам человек. Пусть эти вулканы еще не изрыгают огнедышащей лавы, но настанет день, когда в погоне за полезными минералами человечество научится использовать и магму оливинового пояса, богатого редкими элементами в чистом виде.

Тогда осуществится, пожалуй, вторая часть своего рода пророчества Алексея Толстого, высказанного в романе «Гиперболоид инженера Гарина». Ведь первое предвидение — сам гиперболоид, названный лазером, настолько прочно вошел в обиход, что и за чудо не почитается.

То, что человек, не забывая космоса, с каждым годом из-за своих неизбежных практических нужд будет все глубже и глубже проникать в недра планеты, — неизбежность. Это уже даже вопрос не просто желания человека, а осознанная человечеством необходимость. Дело за техникой. Иначе — вопрос времени и недалекого будущего.

Но то, с чем столкнется человек на пути в недра планеты, по сложности преодоления ничуть не меньше трудностей космических. И пожалуй, самыми трагическими будут случаи неуправляемых, открытых фонтанов и грифонов. В борьбе с ними предельно важен девиз: «Спешить не торопясь». Поэтому человеку, несведущему, оглушенному ревом фонтана, взрывами скопляющегося в кратере грифона, газа, фантастически огромным столбом воды, толщиной и высотой с девятиэтажный дом, — этому несведущему человеку не толь-

ко покажется, но он будет твердо убежден, что те, кто по должности своей призван бороться с пожаром и огнем, ничего не делают. Они ходят, жестикулируют, шелевят на всякий случай губами и ждут, пока прибудет то-то и то-то. Но когда «то-то» прибывает, оказывается, что рукотворный вулкан в чем-то опередил человека, нарушил его тщательно разработанный план борьбы и требуется уже нечто принципиально новое. И некого ругать, некого послать к чертовой матери.

Так уже часа через четыре Тигран Мушегович, неторопливо пивший чай, устроившись прямо на бархане, понял, что его надежда погасить пламя над грифоном и установить фонтанную арматуру не оправдалась.

Однако этот сложный, но достаточно быстрый путь был отрезан. Кратер грифона развивался, рос так скоро, что водометные пушки не смогли бы обеспечить прикрытия. Да и само тушение пожара стало делом вредным. Именно — вредным, ненужным и даже опасным.

Газ, по сути дела, смертоносный газ, не сгорая, стал бы растекаться по ложбинам и долинам. А его было так много, что миллионы кубометров в течение суток превратили бы окрестности в зону смерти, зону, не только зараженную, но и чреватую гигантским взрывом от любой случайной искры. Если бы грифон не горел или был бы потушен к этому времени, то его следовало поджечь. Даже если бы он был потушен, то его следовало заново поджечь.

Так бывало.

Теперь оставалось ждать у моря погоды, ждать, когда прибудет вышка, чтоб начать бурение наклонной скважины.

А восемь тракторов уже двинулись в путь с монтажного двора. Вышка стояла на деревянных салазках. Спереди ее тянули четыре трактора, два по бокам

и чуть впереди, с тросами, прикрепленными к верхушке-кронблоку, чтоб удерживать буровую при возможных колебаниях, и два трактора держались сзади, удерживая тросы, привязанные к середине вышки, между основанием и кронблоком-верхушкой. Они сдерживали возможное движение вышки по инерции при торможении и при движении ее под уклон.

Самые опытные трактористы находились в боковых машинах. Им приходилось постоянно маневрировать: идти чуть впереди, когда буровая брала подъем, конечно, очень незначительный; или двигаться сзади салазок при спуске. И главное — ни на секунду не давать тросам провиснуть и не слишком их натягивать. В общем, это был октет из восьми инструментов, на которых играли восемь трактористов. Трактористы действительно исполняли, как музыканты, свою работу. Причем от трактористов требовалась более безупречная сыгранность, чем у музыкантов. Если там ошибка в полтона или отставание на шестнадцатую такта — вещь в сложном произведении почти обычная, даже допустимая и простительная, то тут ослабление троса на какой-то метр или отставание, ну, хотя бы бокового партнера или перетяжка им троса могло угробить вышку и при определенном стечении обстоятельств убить товарища. Если бы сорокапятиметровая стальная вышка с маху упала на кабину трактора, то никакие дополнительные крепления кабины не смогли бы спасти водителя.

Тракторы бархатно урчали и ползли по улице поселка, а в их окружении, чуть покачиваясь и подергивая головой-кронблоком, словно колоссальный идол, продвигалась вышка. Мощные машины выглядели рядом с буровой жуками-скарабеями. Небо было чистое, голубое, солнце — высоко и ясно, и песок выглядел золотым. Ветерок едва веял, не тревожа даже легкий как пух илак на барханах.

Бригадир трактористов, статный мужчина с ногами кавалериста, шел впереди тракторов, держа в руках красный и белый флажки. В сотый раз, наверное, вел Курбан Алиев своих ребят, но никогда еще не приходилось ему ни собираться так быстро по прямому приказу начальства, ни тащить новую вышку к месту катастрофы другой буровой, и он очень волновался.

Рядом с Курбаном шел Саша. Он тоже чувствовал себя не в своей тарелке. Не то, чтоб ему казалось, а он в глубине души был уверен: превышение власти, которой он был облечен начальником конторы, не пройдет даром. Подобно многим людям, попавшим единожды в сети обстоятельств, он искал предзнаменований новых бед, и желаемое виделось им во всем. Несбывшиеся предвестники забывались им быстро, зато стоило произойти совпадению, как услужливое воображение фиксировало факт твердо. Молчаливость и некоторая отстраненность Саши при осознании вины еще больше углубили этот процесс «ловли призраков-предвестников», хотя год тому назад Ахметов искреннейшим образом сам первый посмеялся бы над подобным.

Сейчас же, вновь обретя права и должность мастера, Ахметов будто вдруг проникся такой необоримой жаждой, именно жаждой, буквального, прямого и жесткого выполнения инструкций, правил и приказаний. В случае, требующем самостоятельного решения, Саша не стал бы раздумывать, а твердо последовал прежде всего букве инструкции и правил. Перестраховка в конце концов не нечто данное человеку в характере. Она чаще всего плод горького опыта, когда инструкцию, распоряжение используют как щит или блиндаж в три наката. Однако в любом рассуждении перестраховщика обязательно присутствует подспудная мысль: мол, вообще-то, я мог бы поступить иначе, я знал, как лучше сделать, но у меня были связаны руки. Впрочем,

так ведут себя убежденные перестраховщики-карьеристы. Что до Саши, то его поведение было скорее рефлексорным, защитным. Так человек, однажды попавший в катастрофический переплет, долгое время, за годы спокойной жизни не в силах побороть в себе предубежденности к безопасности поездки в трамвае, автобусе, поезде или самолете.

Кстати, люди, летавшие всю жизнь, бывавшие в самых невероятных переделках, твердо и неколебимо убеждены в одном: самые безрассудно смелые люди — пассажиры. Смелы они своей верой и неведением. Но не об этом речь.

Тракторный поезд уже преодолел больше половины пути к месту назначения. Тогда Саша, поначалу шедший рядом с Курбаном, не выдержав напряженного и медлительного движения, стал кругами обходить двигавшиеся, подобно единому агрегату, тракторы и вышку. Он старался незаметно приглядываться к узлам тросов на переплетах вышки, к препятствиям, попадавшимся на пути, — возвышенностям и долинкам, которые ловко преодолевали водители, не допуская ни излишнего натяжения, ни провисания такелажа.

Замечаний Ахметову делать не решались: неудобно как-то, да и особых причин не находилось. Но к Саше стали приглядываться, начали следить за его добровольными «исследованиями» крепости и надежности узлов на тросах. Однако не сразу, но тем незаметнее и глубже поведение Ахметова стало волновать и нервировать водителей и бригадира. Они почему-то начали ощущать себя в чем-то виноватыми, не видя, не замечая никаких промахов со своей стороны. Хотя, может быть, именно это обстоятельство более всего и задевало их.

Будто выстрел, раздался крик Саши:

— Узел! Узел на кронблоке развязался!

Не дожидаясь полной остановки тракторов, Саша метнулся к вышке. Он неловко вскочил на салазки, чуть не сорвался, но успел ухватиться за поручни трапа буровой и, гремя подковками ботинок, побежал вверх. Курбан если и помедлил, то секунду и тоже кинулся к трапу, перескакивая через две ступеньки, бросился догонять Сашу. Трактористы выскочили из кабин, отбежали подальше на всякий случай, потом собрались вместе. Они переглядывались, пожимали плечами, удивляясь, как это Ахметов уследил за узлом троса на таком расстоянии.

Тем временем Саша добрался до кронблока и воочию убедился, что с узлом ничегошеньки не случилось. Подскочивший Курбан, увидев ошибку Ахметова, с превеликим удовольствием высказал все накипевшее у него на душе за несколько тревожных секунд. А накипело столь много, что понадобились минуты, чтоб излить это.

Саша только улыбался, слушая Алиева.

— Ну, чего, чего ты зубы скалишь? А? Чего смешного? Клянусь, бить за такие штучки надо!

— Так бей! Чего ждать? Я не обижусь.

— Дурной ты какой-то... — покосился на Ахметова Курбан и повернулся, чтоб идти вниз, но Саша удержал его за плечо.

— Ты пойми, дорогой, мне ведь снова доверили буровую. Я ж руки на себя наложу, если с ней что случится.

Выслушав его, Курбан нахмурился.

— Вот что... Иди-ка ты от нас вперед. Иди. А мы приведем туда вышку. Я тебя понял, но ребята у меня очень горячие. Ты лучше топай вперед.

И, спустившись вниз, Ахметов ушел, провожаемый недоуменными взглядами. Не зная, чем объяснить

своим товарищам тревогу, поднятую Сашей, неторопливо сошел на песок Курбан.

Однако встретились они на месте, где было решено разбуривать новую скважину, достаточно миролюбиво и ни словом, ни намеком не попеняли Саше. Трактористы поняли взвинченное вновь возвращенным доверием состояние души Ахметова.

Прошло около двух суток после начала грифона, когда скважину забурили под кондуктор, направляющий ствол скважины. Все это время на буровой присутствовал инженер производственно-технического отдела Непес Тугунбаев. Двести метров ствола прошли за смену, и Саша Ахметов чувствовал себя героем. Удельный вес глинистого раствора решили пока не увеличивать. На этом настоял начальник конторы — Субботин. Ведь тогда бы отпал главный козырь обвинения его против Субботина-младшего, переведенного в шоферы. Машина Алексея обслуживала буровую Ахметова.

После завершения вертикальной части ствола, турбобур был поднят, и в месте соединения инструмента с бурильной колонной поставили специальный отклонитель. Он-то и станет направлять турбобур под строго определенным, высчитанным заранее углом к оси колонны.

Целая система особых приборов, установленных на буровой, сориентировала изогнутый инструмент по азимуту в желаемом направлении. По мере углубления скважины отклонители меняют в строго определенном порядке, потому что необходимо соблюсти расчетную кривизну скважины. Чтоб представить себе всю сложность наклонного бурения с выходом забоя скважины близко к забою аварийной, достаточно взять нитку и, воткнув в противоположную стену иглу, попробовать с ходу попасть ниткой в игольное ушко.

— И все-таки, — заканчивал свое выступление на заседании комиссии главный инженер треста, — несмотря ни на какие объективные данные о наличии не предусмотренных технологией бурения очень высоких внутрипластовых давлений, не исключена возможность и даже вероятность того, что при внимательном отношении к ведению бурения, пристальном наблюдении за поведением глинистого раствора, выходящего из скважины, мастер Субботин мог бы своевременно заметить, а следовательно, и предотвратить, проведенной вовремя дополнительной закачкой утяжеленного глинистого раствора в скважину, как газопроявления в виде выброса, так и дальнейшие последствия — открытое фонтанирование, приведшее к возникновению пожара, а затем развитие грифона, так как...

Тут Тигран Мушегович выключил свой слуховой аппарат и с явным удовольствием погрузился в тишину. Но прежде чем задуматься над сутью сказанного главным инженером треста, Севунц подивился постановке дыхания выступавшего. Больше минуты, словно бесконечная лента, тянулась фраза, а он не переводил дыхания. Что значит опыт!

Уже вторую неделю Тигран Мушегович находился в песках Каракумов, наблюдая за ликвидацией грифона. Девять скважин за это время было пробурено, в девять раз увеличился выход газа из пласта, а давление в нем почти не упало.

Одну из скважин вел Алексей Субботин. Уже после выхода на пласт первых буровых стало ясно, что претензии к старшему мастеру Субботину-младшему необоснованны, но начальник конторы бурения Субботин-старший отказался назначить А. М. Субботина даже

бурильщиком в бригаду. Понадобился приказ более высокого начальства.

Скважина, которую бурила бригада Ахметова, — наклонная, вышла забоем к стволу аварийной скважины. В нее началась закачка сверхтяжелого цементного раствора. Двое суток, будто в бездонную бочку, качали цемент насосы. И лишь на третьи сутки утром столб воды в кратере грифона начал час от часу становиться меньше. Укорачивалось, меркло и пламя над грифоном. Потом в бурой взбаламученной воде, наполнявшей кратер, появились серые прожилки.

Уже вечером столб воды опал, и ее поверхность лишь отдаленно напоминала кипение. Газ еще пробивался мелкими струйками. Крохотные, будто болотные огни, бродили в кратере. Потом и они погасли.

Грифон был задавлен.

«Что ж, — размышлял Тигран Мушегович, — тогда Михаил Никифорович поступил правильно: он не мог своей волей до окончательного вывода — решения комиссии, доверять буровую Алексею Субботину, как он не доверил бы и никакому другому мастеру, оказавшемуся в положении Алексея».

Однако дальше поведение Субботина-старшего оказалось не таким безусловным. Балок, в котором обитал Тигран Мушегович, стал своего рода «Швейцарией», как шутил Севунц, этакой нейтральной территорией, где проходили встречи «враждующих» сторон. Больше всего споров шло вокруг бурового автомата, о котором много говорил Алексей.

— Не говори гоп, пока не перескочишь, — останавливал Алексея Михаил Никифорович. — Мечтал много об автомате, вот и упустил скважину. Надеялся бы на свою голову — лучше бы было.

— Не передергивайте.

— Что?

— При чем здесь мечты, когда дело в двух-трех годах — и буровая-автомат станет работать здесь. Вот тут, на этих газоносных площадях пустыни.

— Будет... Может, и будет. Только уж к автомату-то я безголового мечтателя не поставлю. А то начнет мечтать о том, что и бурение АСУ поведет.

— И поведет.

— Знаю! Вперед тебя знаю! — зарывался Субботин-старший. — Мечтай, но не портачь, не губи скважину.

— Я вел бурение...

— Именно «вел», — качал головою Михаил Никифорович, тоном голоса упирая на прошедшее время глагола.

Тут уж приходилось вмешиваться Тиграну Мушеговичу. И он вмешивался, успокаивая не в меру расхोдившегося Субботина-старшего. Хотя Тигран Мушегович прекрасно понимал: досада Михаила Никифоровича шла от искренней привязанности к Алексею. Субботин-старший и в мыслях никогда не допускал, что на буровой его Алешки может произойти такой страшный случай и его сыну, Алешке, понадобятся оправдания в невиновности. А на самого Субботина-старшего начнут поглядывать с сочувствием, с жалостью, соболезновать.

Нет уж, тут душа Субботина-старшего бунтовала, а сердце срывало злость на сыне. Для него полное оправдание комиссией значило много больше, чем для кого бы то ни было другого. Редко в жизни человека бывают моменты, от которых зависит все его дальнейшее существование. И вот подобным поворотным пунктом было решение комиссии для Алексея: Прежде всего вывод касался мастера: он не позволял себе даже тени сомнения в собственной правоте — никаких нарушений не допускал.

Иначе он в ответе за Алты, прежде всего за Алты.

Он останется жив, в этом уже никто не сомневался, даже работать он сможет, но ожоговые шрамы изуродовали не только его тело, но и лицо...

Если мастер был виновен, доверят ли ему в будущем работу, серьезную работу инженера-буровика. Могут и не доверить. Тогда крылья мечты Алексея подрезаны. Жизнь не задалась.

И, наконец, — Алексей парочно оставлял это на конец, — как сложатся отношения с Гюльнарой. Она заранее смирилась в душе с его виновностью. Считала, правда, любое решение не может повлиять на ее чувство к нему... Подобного он не смог бы вынести. Его должны, обязаны признать невиновным в аварии и последствиях... Иначе как же он сможет смотреть ей в глаза, быть с нею!

Тут Тигран Мушегович тоже был поверенным. Хотя Алексей не много говорил о своих отношениях с Гюльпарой, Севунц понимал, что заботили они Алексея очень сильно. Салахова выписалась из больницы в конце второй недели после случившегося. Она так и не вспомнила встречи с коброй, но с каким-то почти маниакальным упорством считала, будто Алексей в чем-то нарушил технологию бурения. Они виделись, но Суботин-младший держал себя отчужденно.

— Они со мной решат, а я тогда с ней решу, — проговорил вчера, будто невзначай, Алексей. Он приезжал вместе с вахтой на буровые и, словно на работу, являлся в вагончик к Тиграну Мушеговичу. Так было до того времени, когда ему все-таки доверили буровую. Но и потом он ежедневно навещал Глухаря, догадавшись о молчаливом сочувствии Тиграна Мушеговича.

Так вот, выслушав это, вроде бы вскользь сказанное Алексеем решение, Тигран Мушегович, подумав, проговорил:

— Разве ты так же сказал бы, будь она твоей женой?..

Тигран Мушегович знал, что и зачем он сказал.

Севунц среди всех окружавших Алексея людей был единственным, на кого катастрофа буровой не наложила тяжелого психологического отпечатка. Для всех грифон — ЧП. Для Тиграна Мушеговича — вещь обычная, как для врача-хирурга операция по поводу прободной язвы желудка: сложная, но не выходящая за рамки его должностных обязанностей. Это позволяло Глухарю внимательнее, чем другим, приглядываться к людям и безусловно поверить, что мастер Субботин-младший никогда не позволил бы себе нарушить технологию бурения, а бурильщик Остап Третьак, помощник бурильщика Есен Тонтогулов или переведенный в буррабочие Саша Ахметов промолчали бы о каком-либо нарушении...

Теперь, выслушивая выступавших членов комиссии, Севунц понимал, что, признавая невиновность Субботина-младшего и в то же время делая оговорки, администраторы осуществляли «административный загляд» для будущих читателей протокола с той твердой убежденностью, что все хорошее можно продлить и увеличить, а плохое предупредить и пресечь...

Сосед легонько толкнул Тиграна Мушеговича в бок, и Севунц увидел, что оратор наконец распутал заверченную фразу и сел, и настал черед его высказать свое мнение. Чуть подняв над столом руки, Тигран Мушегович соединил подушечки пальцев обеих рук и начал:

— Кто из вас, товарищи, поступил бы иначе, чем геолог Салахова или участковый инженер? Никто. Никто из вас не подписал бы документов, в которых указывался сверхтяжелый вес раствора для бурения этой скважины. Ни у кого не было достаточных оснований.

Кто из самых опытных буровиков поступил бы ина-

че, чем Субботин-младший? Иначе говоря, кто увеличил бы удельный вес глинистого раствора, зная, что это ведет к снижению темпов проходки, к удорожанию каждого метра проходки... Никто. У мастера не было оснований быть более осторожным, чем геологи и инженер.

Мне не хочется видеть истину в одной старой пословице... Кувшин упал на камень — горе кувшину, камень упал на кувшин — горе кувшину. Тут кто-то предложил дать выговор. Кому надо давать выговор? Кому?..

Мы почти достоверно знаем, что находится в миллионах парсеков от Земли. И что там происходит. И ничего достоверного в том, что у нас в десяти километрах под ногами. Мы — дети Земли. И наверное, как все дети, много интересуемся окружающим и почти ничего не знаем о своем доме. Мы с наивной твердостью уверены в одном: если потрудимся, то кусок хлеба и даже тарелку супа Земля человеку обеспечит.

Здесь, на этой площади, мы потерпели поражение. Тяжело переживать отступление. Особенно когда люди честно выполняли свой долг и были мужественны.

И то сказать. Почти без исключения на каждой новой площади — в Туркмении, на Мангышлаке, в Восточной и Западной Сибири — не обходилось без подобных неприятностей. Более двух тысяч лет человек бурит землю, но не прошло и двадцати, как перейден пятикилометровый рубеж. И то это стало возможным лишь потому, что наши инженеры изобрели турбобур. Сейчас на очереди буровой автомат. Пользуясь им, мастер каждую минуту будет знать, что происходит на глубине, на забое скважины. В конце этой пятилетки буровые автоматы будут в поле.

А пока, как и всегда, незнание — не ошибка. Ни геолог, ни буровик не знают, что происходит на глубине,

на забое скважины. Каждая новая площадь, новый регион, следующая сотня метров глубины — погружение в неведомое.

Подумаешь — буровик. Буровик — не космонавт! Совершенно верно, не космонавт. Он — геонавт.

И далеко отставший от своего счастливого собрата. Если продолжить сравнение, то геонавты еще только собираются изучать Землю с помощью «автоматических ракет». Геонавтам еще далеко до погружения в глубины своего «космоса».

Но коли судить по большому счету, то подлинные исследования в космосе невероятны без бурения. Конечно, если мы хотим что-то познать во вселенной, а не просто познакомиться с планетами, оставив следы своих подошв на их пыльных тропинках.

Выговор... Его можно вынести и Субботину и Салаховой, чтоб на время успокоить свою, нашу, человеческую совесть. Познать мир вокруг оказалось легче, чем Землю. Но понимание необходимости, жизненной важности, неопределенности этого дела все настойчивее осознается нами...

Тигран Мушегович покачал головой, словно вновь и вновь повторяя сказанное.

Потом в слуховой аппарат Севунц услышал голос председателя:

— Ну что ж... Приступим к голосованию?

СОДЕРЖАНИЕ

Прыжок из пламени	3
Урючный снег	20
Взрыв	40
Грифон	57
Алешка, Алешка...	74
Гюльнара	96
Схватка	120

Коротеев Н. И.

К68   Грифон. Повесть. М., «Молодая гвардия»,
160 с. (Честь. Отвага. Мужество). 1973.

100 000 экз. 21 коп.

О мужестве и рабочей чести буровиков, осваивающих новое газовое месторождение в пустыне, рассказывает эта повесть.

Коварный и неумолимый враг — грифон — незаметно подкрадывается и обрушивается на буровую. В трудной борьбе, когда людям приходится проявить смелость, выдержку, идти на жертвы, справиться со стихийным бедствием им помогают дружба, любовь и взаимоподдержка.

7—3—2
185—73

P2

Коротеев Николай Иванович

Грифон. Повесть.

Редактор **С. Михайлова**

Художник **А. Семенов**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **В. Агеева**

Корректоры **А. Долидзе, Т. Пескова**

Сдано в набор 27/II 1973 г. Подписано к печати 12/VI 1973 г. А00410. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 3. Печ. л. 5 (усл. 7). Уч.-изд. л. 6,9. Тираж 100 000 экз. Цена 21 коп. Т. П. 1973 г., № 185. Заказ 402.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: Москва, А-30, Сущевская, 21.

Николай Иванович Коротеев родился в 1927 году в городе Калинине. В 1956 году защитил диплом в Литературном институте имени А. М. Горького.

Журналистскую работу начинал в газетах «Патриот Родины», «Комсомольская правда», был разъездным корреспондентом журнала «Вокруг света», сотрудничал в приложении «Искатель». В этих изданиях опубликованы его повести «Выстрел в тайге», «Схватка с оборотнем», «Когда в беде по грудь», «Быль о якутских алмазах», а также рассказы и очерки.

За последние годы в различных издательствах вышли книги Н. Коротеева «Огненная западня», «Золотая Слава», «Операция «Соболь», «Живое дерево», «Три подвига», «Испания в сердце моем».